

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается:
въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за
1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за
1867 г. **6** р., за 1868 г. **3** р., за 1869—1879 г. по **6** р.
каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюлле-
ра.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лав-
ренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**,
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено Цензурой. Москва, 6 Мая 1880 г.

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА

ОТДѢЛЪ XV

№ 4204 3670

~~12457.~~
Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

21

Копия. предъд. выдачи

Exploitation

5
~~Exploitation~~

Exploitation

Exploitation

Exploitation

Exploitation

251

322

2 6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05
954
81
1880.

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

1876 ж

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

1880.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. А. С. ...
№

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Исаева

и

Губернскаго Правленія.

20
42

0518663

Воронежская областная
научная библиотека
имени С. А. С. ...

СОДЕРЖАНИЕ II ВЫПУСКА.

Сравнительный синтаксисъ именит., зват. и винит. падежей въ санскритѣ, зенд., греч., лат., нѣмец., литов., латыш. и слав. нарѣчійхъ. II (Продолженіе.)

А. В. Попова.

О частяхъ предложенія въ связи съ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ этимологическихъ формъ.

А. В. Барсова.

О значеніи префикса „ра“ въ словахъ радуга, радушіе.

В. А. Боголюбова.

Какъ писать: свѣдѣніе или свѣденіе?

Его-же.

БИБЛОГРАФІЯ:

Z dziejów języka polskiego. objaśnienia do rozprawy W. W. Makuszeu p. t. „Ślady wpływu ruskiego na piśmienictwo staropolskie,“ wydrukowanėj w czasopiśmie rosyjskim „Sławianskij sbornik (tom. 3) napisał Ad. Kryński. Warszawa. 1879.

Słownik ludowy przez Jana Karłowicza. Osobna odbitka z „Dwutygodnika naukowego“. Kraków. 1878.

Ogled. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika etc. Daničić, Zagreb 1878.

Slovanščina v romanščini. Spisal Davorin. Terstenjak. 1878.

И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.

Латинскій Синтаксисъ И. В. Нетушила. Харьковъ. 1880. I—IV+476. и особо его-же Сокращенное изд. лат. синтаксиса. III+150.

А. Хованскаго.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Опытъ учебника русскаго синтаксиса. (Продолженіе.)

А. А. Дмитревскаго.

Поправка. Въ I вып.—въ ст. „Русско-нѣмецкій словарь“ на стр. 125, строка 2—по недосмотру напечатано: „опущено встрѣчающееся (слово) у Тургенева, кажется, въ его повѣсти „Анна Каренина“, слѣдуетъ у Толстаго...“

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕНИ., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДЪ, ГРЕЧ.,
ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

II.

Винительные независимые и винительные зависимые.

Съ разграниченіемъ основныхъ значеній именительнаго и винительнаго начинается специальное развитіе значеній винительнаго. Какъ вообще языкъ не знаетъ скачковъ, такъ и здѣсь замѣчается, что первоначально это развитіе состояло въ томъ, что языкъ продолжалъ употреблять винительные въ тѣхъ же значеніяхъ, въ какихъ винительный чередовался съ именительнымъ, при чемъ нѣкоторые изъ такихъ значеній подверглись дальнѣйшему развитію, а нѣкоторые потерялись и были вытѣснены развивавшимися другими косвенными падежами. Первоначально эти винительные были независимы и лишь съ постепеннымъ возрастаніемъ цѣльности и стройности предложеній нѣкоторые изъ нихъ примыкали ближе къ глаголамъ и дѣлались зависимыми.

Винительные независимые. Распредѣленіе по группамъ различныхъ случаевъ винительнаго независимаго и сравненіе этихъ группъ съ группами винительныхъ, чередующихся съ именительными, показываетъ, что послѣдніе служили основаніемъ для развитія винительныхъ независимыхъ. Значенія, въ которыхъ винительные чередуются съ именительными вполне достаточны для объясненія винительныхъ независимыхъ.

Именительные, чередующіеся съ винительными, какъ мы видѣли, дѣлятся на три рода: 1) времени, мѣста и ихъ протяженій; 2) комитативные; 3) отношенія въ широкомъ смыслѣ. Между этими тремя родами распредѣляются и винительные независимые. Итакъ

1. Винительные независимые времена (А) и мѣста (В) и ихъ протяженій.

Въ первой главѣ (С1) обстоятельственные слова времени и мѣста рассматривались вмѣстѣ, съ одной стороны, потому что именительные въ этихъ значеніяхъ сохранились лишь въ незначительныхъ остаткахъ (такъ что нужно было одно дополнять другимъ), съ другой стороны, потому что они въ своихъ значеніяхъ представляютъ значительную степень параллельности. Но, несмотря на эту параллельность ихъ значеній, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи замѣчается значительное различіе. Въ то время какъ одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ винительныхъ времени, именно винительные на вопросъ *когда* сохраняютъ за собою это значеніе и свою независимость все время, пока продолжается ихъ употребленіе; въ параллельномъ видѣ винительнаго мѣста (т. е. въ винительныхъ на вопросъ *идь*) происходитъ слѣдующій процессъ. Такъ какъ винительные мѣста должны были часто встрѣчаться въ одномъ предложеніи съ глаголами, означающими движеніе къ цѣли ¹⁾, то въ этихъ винительныхъ, кромѣ значенія обстоятельства на вопросъ *идь*, стало развиваться также явственное значеніе обстоятельства на вопросъ *куда*. Первоначально оба эти значенія не различались формально: оба выражались или винительнымъ, или мѣстнымъ. Но скоро намѣтилось такое различіе ²⁾ въ выраженіи обоихъ оттѣнковъ: значеніе на вопросъ *куда* осталось преимущественно за винительнымъ; а значеніе на вопросъ

¹⁾ Движеніе почти исключительно мыслится въ области пространства, поэтому обстоятельства времени на вопросъ *когда* не подверглись подобному измѣненію въ значеніи; нѣтъ даже ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ языкѣ нарѣчія, которое по своему значенію такъ относилось бы къ *куда*, какъ *когда* относится къ *идь*.

²⁾ Это очевидно изъ того, что чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ употребительнѣе винительные мѣста на вопросъ *идь* и мѣстные на вопросъ *куда*. См. критику локализма а и в.

идъ сдѣлалось главнымъ значеніемъ мѣстнаго. Такимъ образомъ употребленіе винительнаго мѣста на вопросъ *идъ* почти вовсе теряется (сохраняясь въ позднѣйшее время въ видѣ архаизмовъ), а вмѣсто этого значенія въ немъ рѣшительно преобладаетъ значеніе цѣли движенія (обстоятельства на вопросъ *куда*), значеніе, развившееся подѣ влияніемъ глаголовъ движенія. Только винительные мѣста на вопросъ *идъ* (постепенно исчезающіе) остаются независимыми, т. е. могутъ стоять въ предложеніяхъ со всякимъ глаголомъ; употребленіе же винительныхъ мѣста на вопросъ *куда* начинается зависѣть отъ присутствія въ предложеніи глагола, означающаго движеніе; другими словами, винительные мѣста на вопросъ *куда* дѣлаются зависимыми. Что это такъ, что дѣйствительно является такое различіе между винительными на вопросъ *идъ* и *куда*, легко видѣть на любомъ примѣрѣ. Если взять несомнѣнный винительный независимый, какъ „конецъ, край“ (Miklos. 392, 29), то, какой бы ни былъ въ одномъ предложеніи съ нимъ глаголъ (означающій ли движеніе, или пребываніе на мѣстѣ), такіе винительные остаются безъ измѣненія. Напр. хочу бо, рече, копие приломити коньць поля Половъцькаго (вопр. *идъ*, Слово о п. Иг. Потѣбня 12 ст.); млр. ити край свѣта (*куда*, на край). Напротивъ, въ другихъ случаяхъ, какъ скоро къ глаголу примѣняется вопросъ *куда*, то слово, означающее мѣсто, непременно должно быть выражено винительнымъ; а если примѣняется вопросъ *идъ*, — мѣстнымъ ³⁾, напр. „я ходилъ въ лѣсъ“ и „я ходилъ въ лѣсу“ ⁴⁾. Строгость этого требованія ослабляется лишь по направленію къ древности, такъ

³⁾ Во вторыхъ случаяхъ употребленіе падежей согласно съ принципомъ локализма; въ первыхъ же принципъ локализма безсиленъ. Такъ какъ первые обороты древнѣе вторыхъ, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ очевидный примѣръ того, какія поспѣшныя обобщенія дѣлалъ локализмъ. Ср. критику локализма.

⁴⁾ Присутствіе въ этихъ примѣрахъ предлоговъ нисколько не усложняетъ объясненія, такъ какъ предлоги представляютъ собою нарѣчія, прибавляемыя къ готовымъ падежамъ для болѣе

что уже въ скр. *vanam abhramam* или *agaśham* можетъ значить: „я ходилъ въ лѣсъ“ и „я ходилъ въ лѣсу“.

Такимъ обр. винительные мѣста подверглись болѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ винительные времени ⁵⁾. Вслѣдствіе этого различія я рассматриваю ихъ отдѣльно и при этомъ (вопреки локализму) ставлю на первомъ мѣстѣ винительные времени (А), какъ сохранившіеся въ болѣе первоначальномъ видѣ, а не винительные мѣста (В) ⁶⁾.

А. Винительные времени и его продолженія.

Въ первой главѣ указано было два основныхъ значенія обстоятельственныхъ словъ времени: значеніе продолженія времени (C1b) и значеніе пункта времени (C1a). Въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній обстоятельственные слова являются болѣе самостоятельными (см. *ibid.*) и потому я ставлю его на первомъ мѣстѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи относя-

точного опредѣленія ихъ значеній, Pott, *Etym. F.* 1², 22. При томъ же такое прибавленіе предлоговъ къ винительному и мѣстному болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ разграниченіе значеній винительнаго (*куда*) и мѣстнаго (*идь*).

⁵⁾ Для нагляднаго уясненія того, какъ первоначально параллельныя значенія дѣлаются существенно различными, приведу примѣръ, гдѣ обстоятельства времени и мѣста выражаются винительными близкихъ по значенію именъ. «А въ царствованіе В ходилъ въ царство С» (ср. ходилъ въ царствѣ С). Первый винительный не означаетъ никакого направленія, а лишь точку времени; между тѣмъ второй винительный необходимо означаетъ направленіе, и, если мы хотимъ устранить это значеніе, то должны вовсе устранить винительный пад.

⁶⁾ Что обстоятельства времени вообще сохранились лучше обстоятельствъ мѣста, это очевидно также изъ того, что винительные времени въ болѣе позднихъ формаціяхъ языка встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ винительные мѣста. Въ большей первоначальности обстоятельствъ времени и большей степени ихъ независимости я вижу причину того, почему сохранились нѣкоторые остатки именительнаго времени на вопр. *когда*, но не сохранились именительные на вопр. *идь*.

щихся сюда явленій въ первомъ значеніи замѣчается два отгѣнка, которые до сихъ поръ не разграничивались грамматиками:

а) указывается продолженіе одного только времени, но не факта, т. е. винительный указываетъ, сколько прошло времени послѣ совершенія факта, напр. онъ умеръ пять лѣтъ назадъ.

а²) указывается продолженіе не только времени, но и самого факта, т. е. винительный указываетъ время продолженія извѣстнаго факта, напр. онъ пять лѣтъ живетъ здѣсь; онъ пятый годъ живетъ здѣсь⁷⁾.

б) Винительные времени во второмъ значеніи означаютъ пунктъ времени, когда происходитъ дѣйствіе.

Всѣ эти значенія въ большей или меньшей степени сохранились во всѣхъ сравниваемыхъ нами языкахъ.

Въ скр. а) *kati diahâin amhânañ mittâvasunâ pesidânañ* = *kati divasânj âvajor mitrâvasunâ preṣitajos* — (такъ какъ) нѣсколько дней (назадъ) мы были посланы Митравасой, Çakunt. 79, 2. — а²) *dvâdaça dñun jat agohjasja âtithje raṇan ṛbhavaḥ sasantaḥ* — двѣнадцать дней какъ Рбху снѣ наслаждались гостепріимствомъ нескрываемаго (т. е. солнца). R. V. 4, 33, 7; *ûrdhvabâhuḥ çaturthañ tu mâsam asmi sthitaḥ* — четвертый мѣсяцъ я стою съ поднятыми руками, Argun. 3, 7; *manvantarânj asaṅkhjâni sargaḥ sañhâra eva ça* — въ продолженіе безчисленныхъ періодовъ Ману (происходитъ) созданіе и разрушеніе, Mânav. 1, 80, а (Bf. 141); по Уильямзу санскр. винительный времени означаетъ преимущественно продолженіе времени, Williams,

7) Такое разграниченіе отгѣнковъ особенно необходимо съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія этихъ винительныхъ: винительные перваго отгѣнка остаются навсегда близкими къ роли самостоятельныхъ предложеній; винительные же втораго отгѣнка могутъ дѣлаться зависимыми объектами, ср. ниже вин. завис.

An elem. gramm.—b) *éandramâh naktam iti*—ночью выходит луна, R. V. 1, 24, 10, b; *tad i(t)n naktam tad divâ mahjam âhuḥ*—это говорят мнѣ ночью и днемъ, R. V. 1, 24, 12, a; (объ удвоеніи такихъ обстоятельствъ времени см. выше C¹c); въ послѣднемъ значеніи гораздо чаще является мѣстный ⁸⁾.

Въ зендѣ. а) *pañcâsa êathwareçatem ça*—45 дней спустя, s. v. *pañcan*.—a²⁾ безъ сомнѣнія эти винительные употребительны, хотя я и не имѣю подъ руками нужнаго примѣра.—b) *aêtem ratûm ça*—въ это время, *thrizaremaêm ratûm*—во время, дѣлящееся на три части, s. v. *ratu* и *thrizaremaja*; также s. v. *thritja* и *vîsaptatha*.

Въ греч. а) *ἑβδίμην ἡμέραν ἣ θυγάτηρ αὐτοῦ ἐτετελευτήκει*—седьмой день (какъ) у него умерла дочь; на значеніи этого винитель. основывается употребленіе винитель. для означенія возраста, напр. *ὁ τριάκοντα ἔτη γεγονώς*=*triginta annos natus* собственно значить „родившійся 30 лѣтъ назадъ, 30 лѣтъ какъ родившійся“: *καὶ ἐτάχθησαν μὲν πρὸς αὐτοῦ οἱ τριάκοντα ἔτη γεγονότες*, Анаб. 2, 3, 12—и построились при немъ тридцатилѣтніе.—a²⁾ *σοὶ γὰρ ἐγὼ καὶ ἔπειτα κατηφεῖη καὶ ὄνειδος ἔσσομαι ἡμέα πάντα διαμπερές*—ибо я буду и впослѣдствіи позоромъ и поношеніемъ для тебя всѣ дни непре-

⁸⁾ Въ древнѣйшее время винительный употреблялся, вѣроятно, также и для означенія продолженія до извѣстнаго предѣла времени; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ одинъ примѣръ такого винительнаго въ скртѣ: *kalpântaṁ diçatu vaḥ puṣpâ-gamo maṅgalam*—да подаетъ вамъ счастье до конца міра приходящій съ цвѣтами (т. е. богъ весны), Vasant. 34, d (Bf. 150). Позже для выраженія этого значенія дѣлаются необходимыми предлоги, ср. греч. *εἰς αἰῶνα* и т. п.

рывно, II, 499; τρεῖς γὰρ δὴ μὲν φασιν ἀνάξασθαι γένε' ἀνδρῶν — ибо, говорятъ, онъ царствовалъ въ продолженіе трехъ поколѣній мужей (drei Menschenalter hindurch), γ, 245; τὸ λοιπὸν τῆς ἡμέρας οἱ μὲν ἐπορεύοντο οἱ δὲ εἶποντο — въ продолженіе остальной части дня они шли, а тѣ слѣдовали за ними, Αναβ. 3, 4, 16; какъ и въ другихъ языкахъ, въ греч. этотъ винительный особенно употребителенъ. Курц. § 405.—b) τοῦτον τὸν χρόνον — въ это время, τὸ λοιπὸν — впредь (въ остальное время), τέλος — наконецъ, Курц. § 405, прим. 2.

Въ лат. а) винительный обыкновенно съ количественнымъ числительнымъ, при чемъ прибавляется обыкновенно нарѣчіе *abhinc* — отсюда, т. е. считая отъ настоящаго времени: Demosthenes *abhinc annos prope trecentos fuit*, Cic. Шульцъ-Ходоб. § 258, прим. 3; сюда же относится винительный возраста обыкновенно въ соединеніи съ *natus* (ср. въ греч.): Dionysius *quinque et viginti annos natus dominatum occupavit*, Cic. Діонисій двадцати пяти лѣтъ отъ роду (букв. родившійся 25 лѣтъ назадъ) захватилъ власть. Шульцъ-Ход. § 258, прим. 5.—a²) *Duodequadraginta annos tyrannus Syracusanorum fuit Dionysius*, Cic.—Д. былъ 38 лѣтъ тиранномъ Сиракузскимъ, Шульцъ-Х. § 258; *Mithridates annum jam tertium et vicesimum regnat*, Cic.—М. царствуетъ уже 23-й годъ. Шульцъ-Х. § 258, прим. 3. Вин. b мнѣ извѣстенъ только въ нарѣчій *propediem* — вскорѣ, букв. близко день, т. е. въ ближайшій день.

Въ нѣм. по Гримму винительный употребляется на вопросъ *какъ долго* (т. е. въ значеніи a²), а на вопросъ *когда* (b) родительный.—a²) *Er lebte fünf Jahre* — онъ жилъ 5 лѣтъ; въ готскомъ: *visandei in runa blothis jera*

tvalif—сущая въ кровоточеніи 12 лѣтъ, Марк. 5, 25; сюда-же, вѣроятно, винительный aiv—вѣкъ (ср. млр. вікъ не по́ду), ni aiv—никогда ни во вѣкъ, Матѳ. 9, 33. Остаткомъ такого винительнаго типа b могутъ быть Mittag и Abend въ соединеніи съ essen (ѣсть въ полдень, ѣсть вечеромъ).

Въ лит.—a²) penkies dēnas lijo—пять дней шелъ дождь и т. п. Schleich. Gr. s. 263, —b, ryta—утромъ, ta nakti—эту ночь, szimet (meta) этотъ годъ, ibid. s. 264.

Въ латыш. a) (рядомъ съ именительнымъ) seszus gaddus atpakaļ=sex annos abhinc—шесть лѣтъ назадъ и т. п. Bielenst. § 654.—a²) pēci dēnas lija=лит. penkies dēnas lijo—пять дней шолъ дождь, ibid. § 538, b; jau sestu nedēlu gul—уже шестую недѣлю лежитъ (больной), ibid. § 538, Ann. 3.—b) саву лайку ѣвас зѣд—въ свое время цвѣтеть черемуха, Сирогистъ 150, 22; ritu=лит. ryta—утромъ, Bielenst. § 538, a.

Въ слав. a) Недѣли три тому, приполъ я поздно, Пупк. Буслаевъ § 284, 1; большею частью послѣ тому (назадъ) прибавляется какъ и обстоятельствоное слово получаетъ так. обр. видъ отдѣльнаго предложенія; въ чешс. dnes dvě neděle, přišla k nám sestra. Zikm. 48.—a²) цсл. три дни въ китѣ поживъ, Супральск. Mikl. 393, 32; серб. служи мене трећу годину, вас дан дуги босилав сејала—цѣлый долгій день сѣяла васильки; Даничић 412; чеш. a tu již sedmé léto bydlím—здѣсь живетъ уже седьмой годъ, tři léta sám královal, Zikmund 48; въ русск. вѣкъ мучиться, Варенц. 73; работать день и ночь, не спать пятую ночь; примѣры въ другихъ слав. нар. Miklos. 393, 32, гдѣ они смѣшаны съ b.—b) цсл. вечеръ, утро, Бусл. § 245, прим. 1; дньсь=поздн. днесъ; серб.

први данак—въ первый день, Mikl.; чеш, а šla ten večer pryč, и т. п. Zikm. 47; въ дррусск. довольно часто: и сторóжи сами наряживайте, и ночь (ночью), отвсюду нарядивше около вой, тоже лязите, Поуч. Моном, Лавр. 102; осень умре Половечьскый князь, Лавр. 87, 34, зимусь *ibid.* 207; въ новомъ такіе винительные дѣлаются рѣдкимъ явленіемъ (ср. народное *вечоръ*) и удерживаются почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда при нихъ есть опредѣленіе (преимущественно мѣстоименіе), напр. эту ночь, это утро, эту осень, прошлый годъ т. п.

Какъ можно видѣть изъ сравненія въ различныхъ языкахъ а, а² и b, наибольшимъ распространеніемъ пользуются винительные типа а² (означающіе продолженіе времени при продолжающемся фактѣ); винительные типа а вообще составляютъ не особенно распространенное явленіе (до сихъ поръ они въ грамматикахъ большею частью или игнорировались, или смѣшивались съ а²), а позже замѣняются описательными оборотами (ср. франц. *il y a trois mois*—три мѣсяца тому назадъ); наконецъ, винительные типа b большею частью вытѣсняются, преимущественно мѣстнымъ, а также творительнымъ и рѣже родительнымъ. Въ дополненіе и объясненіе къ приведеннымъ даннымъ нужно прибавить еще слѣдующее:

1) Винительные типа а, какъ близкіе по значенію къ роли самостоятельныхъ предложеній, иногда принимаютъ при себѣ сказуемое (ср. гл. перв. С1) и так. обр. обстоятельныя слова, оставаясь въ вин. пад., являются на мѣстѣ подлежащаго, образуютъ, слѣдовательно, безличныя предложенія. Напр. *widziałem ją, godzine temu (będzie)*—я видѣлъ ее, годъ тому (будетъ), *i było chwila*—il y avait un moment, Mikl. s 355; въ мр. прошло мѣсяць (недію); русск. прошло тысячу лѣтъ; недѣлю тому будетъ, какъ это случилось; серб. није прошло ни недѣљу дана. Кар. Пј. 1, 651 рядомъ съ није прошла ни недеља дана (не прошло и недѣлю дней, Даничић 412 и 413); въ греч.

τρίτην ταύτην ἡμέραν ἄγει—идеть третій день, (ср. гл. перв. C1 b въ греч.)=млр. це третю неділю йде. Так. обр. мы получаемъ вполне удовлетворительное объясненіе одного изъ видовъ безличныхъ предложеній.

2) Винительный для означенія возраста указанъ лишь въ греч. и лат. гдѣ онъ несомнѣнно принадлежитъ къ винительнымъ типа а. Такой винительный встрѣчается въ другихъ языкахъ: въ нѣм. *ich bin zwanzig Jahre alt*—мнѣ двадцать лѣтъ, букв. я старъ 20 лѣтъ; въ лит. *jis tris metus sens*—ему три года; въ латыш. винительный *privecs, Bielenst. § 538, с*; въ нѣкоторыхъ слав. напр. въ чешск. *syn čtyry léta star jest, Zikm. 50*. Но винительный возраста въ этихъ языкахъ можетъ принадлежать и къ типу а² сообразно съ значеніемъ находящагося при немъ прилаг. или причастія. Такъ нѣм. *alt* по первоначальному значенію можетъ значить не только „рожденный“ (норд. *ala—zeugen*) но и „вскормленный, растушій“ (Fick 3³, 26), такъ что, если въ разсматриваемомъ оборотѣ *alt* первоначально имѣло второе значеніе, то *ich bin zwanzig Jahre alt* первоначально значило почти тоже, что „я кормленъ, расту 20 лѣтъ“, т. е. винительный принадлежитъ къ типу а². Точно также, если лит. *senas* значить первоначально „продолжающійся“ (Fick 3, 322), то и лит. винительный возраста можетъ принадлежать къ типу а² ⁹⁾.

В. Винительные мѣста (пространства) и его протяженій.

Въ винительныхъ мѣста замѣчаются оттѣнки значеній, параллельные значеніямъ винительнаго времени:

а) указывается протяженіе одного только пространства, но не движенія по нему, т. е. винительный показываетъ разстояніе между предметами.

⁹⁾ Не представляютъ ли подобные обороты въ лит., латыш. и слав. заимствованія съ нѣмецкаго? Русскій языкъ не знаетъ этихъ оборотовъ, а чешскіе имѣютъ видъ буквальныхъ переводовъ съ нѣмецкаго, такъ же какъ лит. и латыш.

a²) указывается не только протяженіе пространства, но и движеніе по нему, т. е. винительный показываетъ пространство, по которому происходитъ движеніе, напр. плыть пучину; въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе это близко къ значенію винительнаго на вопр. *идь* (b), напр. плыть море и плавать въ морѣ.

b) значенію на вопр. *когда* соответствуетъ значеніе на вопр. *идь*; но, какъ указано выше, винительные въ этомъ значеніи подверглись вліянію глаголовъ и развили значеніе цѣли движенія (на вопр. *куда*), вслѣдствіе чего они должны быть отнесены къ винительнымъ зависимымъ; остатки винительнаго, сохранившаго значеніе на вопросъ *идь* приведены выше при критикѣ локализма (a).

Въ скр. a) *kṛṣṇaḥ śatañ krośān soma-nathāt*—Кршна сто крось (находится на разстояніи ста крось) отъ Самонатхи (ср. *śatañ krośān*—именительный C1 b, Williams 181; винительный представляетъ болѣе нормальное явленіе, чѣмъ именительный); *njājāt pathaḥ praviśānti padañ na dhīrāḥ*—отъ истиннаго пути не отступаютъ ни на шагъ твердые, Bhartṛ 2, 81, d;—нерѣдко при такомъ винительномъ стоитъ прилаг. или причастіе, которое опредѣляетъ, въ какомъ отношеніи измѣряется пространство, *trijoganâjatâ vâri vistrîta śa api joganam*—озеро (было) *въ три мили* длиною (въ скр. одно сложное слово) и *въ (одну) милю* шириною (букв. распростертое одну милю, *unum joganum lata, eine Meile breit*) Matsj. 16.

—a²) *sambhramanî citârttas tad vananî sarvam*—*vagans frigore*—*opressus hanc silvam totam*, Коссов. 2; *bhramanti śataśo mahim*—бродятъ сотнями по землѣ, Nalop. 16, 30, b; *damajant-jarthe śarāmaḥ pṛthivîm imām*—ради Д. мы ходимъ по этой землѣ (*peragramus terram hanc*), Nalop. 17, 4, a; *sâgaram pupluve tadâ nâukajā*—онъ поплылъ тогда по океану, Bopp. Gloss. s. v. plu.

Въ вендѣ. а) *maghem avakanôis distîm*—вырой углубленіе въ *distîm* (глубиною), s. v. *distî*. а²) *vî hapta karšvân gaçaiti*—онъ проходитъ семь каршвъ, s. v. *gaç*+vi.

Въ греч. а) *λείπετο δοῦρός ἐρωήν*—онъ остался на верженіе копья (на разстояніи удара копья), Илиада, (ср. въ дрр. стрѣлице едино); *ἐτρατοπεδεύοντο δὲ ἐκάστотε ἀπέχοντες ἀλλήλων παρασάγγην καὶ μείον*—располагались же лагерьмъ каждый разъ, находясь другъ отъ друга на разстояніи парасанга и меньше, Анаб. 2, 4, 10; *ὀλίγον ἀπεῖναι*—быть въ небольшомъ разстояніи, Курц. § 401 ср. § 405 ¹⁰).—а²) *κοινὴν ὁδὸν ἤλθομεν*—мы шли однимъ (общимъ) путемъ, Курц. § 399 b; *κλίμακα δ' ἰψηλὴν κατεβήσετο*—она сошла по крутой лѣстницѣ α, 330; *πῶθεν πλεῖθ' ὕγρα κέλευθα*—откуда вы плывете по влажнымъ путямъ? γ, 71; ср. Курц. *ibid*; *κέλευθον ἔρπω*—ползу по дорожѣ, Antig. 1213; *στάδιον ἰέναι*—идти стадію.

Въ лат. а) *Marathon ab Athenis circiter millia pasuum decem abest*, Nep. M. отстоять (на) 10 тысячъ шаговъ отъ А; *a recta conscientia transversum unguem non oportet discedere*, Cic—отъ чистой совѣсти не слѣдуетъ уклоняться (даже) на разстояніе толщины ногтя, Шульцъ-X. § 258; *non digitum transversum discedere*—не удаляться на разстояніе толщины пальца, т. е. нисколько. Шульцъ, Словарь, s. v. *transversus*; для болѣе точнаго указанія, въ какомъ отношеніи измѣряется пространство, въ

¹⁰) Курціусъ относитъ *ὀλίγον* къ другому роду винительныхъ, чѣмъ *ἐρωήν* и *παρασάγγην*, но, что это невѣрно, очевидно изъ приведеннаго мною примѣра изъ Анаб., въ которомъ *μείον* (ср. стп. отъ *ὀλίγον*) стоитъ рядомъ съ *παρασάγγην*.

такому винительному прибавляются прилагател. longus—длинный, altus—высокій, latus—широкій, рѣже crassus—толстый, magnus—большой, и profundus—глубокій, Шульцъ X. § 258.—a²) mare ambulavit, terram navigavit, Cic.—гулялъ по морю, плавалъ по сушѣ, ib. § 251, прим. 2; Pythagoras Aegiptum lustravit—П. посѣтилъ Египетъ, Шульцъ, Слов. s. v. lustro, viam ire—идти путь; stadium currere—бѣжать стадію, Dietz 3, 112.

Въ нѣм. a) Aber schon ein gutes Stück vor Insterburg bekam der Sack ein Loch—но еще на порядочномъ разстояніи до И. мѣшокъ порвался (букв. хорошій кусокъ до И.), Schleich; обыкновенно при такомъ винительномъ, какъ въ лат., являются прилаг. weit, lang, hoch, breit, Grimm 4, 757.—a², denselben Weg gehen—идти тоюже дорогою, eine Meile gehen—идти милю.—b¹¹).

Въ лит. apsistojo bertaini mylios nū karaliaus mēsto—остановился четверть мили отъ королевскаго города, т. е. на разстояніи $\frac{1}{4}$ м, Leseb. 143; ale dar szauną galą pirm Isruts tas žaks praplyszo—но еще порядочный конецъ до И. (т. е. на порядочномъ разстояніи до И.) тотъ мѣшокъ прорвался, Leseb. 248; virvė

¹¹) Въ нѣм., лит. и русскомъ оригинальное явленіе представляетъ вин. при глаг. стоять. Въ нѣм. die Wache stehen—стоять на часахъ (на караулѣ); въ лит. pustą stovėti, vektą stovėti—стоять постъ, вахту (на часахъ) Leseb. 172; въ русск. въ олонек. гов. «стоять станцію» въ значеніи «держатъ станцію», Колосовъ, Замѣтки о языкѣ..... 1876, стр. 127; ср. также мѣр. жолняръ варту ходить, солдатъ стоять на часахъ, Miklos. 375. Не берусь рѣшать, представляютъ ли эти винительные остатокъ первоначальнаго винительнаго на вопр. *идь* (какъ въ скр. при sthā стоять) или заимствование и, если заимствование, то откуда и какимъ путемъ.

tris sēksnius ilga—веревка въ три сажени длиною (букв. три сажени длинная, какъ въ лат., нѣм.), Lit. Gr. s. 263.—a²) szaltą rasele esmi braidžojes—бродилъ по холодной рощѣ, Nesselm. 108; jojaу лаука, jojaу антра—ѣхалъ я поле., ѣхалъ другое, Милл. и Форт. 60, 1; galą važiavus—проѣхавши конецъ (ein Ende weit), Leseb. 221; jis jūs galą pavežino—онъ провезъ ихъ (въ) конецъ, Les. 126. b.

Въ латыш. а) большею частью съ прилагательными, напр. divi pédas augsts—zwei Fuss hoch—два фута вышиною (букв. высокъ), Biedenst. § 538 a. ¹²).—a²) div irbītes цѣлю тек—двѣ куропатки бѣгутъ по дорогѣ; лайме гāя аузу лауку—счастье ходить по овсяному полю, Сирог. 91, 2 и 307, 23.

Въ слав. а) цѣл. погружаху грѣшники тысящю лакътъ, т. е. на тысячу локтей въ глубину, Mikl. 390; ддр. и ста Володимеръ дали града стрѣлище едино, т. е. на разстояніи выстрѣла (ср. гомер. δοῦδος ἐρῶν), Лавр. 46, 31; рѣка Донецъ.... пала въ Донъ, ниже рѣчки Кондрючы 10 верстъ ¹³), т. е. на разстояніи 10 в., Хр. Бусл. 1058, 2; чеш. i byli jsme ode vsi asi troje honu—и были отъ деревни приблизительно на разстояніи трехъ гоновъ, Zikm, 48; часто при такомъ винительномъ, какъ въ нѣм., прибавляется прилаг.: to jezero jest

¹²) Оригинальность винительныхъ мѣры къ прилагат. сомнительна (ср. выше о вин. возраста вын. 9 и ниже вин. тяжести и цѣны) тѣмъ болѣе, что даже нѣкоторые изъ такихъ прилаг. взяты изъ нѣм. напр. лит. vertis мар. вартъ=нѣм. werth дорогой, стоящій; въ русск. и цсл. этихъ оборотовъ нѣтъ.

¹³) Проф. Буслаевъ, какъ и многія другія древнія явленія, объясняетъ наоборотъ, т. е. новое явленіе ставитъ основаніемъ для болѣе древняго: «мѣра означена сокращено, вм. пространствомъ, на разстояніи и т. п. (Хрест. 1067).

dlouhé deset mil našich, široké tři, (также vysoký, hluboký), Zikm. 49, 51; въ серб. камен три аршина висок, један аршин широк и једну пед дебео (дебелъ, т. е. толстъ), Данич. 411; въ польск. ten kanał jest mile długi, a cztery sążnie szeroki, Mikl. 390 въ млр. перковъ есть двісті стѣпъ висока ¹⁴⁾ Miklos. ibid.— а²⁾ плути пучину морьску, Mikl. 374, =плыть пучину, идти путь, ѣхать версту; и лаять Татарове рѣку Шать, Бусл. Хр. 1057; млр. їде гору їде другу, Mikl. 375; серб. гору јаше (ѣхалъ), ib. чеш. oni za nim běželi asi dvoje hony, Zikm. 48.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что винительные мѣста типа а гораздо употребительнѣе, чѣмъ соответствующіе винительные времени; въ современномъ русскомъ эти винительные являются обыкновенно съ предлогами (напр. въ аршинъ длины), а иногда даже принимаютъ видъ описательныхъ выражений (на разстояніи версты и т. п.). Винительные мѣста типа а² пользуются вообще почти такимъ же распространеніемъ, какъ соответствующіе вин. времени; довольно рано начинается вытѣсненіе ихъ творительными, (напр. плавать моремъ, идти горою, лѣсомъ) ¹⁴⁾.

Сравненіе употребленія въ различныхъ языкахъ винительныхъ времени и мѣста съ указанными оттънками значеній показываетъ, что всѣ главные языки аріевропейской отрасли въ древнѣйшихъ доступныхъ для наблюденія формаціяхъ представляютъ поразительное согласіе въ употребленіи этихъ винительныхъ. На основаніи этого мы имѣемъ право заключать, что употребленіе винительныхъ для выраженія двухъ (а и b) главныхъ оттънковъ обстоятельствъ времени и мѣста восходитъ ко времени единства аріевропейскихъ языковъ; а такъ какъ другіе роды винительнаго не-

¹⁴⁾ Въ отношеніи оттънковъ а и а² къ глаголамъ замѣчается тоже различіе, что и въ отношеніи оттънковъ а и а² времени, ср. вын. 7.

зависимаго не обнаруживаютъ такого согласія въ употребленіи въ различныхъ языкахъ, то, слѣдовательно, значенія обстоятельствъ времени и потомъ мѣста были древнѣйшими и главными значеніями, въ которыхъ сказалось разграниченіе именительнаго и винительнаго какъ различныхъ падежей; отсюда дѣлается понятнымъ также и то, почему въ значеніи обстоятельствъ времени и мѣста именительные сохранились въ менѣе значительномъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ значеніяхъ.

Въ первой главѣ послѣ разсмотрѣнія именительныхъ времени и мѣста, чередующихся съ винительными, было указано два рода явленій, которыя, хотя далеко не пользуются такимъ распространеніемъ, какъ обстоятельственные слова времени и мѣста въ двухъ главныхъ отгѣнкахъ значенія, но съ логической точки зрѣнія обнимаютъ ихъ: явленія типа *c* (дѣнь дѣнь) обнимаютъ обстоятельства на вопросъ *когда* и *идѣ*; а явленія типа *d* (обозначенія мѣры вообще) обнимаютъ обстоятельства мѣры времени и пространства. Явленія типа *c*, какъ непосредственно примыкающія къ явленіямъ чередованія именительныхъ съ винительными, разсмотрѣны мною тамъ же; явленія же типа *d*, какъ выражающіяся преимущественно въ винительныхъ пад., должны быть разсмотрѣны при изложеніи винительныхъ независимыхъ. Я даю имъ общее названіе:

Винительные количественные (мѣры вообще).

Близость винительныхъ, означающихъ мѣру вообще, всегда сознавалась въ языкѣ и констатировалась грамматиками: почти всѣ грамматики подъ одну рубрику съ винительными мѣры времени и пространства ставятъ винительные вѣса, цѣны (напр. Mikl. 390, 26; въ сербскомъ синтаксисѣ Даничича къ этимъ винительнымъ прибавляется еще и винительный количества вообще, потому что, какъ увидимъ ниже, въ сербскомъ особенно часто встрѣчается винитель-

ный для означенія количества вообще, Србска синтакса 411: „количество, величина, вѣсъ и также цѣна“). Послѣ разсмотрѣнныхъ выше винительныхъ мѣры времени (въ частности возраста) и пространства (въ частности длины, ширины, высоты, глубины, толщины) изъ вин. количественныхъ болѣе частое употребленіе представляютъ

Винительные вѣса (с) и цѣны (d). Какъ показываетъ этимологія словъ, означающихъ вѣсъ, конкретное представленіе, лежащее въ основаніи понятія вѣса, есть представленіе о поднятіи вверхъ, приведеніи въ движеніе, давленіи¹⁵⁾, такъ что „золотая корона вѣсомъ (въ) фунтъ“ (согода aurea libram pondo) первоначально значить „корона съ (такимъ) давленіемъ, или приведеніемъ въ движеніе, (какъ) фунтъ (условленная мѣра), т. е. приводящая въ движеніе, поднимающая (на вѣсахъ столько, сколько поднимаетъ) фунтъ“, аналогично съ тѣмъ, какъ напр. ἀπεσπάρθη ἀπ' αὐτῶν ὥστε λίθου βολήν—отоселъ отъ нихъ какъ на верженіе камня, т. е. такъ далеко, какъ бросается камень (букв. какъ если бросаніе камня, Лука 22, 41). Винительный цѣны болѣе поздняго происхожденія: первоначально цѣна могла обозначаться всякимъ предметомъ, который при обмѣнѣ цѣнился какъ равный другому; (ср. зендск. прим.); позже, когда цѣнность стала опредѣляться преимущественно количествомъ металла, для обозначенія цѣны употребляли названія условнаго количества отвѣшеннаго металла, такъ напр. греч. τάλαντον собств. отвѣшенное (у Гомера всегда съ прибавленіемъ χρυσῶν, т. е. извѣстное

¹⁵⁾ Скр. tulā f. вѣсы отъ tul поднимать, откуда denom. tulaja ponderare; къ этому же корню относится лат. tollo поднимаю и греч. τάλαντον—отвѣшенное, талантъ, во множ.—вѣсы. Nhd. wiegen—вѣсить одного корня съ be-wegen—приводить въ движеніе (V vagh, слав. везу, Fick 3³, 282). Срб. тежити—вѣсить, чеш. těžký, нѣм. schwer—вѣсящій, собств. тяжелый. Болѣе подробное изложеніе относящихся сюда явленій съ объясненіемъ этимологіи нѣкоторыхъ словъ вывело бы за предѣлы выноски.

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

—0518 663—

отвѣшенное количество золота, по Бенслеру около 6 драхмъ), франц. *livre*—лат. *libra*—фунтъ, англ. фунтъ стерлинговъ; прилаг. *дорогой*, которое этимологически значить длинный (ср. *дорога*, скр. *dīrgha*, греч. *δῶλιχος*), указываетъ на не совсѣмъ ясную связь понятія цѣны съ понятіемъ длины.

Въ зендѣ.—d) *er heile ihn—vâšem cāthrujûkhtem aregô—für einen vierspännigen Wagen als Preis, s. v. vâša*, пусть онъ исцѣлитъ его за четверочную колесницу, какъ цѣну; *anumaēm aregô—за штутку мелкаго скота, какъ цѣну, s. v. anumaја; также s. v. ctaora, aghrja*.

Въ греч.—d) *ὁ δὲ σίγλος δύναται ἐπὶ ὀβολοὺς καὶ ἡμιὸβόλιον Ἀττικοὺς*—а сиглъ стоитъ семь оболовъ аттическихъ и полъ обولا, *Anab. 1, 5, 6*; при *τιμᾶω τινα*, *τι*—цѣнять кого, что, винительный цѣны является съ *ὧς*—какъ, *Bensel. s. v. τιμᾶω*; болѣе употребителенъ родит. цѣны.

Въ лат.—c) *libram pondo—вѣсомъ (въ) фунтъ, напр. corona aurea libram pondo—золотая корона (въ) фунтъ вѣсомъ, Шульцъ-X. § 273, пр. 4; pendo вѣсить, decem drachmas pendere—вѣсить 10 драхмъ, Шульцъ, Слов. s. v. pendo.—d) винительный цѣны мнѣ неизвѣстенъ; [для означенія цѣны употребляется обыкновенно родительный, а при *sto*—стоять твор.]; однако романскія нарѣчія указываютъ на первоначальный винительный цѣны, напр. *cela vous coûte la vie*—это стоитъ вамъ жизни, также при глаголахъ покупать, продавать за какую цѣну, *Dietz 3, 121*.*

Въ нѣм.—c) *zwei Pfund wiegen—вѣсить, имѣть вѣсу два фунта; такой же винительный при schwer—вѣсящій, тяжелый, напр. es ist fünf Pfund schwer—это вѣсить пять фун-*

товъ, букв. это тяжело (въ) пять ф.—d) при *gelten, kosten*—стоять, напр. *es gilt jetzt die Ehre, das Leben*—дѣло идетъ теперь о чести, о жизни, букв. это стоитъ теперь чести, жизни; *es kostet Mühe*—это стоитъ труда; *es hat viel Blut gekostet*—это стоило много крови (*Pawlowsky s. v. wiegen, schwer, gelten, kosten*); вин. при *werth*—стоящій, *Grimm 758, einen Thaler werth*—стоящее одинъ талеръ.

Въ лит.—d) при *verts*—стоящій (съ нѣм. *werth*), *mano vėns žodis szimta dolerių verts*—одно мое слово стоитъ сотню талеровъ, *Leseb. 149.* ¹⁶⁾

Въ слав. винительный (с) вѣса сохраняется почти въ такомъ же видѣ, какъ вин. протяженія: въ русск. обыкновенно прибавляется предлогъ, напр. вещь въ тысячу фунтовъ вѣсомъ; при глаг. вѣсить по аналогіи съ винительными объекта сохраняется винительный безъ предлога, напр. это вѣситъ унцію; такой же винительный является при серб. тежити, чешск. и млр. *váziti*—важить, вѣсить, напр. тежи једну оку—вѣситъ одну оку, Карадж. Ријечн, s. v. тежити, *koruna vázila hřivnu zlata, Zikm. 49*; аналогично съ винительными протяженія въ хорут. и чеш. при винительныхъ вѣса являются прилаг. *težki téžký*, напр. *sabljica je težka centa dva, Mikl. 390, Zikm. 50.*—d) вин. цѣны наиболѣе распространенъ въ серб. и затѣмъ въ чеш., въ русск. болѣею частью является съ предлогомъ: въ серб. при глаг. валяти (лат. и ит. *valere*, франц. *valoir*), вредити, стоити—стоять, напр. пушке... ваљају стотину дуката—стоять сотню дукатовъ, вреди силне новце—стоитъ большія деньги, стои форинту (гульдентъ) Данич.

¹⁶⁾ Ср. вып. 12.

411, 412; также при вредан—стоящій, цело кралѣвство вреданъ, *ibid*; цѣнить, цѣниться во что, во сколько, продать за что, купить за что, напр. цѣjeni је хиљаду дуката—цѣнить ихъ въ тысячу дукатовъ, Mikl. 390; китуцу златъ дукатъ могла бих продати—за золотой дукатъ, дукатъ узе љеба биѣлого, други дукатъ вина и ракије—взялъ за дукатъ хлѣба бѣлаго, за другой дукатъ вина и ракии, Данич. 412; въ чеш. *ta kniha stojí mne kopu, život stanouti*—стоитъ жизни, *cenil své věci tři tisíce zlatých*—цѣнилъ свои вещи въ три тысячи золотыхъ, *два groše platiti*—покупать за два гроша, Zikm. 49 ¹⁷); въ русск. стоитъ тысячу рублей, но при глаголахъ цѣнить, покупать, продавать при вин. прибавляется предлогъ *въ, за*; на основаніи сравненія съ сербск. и чеш. можно рѣшительно утверждать, что и въ русск. въ этихъ случаяхъ нѣкогда былъ винительный безъ предлога; мр. пять сотъ рубльовъ вартъ (*werth*, польск. *wart*) представляетъ несомнѣнное заимствованіе.

Остается еще сказать въ этомъ отдѣлѣ о *винительныхъ мѣры объема или величины* (е), *винительномъ количествѣ* (f) и указать тѣ послѣдствія, какія имѣло обозначеніе мѣры или количества чрезъ винительный падежъ.

¹⁷) Зикмундъ рядомъ съ этими винительными ставитъ винительный при *dlužnu býti*—быть должнымъ что; Миклошичъ же относитъ винительный при *долженъ* къ рѣдкимъ случаямъ винительнаго, зависящаго отъ имени (377, 5). Такъ какъ винительный объекта при именахъ въ слав. нарѣчіяхъ представляетъ очень рѣдкое явленіе (является почти исключительно въ древнѣйшемъ изъ нихъ—цсл.), между тѣмъ какъ болѣе древнимъ падежомъ при *долженъ* былъ твор. (въ цсл. Mikl. *ibid*), а не винительный, и такъ какъ вин. при *долженъ* означаетъ обыкновенно количество, то я считаю вѣрнымъ сопоставленіе Зикмунда, а не Миклошича, съ тою оговоркою, что вин. при *долженъ* составляетъ болѣе позднее явленіе, развившееся по аналогіи съ вин. количества на вопр. *сколько*.

Такъ называемые вещественные предметы, состоящіе изъ массы мелкихъ однообразныхъ частей измѣряются обыкновенно тѣми частями, на которыя дѣлятся при передвиженіи съ одного мѣста на другое или въ которыхъ они обыкновенно находятся,—или тѣми вмѣстилищами, въ которыхъ они сохраняются и переносятся, напр. возъ дровъ, куча песку, возъ глины, стогъ сѣна, кулъ муки, ведро воды, кадка сыру и т. п. Другіе предметы, хотя и болѣе удобны для точнаго исчисленія, но при многочисленности считаются подобнымъ же образомъ, напр. мѣшокъ огурцовъ, возъ арбузовъ (хотя арбузы и огурцы считаются также десятками, сотнями и тысячами). Даже предметы вполне индивидуальныя, напр. овцы, лошади, люди, считаются подобнымъ образомъ, напр. стадо овецъ, табунъ лошадей, толпа людей, рота, полкъ солдатъ, банда (нѣм. *Банде* собств. связка) разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣреніе объема или величины состоитъ въ сравненіи неизвѣстнаго по величинѣ предмета съ извѣстнымъ, напр. огурецъ съ горю, съ домъ (Крыл.), онъ будетъ съ меня (такой, какъ я), волкъ величиною съ собаку¹⁸⁾.

Подобное же значеніе имѣютъ такія слова, какъ *много*, *мало* и т. п. и числительныя количественныя; напр. „у нихъ было сотню овецъ“ въ синтаксическомъ отношеніи тоже, что „у нихъ было стадо овецъ“¹⁹⁾.

¹⁸⁾ Такой вин. съ предл. съ имѣетъ одинаковое значеніе съ вин. въ такихъ оборотахъ, какъ «меду будетъ съ фунтъ, съ чашку». «Ихъ будетъ съ сотню» первоначально значить «ихъ будетъ столько, какъ сотня».

¹⁹⁾ Сходство это превращается въ полное тожество, если такія слова, какъ *стадо*, получаютъ болѣе—менѣе опредѣленное количественное значеніе (ср. рота, полкъ) или если числительное по первоначальному значенію не имѣетъ опредѣленнаго количественнаго значенія (напр. *тыма*—10,000; *μυρία*, *μυρίας*—10,000 собств. безчисленное количество: мѣр. польск. *копа*—нѣм. *Schock*—60 шт, ср. *копоть*, *куна*—*Naufe*, *куча*). А что первоначально всѣ числительныя за исключеніемъ первыхъ не могли имѣть опредѣленнаго значенія, это несомнѣнно.

Въ первой главѣ (C1 d) мы видѣли, что сохранились нѣкоторые рѣдкіе случаи, гдѣ такіа обозначенія мѣры, количества играютъ еще роль именительныхъ независимыхъ; но гораздо чаще въ этихъ случаяхъ являются винительные независимые, особенно эти явленія часты въ славянскихъ нарѣчіяхъ, почему начинаю съ нихъ и перечисленіе примѣровъ.

Въ русск.—e) осталось мѣру пшеницы, на-
текло чашку воды.—f) налетѣло чортову про-
пасть мухъ, было сотню овецъ, „былъ капельку
неувѣрентъ“, Достоевскій (у Д. вин. количества
капельку особенно употребителенъ: оно капельку
подросло; капельку подумала; капельку промед-
лила; Бѣсы 1, 50; 1, 90; 1, 215; 2, 87). Чаще
въ этихъ случаяхъ является вин. съ предл. съ
(съ мѣру, съ чашку, съ сотню). Гораздо употре-
бительнѣе этотъ винительный въ мѣр.—e) чы
вузъ (возъ) было, чы лопату... Mikl. 357. було
пыбарку воды.—f) половину свѣта скаче, т. е.
половина 391; вообще такіе обороты, какъ
„було сотню овецъ“ очень употребительны.—
Сюда же троху=пол. троше, позже трохи—
немного.

Въ серб. особенно употребительны винитель-
ные количества—e) био литру злата—было литру
золота; этотъ винительный остается даже тогда,
когда къ нему прибавляется предлогъ, сочиняю-
щійся съ другимъ пад., напр. свако пуце од лит-
ру злата—всякая пугвица изъ литры золота,
Дан. 413, са стотину—съ сотнею.—f) половину му
(ему) не стало друства (спутниковъ), оста мртви
иляду (тысячу) Турака, Дан. 411, сакупи се
стотину сватах—собралось сотню сватовъ, 391;
вин. остается какъ подлежащее рядомъ съ дру-
гимъ подлежащимъ, напр. све то гледа Пивићу
Мијате и његовихъ хиљаду сватовах—все это
видитъ П. М. и его тысяча сватовъ; такіе чи-

слит. въ вин. п. дѣлаются несклоняемыми и даже рассматриваются какъ средній родъ: од оно хильаду форинти—отъ той тысячи гульденовъ, 391.

Въ хорут.—e) *čedo* (цсл. чрѣдж) *svinj se je paslo*—букв. паслось череду свиней, 391.—f) *bilo je silo* (цсл. силж) было силу (т. е. множество) людей *ibid.* 355.

Въ польск.—e) *było furę siana; siano, ktorego furę było*—сѣно котораго было фуру, 355; *zostało kore jabłek*=млр. осталось кону (60 шт.) яблокъ, 357.—f) *zginęło mi parę pończoch*—у меня пропало пару чулокъ, 357; *było też parę obcych osób*—было также двѣ (пару) чужихъ личности, 355; *było jeszcze trochę miodu*, 355.

Въ чеш.—e) *jest jich hromadu*, 391,—f) *polovici* (половину) *nas ne stalo*, 391, въ словацк: *t'ebe paru na svetě njet*—тебѣ нѣтъ на свѣтѣ пары 359.

Въ цсл. сюда вѣроятно относится: *болташе половину главою* 383, 12 ²⁰). (Исканіе подобныхъ винительныхъ въ цслав. затрудняется тѣмъ, что числит. обыкновенно обозначаются въ немъ буквенными цифрами безъ означенія падежной флексіи).

²⁰) Цифры поставленныя послѣ примѣровъ указываютъ стр. Сравнит. Синт. Миклошича, гдѣ явленія эти неотдѣлены отъ другихъ явленій, которые сходны съ ними только по виѣшности и объясняются иначе. Миклошичъ объясняетъ эти вин. изъ первоначально переходнаго значенія глаг. *іе* (*as*) быть. Но предположеніе переходнаго значенія въ гл. *as*—*іе* ни на чемъ не основано. Вся аргументація его заключается въ слѣдующемъ: «Въ отрицательныхъ предложеніяхъ послѣ переход. глагола на мѣстѣ винительнаго является родительный: *мѣжъ женѣ любить, но мѣжъ женѣ*

Въ лит. f), *ir porą stundams neprabėgus, jau jis buvo sugrižęs*—букв. не прошедши и пару часамъ, онъ былъ уже воротился (въ лит. прич., соотвѣств. русск. и цсл. прич. на въ), Leseb. 168.

Въ латыш. f), *slīka cīmtu jaunu meitu*—уто-нуло сотню молодыхъ дѣвицъ, Спрог. 162, 16.

Въ лат. *magnam partem, maximam partem*—большую часть, наибольшую часть; *partim* (вин.) частью.

Изъ другихъ болѣе древнихъ языковъ хотя я и не могу привести въ настоящее время примѣровъ такихъ ви-

не любить: если мы находимъ предложенія, какъ сестры иѣсть дома, собств. *sogoris non est domi*, то мы имѣемъ право заключать, что иѣкогда говорилось: сестрѣ есть дома, собств. *sogorem est domi*: 355, V. При такой аргументаціи получается «кругъ въ доказательствѣ»: переходной оборотъ «сестру есть дома» предполагается на основаніи предположенія о переходности глагола *іес*—быть. Для подтвержденія своего предположенія Миклошичу предварительно нужно было доказать, что глаг. *іес*—быть есть дѣйствит. (переходной) глаг. Но доказать это едвали возможно. Отъ всякаго дѣйств. (перех.) глагола образуется страд. оборотъ; ни въ одномъ изъ аріоевроп. языковъ иѣтъ даже ни малѣйшаго намека на возможность страд. оборота отъ *іес*—быть; притомъ же сходный винительный является не только при гл. *іес*—быть, но и при другихъ несомнѣнно среднихъ глаголахъ, напр., оставаться, пропадать, такъ что въ концѣ концовъ пришлось бы признать за переходящій и глаголъ тонуть, такъ какъ возможенъ оборотъ утонуло сотню дѣвицъ (ср. въ латыш.). Всѣ тѣ обороты, какъ увидимъ ниже, которые Микл. объясняетъ изъ предполагаемаго переходнаго значенія *іес*—быть, объясняются удовлетворительно и безъ этого предположенія. Объясненіе этихъ винительныхъ, сходное съ моимъ, высказалъ Бартошъ; къ сожалѣнію, оно извѣстно мнѣ только по бѣглому указанію на него у Микл. (390, 27). Микл., хотя и считаетъ объясненіе его «заслуживающимъ вниманія», но предпочитаетъ свое ибъясненіе, къ чему его «побуждаетъ трудность объяснить предложеніе, какъ

нительныхъ, но имѣются косвенныя указанія на то, что уже въ древнѣйшее время для означенія количества употреблялись винительные. Такія числительныя, какъ тысяча, сто, даже десять и др. являются почти исключительно въ вин. пад. и даже дѣлаются несклоняемыми, подобно серб. *сто-тину* хил'яду. Такъ ведич. и скр. *śatam*—сто есть собственно вин. и этотъ „вин. можетъ употребляться вмѣсто всѣхъ падежей“, Benf. Glossar zu S. V., s. v. *śata*; греч. *ἑκατόν* и лат. *centum* являются исключительно въ винительномъ пад., т. е. вовсе не склоняются. *звѣт—(дог)*

— Для уясненія связи между несклоняемостью числительныхъ въ древнихъ языкахъ и винительными количественными и для объясненія того различія, какое впоследствии явилось между летославянскими языками и другими аrio-европейскими (преимущественно греч. и лат.) вслѣдствіе различія въ сочиненіи числительныхъ именъ, слѣдуетъ обратиться къ сочиненію числительныхъ въ скртѣ, который представляетъ всѣ главные типы этого сочиненія, такъ что подобные же типы необходимо признать и въ аrioевроп. праязыкѣ.

Числительныя количественныя (за исключеніемъ первыхъ трехъ или четырехъ), какъ указано выше, по своей роли въ предложеніи и по происхожденію сходны съ именами, означающими мѣру, т. е. представляютъ собою имена существительныя, означающія массу или собраніе извѣстнаго количества сходныхъ недѣлимыхъ; являясь въ предложеніи, они занимаютъ слѣдующія положенія:

1. Становятся въ аппозитивное отношеніе къ имени исчисленныхъ предметовъ, напр. *viṅśatīḥ purāḥ*, *viginti urbes*—двадцать городовъ, букв. города двадцатка (по количеству). При этомъ аппозитивность можетъ быть или (а) полная, т. е. числительное и имя исчисляемыхъ предметовъ остаются

siana fure *byḍo*, иначе, какъ не чрезъ транзитивность глаг. быть *ibid.* 391. Но даже въ самомъ этомъ примѣрѣ для всякаго славянина *fure* есть вин. мѣры или количества; такъ называетъ его и проф. Потебня (Изъ зап. 2, 253), который также и предположеніе Миклошича о первоначальной переходности глагола *ѣс*—быть считаетъ неосновательнымъ, *ibid.*

въ одномъ падежѣ, напр. kroṣeṣu ajute—въ 10,000 крось, букв. въ кросяхъ, въ тѣмъ ²¹⁾. Но гораздо чаще аппозитивность бываетъ неполная (b): по падежамъ измѣняется только имя исчисляемыхъ предметовъ, а числительное имя по аналогіи словъ, означающихъ измѣненіе, остается въ именительномъ или чаще въ винительномъ независ. напр. trinçat (им.) padâ (вин.) 30 шаговъ, sahasram (вин.) r̥sibhiḥ—съ 1000 пророками, букв. тысячу пророками, т. е. пророками (въ количествѣ) съ тысячу, sahasram upâjânâm (род.)—тысячу средствъ, т. е. средствъ, которыхъ тысячу или тысяча, Benf. Vollst. Gr. § 769, çatañ goṣu—въ сотиѣ коровъ, Шерцль, Скр. Гр. § 79, т. е. въ коровахъ, которыхъ сотню. Такое сочиненіе является обыкновенно въ греч. и лат. напр. δέκα πόλεις—decem urbes, ἑκατὸν πόλεις—centum urbes, mille urbes.

2. Числительныя становятся въ отношеніе опредѣляемыхъ къ именамъ исчисляемыхъ предметовъ, которыя так. обр. являются въ род. пад. напр. viñçatiḥ putrânâm—20 сыновей, Benf. § 755; въ лат. находимъ mille hominum (при mille homines). Такой способъ сочиненія является рѣшительно преобладающимъ даже почти исключительнымъ, въ лето-славянской отрасли.

²¹⁾ Наклонность къ согласованію идетъ еще дальше: является согласованіе не только въ падежѣ, но и числѣ, напр. dadâti navatīḥ purāḥ—онъ даетъ 90 (въ скр. вин. множ.) городовъ (вин. мн.), hirañjagrâivejâḥ sahasrâṇi—тысячу (вин. мн.) золотыхъ шейныхъ цѣпей (вин. мн.) Benf. Vollst. Gr. § 765. Это тоже самое, какъ говорятъ нѣкоторые по-русски: «я поѣхалъ съ стами рублями». Согласованіе дѣлается полнымъ, когда числительныя согласуются не только въ падежѣ, числѣ, но и родѣ, какъ въ лат. 200, 300 и т. д., въ лат. напр. ducenti (ae, a) уже согласуется въ падежѣ, числѣ и родѣ, хотя этимологически и не есть прилагат.; ср. несклон. ducentum=скр. dvīçatam—двусто или двусотіе. Съ этимологической точки зрѣнія такое согласованіе, конечно, излишняя аномалія (grâivejâḥ sahasrâṇi—букв. значить цѣпи тысячи, а не тысяча); но въ такомъ согласованіи высказывается аппозитивность числительныхъ.

Такъ какъ имя исчисляемыхъ предметовъ при второмъ способѣ сочиненія должно стоять въ род., а числительное, какъ означающее массу, совокупность, а не индивидуумъ, по аналогіи винительныхъ, означающихъ мѣру вообще, даже на мѣстѣ подлежащаго является въ винительномъ пад., то отсюда развивается значительное количество безличныхъ предложеній, въ которыхъ на мѣстѣ подлежащихъ являются винительные мѣры или количества ²²⁾ аналогично съ тѣмъ, какъ развиваются безличные обороты съ винительными времени на мѣстѣ подлежащихъ (1A1).

Изъ употребленія винительнаго для означенія количественной массы объясняются нѣкоторые оригинальные случаи употребленія винительнаго въ слав. нар. (f²).

f²) Какъ скоро входитъ въ употребленіе винительный для означенія количественной массы, то является возможность употреблять въ такомъ винительномъ также и имена, не означающія количественной массы, въ томъ случаѣ, когда извѣстный предметъ хотятъ представить не какъ индивидуальное лицо, а какъ количественную массу, которой можетъ быть больше или меньше. (Ср. подобный же приемъ въ образованіи множ. ч. нѣкоторыхъ именъ, напр. офицеръ, офицерá, офицерье; черепы, черепá, черепья, Буслаевъ, Истр. Гр. § 97).

Въ русск.—меня станеть на это дѣло; его станеть на это—онъ способенъ на это, ср. въ польск. и чеш.; въ млр. буде насъ, нене, по

²²⁾ Априори можно утверждать, что такіа безличные предложенія въ греч. и лат. едвали возможны: если бы числительное на мѣстѣ подлежащаго стояло въ винительномъ пад. какъ винительный количественный, то такъ какъ въ этихъ языкахъ употребляется первый способъ сочиненія числительныхъ, то въ такомъ случаѣ подлежащимъ будетъ именительный исчисляемыхъ предметовъ, напр. *centum milites cecidere*—пали солдаты въ количествѣ 100.

горамъ, по долинамъ. Позже этотъ винительный смѣшивается съ род. количества.

Въ серб. мене ће бити—меня станетъ, а не *ich werde sein*, какъ переводитъ Миклош. 355, V а.

Въ хорут. *po vsêh rôtih jô* (цсл. ж) је—есть ее по всѣмъ дорогамъ, ср. млр. *буде насъ*, *ib.* 355, V. ²³⁾.

Въ польск. *jest mię z to* или *zstaje mię na to*—меня есть или станетъ на это, *ib.*; *ani ich z to będzie*—не станетъ ихъ (род.) на то. *ib.* 361.

Въ чеш. *kdo vi, stane li te do večera*—кто знаетъ, станетъ ли тебя (вин.) до вечера. *ib.* 355, V а. *není té s to*—тебя не станетъ на это, ср. въ польск. *ib.* 361.

---

²³⁾ Если при такомъ винительномъ сказуемымъ является имя существительное съ вспомог. глаголомъ, то винительный означаетъ тотъ предметъ изъ котораго является или дѣлается другой предметъ,—матеріаль другого предмета. Такъ, по моему мнѣнію, объясняются хорут. вин. въ такихъ оборотахъ, какъ *čista dobrota ga* (его) је—онъ чистая доброта, изъ него чистая доброта, *Mikl.* 357. Явленіе это напоминаетъ слѣдующія два явленія, которыя въ значительной степени объясняютъ его. 1) Въ русск. нѣм. и франц. на мѣстѣ перваго именительнаго является падежъ, означающій матеріаль, а второй именительный является подлежащимъ, напр. да съ него чистый дуракъ! *Schurke von dem Wirthe!*—мошенникъ хозяинъ! букв. мошенникъ изъ хозяина! (начало Минны фонъ-Баригельмъ Лессинга)=*fr. fripon de maitre!* Изъ паровъ дѣлаются облака=пары дѣлаются облаками. 2) Какъ увидимъ ниже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобное явленіе замѣчается въ двойныхъ винительныхъ: дѣлать цвѣты вѣнками=дѣлать изъ цвѣтовъ вѣнки, см. гл. 3, В. вторые вин. а, α. Винительный количественной массы могъ здѣсь служить тѣмъ же, чѣмъ и *ablativ.* матеріала.

2. НЕЗАВИСИМЫЕ ВИНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТАТИВНЫЕ.

Винительные сопровождающаго предмета, параллельные именительнымъ съ такимъ же значеніемъ, въ простомъ первоначальномъ видѣ сохранились не во всѣхъ языкахъ одинаково.

Въ скр. мѣ пока извѣстенъ только одинъ примѣръ винительнаго комитативнаго въ конкретномъ значеніи, который, впрочемъ, встрѣчается разъ въ Риг-Ведѣ и два раза въ Сама-Ведѣ: *ranjan ranjam it sotâra â dhâvata madjâja soman vîrâja surâja* — выдавливатели сомы, *прибѣгайте съ сомою* (вин.), заслуживающимъ похвалы за похвалю, къ мужу, герою, котораго нужно радовать, т. е. быстро приносите сому; S. V. 1, 2, 1, 3, 9 и 2, 8, 1, 9, 1; R. V. 8, 2, 25.

Въ зендѣ: *barôithrôtaêzem qtâ frașuçaiti c̥raoșô* — Сьраоша выступаетъ съ оружіемъ, сдѣланнымъ, какъ топоръ, s. v. *qtâ* и *barôithrôtaêza*; *haoma zâirê vadare gaidhi* — золотой Гаома, иди съ средствомъ для убіенія (оружіемъ), s. v. *paç* 2; *katha aêtê jôî crâna qâzaênem qâdraonem bavân* — когда эти собаки бываютъ съ собственною защитою и съ собственнымъ питаніемъ, т. е. когда дѣлаются способны къ защитѣ и питанію себя, s. v. *qâdraona*.

Въ греч. рѣдко *οἰμὲν μάρναντο θέμας πυρός ἀνδρμένοιο* — они сражались съ видомъ горящаго огня, N, 673; также Σ, 1 и P, 366, ср. въ лит. и латыш.

Въ лат. рѣдко: *stabat ensem in manu* — стоялъ съ мечемъ въ рукѣ, Dietz 123. Въ франц. довольно часто *il entra la tête nue* — онъ вошелъ съ непокрытою головою; *il passa la mere le pied sec* — онъ прошелъ море съ сухою

ногою, Dietz 123, Grimm 892 въ древнефр. въ подобныхъ случаяхъ явственный вин.; это даетъ косвенное указаніе на то, что въ разговорномъ лат. были довольно употребительны такіе обороты, какъ *stabat ensem in manu*.

Въ нѣм. *Er stand das Schwert in der Hand; er stand da den Mund offen, die Taschen leer*—тамъ стоялъ онъ съ открытымъ ртомъ и пустыми карманами, Dietz 122; *da steht er die Augen gen Himmel gerichtet*—тамъ стоитъ онъ съ глазами обращенными къ небу, Grimm 910.

Въ лит. *iszėjo tetužis, iszkuprino, puskele prė szono*—вышелъ отецъ, выполъзъ пригибаясь, ружье (вин.) при боку, Schleicher, Leseb. 16; *ko rymai ant rankeliu? rankeles užrymotas* ²⁴⁾—отчего ты опираешься на руки? съ подпертыми руками, *ibid.* 5; *mano merga saldžė meilė, mano jautis stipriu ragu, mano karvė gerą pėną, mano avis sziltą vilną*—моя дѣвица съ сладкою любовью, мой бычокъ съ двумя крѣпкими рогами (вин. двойств.), моя корова съ хорошимъ молокомъ, моя овца съ теплою шерстью, *ib.* 52; *sėd bernytelis man pri szalelės, galvą ant keliū, saldžey mēgoja*—сидитъ парень подлѣ меня, голова на колѣняхъ (букв. голову, *den Kopf im Schoosse*), сладко

²⁴⁾ Въ выноскѣ къ этому мѣсту въ своей лит. хрестоматіи Шлейхеръ замѣчаетъ: «этотъ винительный непонятенъ для меня»; въ синтаксисѣ въ главѣ о винительномъ онъ вовсе не упоминаетъ о подобн. винительныхъ. Поэтому я счелъ нужнымъ выписать всѣ замѣченные мною случаи употребленія этого винительнаго, чтобы показать, что этотъ винительный пользуется въ лит. значительнымъ распространеніемъ и не долженъ игнорироваться. На сколько я могъ замѣтить, винительные комитативные едва ли не исключительно являются въ пѣсняхъ (*dainos*), языкъ которыхъ, какъ извѣстно, отличается наибольшою архаичностью.

спить, Nesselmann 20; *galvą ant balno nakcze mēgojau*—я спалъ ночью съ головою на сѣдлѣ (имѣя гол. на сѣд.), *ib.* 21; *asz pamaczaу mergužele aukso žėda ant rankelės*—я увидѣлъ дѣвицу съ золотымъ кольцомъ на рукѣ, *ib.* 103; *žirgeli balnojau plėno vėno padkaveles, o aukso kilpeles*—осѣдлалъ коня съ подковами чистаго серебра, съ золотыми стремянами, *ib.* 228; *parbėg žirgelis, brolio bėrelis, kardųi pri szalelės*—прибѣгаетъ братовъ гнѣдой конь съ мечемъ при боку, *ib.* 289; *sėd bernelis ant žirgelio, lausztineles rankoj', stov mergele pri szalelės, taurragali rankoj'*—сидитъ паренъ на конѣ, поводья въ рукѣ, стоитъ дѣвица подлѣ него, роговый кубокъ въ рукѣ (поводья, кубокъ—вин., т. е. съ поводьями, съ кубкомъ), *ib.* 292; *kas dėnatė karczamatej', vėnoj' rankoj' alaуs stiklą, antroj' rankoj' szokėjate*—каждый день въ корчмѣ съ стаканомъ пива въ одной рукѣ, съ танцовщицей въ другой, *ib.* 330; *abu mudu brolei, abu mudu tokiu, abu mudu bėrus žirgus, abu skaistveidelius*—мы два брата, оба мы такіе (т. е. одинаковые), оба мы съ пѣгими конями, оба съ блестящими лицами, *ib.* 331. Сюда же нужно отнести и слѣдующій вин.: *tie ka бувау ка ишаугус лигу лėменėли...* *ир нускинė маня яуна*—только что было я выросла съ ровнымъ станомъ (ростомъ, вин.)... и сорвали меня молодую, Миллеръ и Форт. 22.

Въ латыш. нерѣдки такіе обороты, какъ *желну галву арайиньш*—пахарь съ черною головою, Спрогисъ 278, 17; но такъ какъ въ латыш. вин. ед. по формѣ сходенъ съ твор., то трудно рѣшить имѣемъ ли мы въ этихъ случаяхъ винительный или твор. комитативный ²⁵⁾. Въ такомъ

²⁵⁾ Биленштейнъ такіе комитативные падежи считаетъ исключительно за творительные; но, такъ какъ въ литовскомъ та-

падежѣ довольно часто являются отвлеченныя имена на *умінъ* аналогично съ послѣднимъ литовскимъ винительнымъ: ауд', маміня, ман крекмнюс эзеріня платумінъ: эс редзею тауту дѣлу ѓзоліня реснумінъ—букв. тки, матушка, мнѣ рубашки съ шириною озера: я видѣла чужанина съ толщиною дуба, Спрог. 269, 7; ман узауга дів' балині зірю зѣду грезнумінъ—у меня выросли два братца съ красотою гороховыхъ цвѣтовъ; ib. 252, 2; эс бѹт лѣпас куплумінъ, ѓбель зѣду балтумінъ—я была бы съ стройностью липы, съ бѣлизною цвѣтовъ яблони, ib. 231, 13.

Въ слав. нар. мнѣ извѣстны только два примѣра этого винительнаго—въ чешскомъ: *ajta Jaroslav jak orel letě! tvrdú ocel na mohú-ěech prséech, pod ocelí chrabrost*—айда Ярославъ, какъ орелъ летѣлъ! съ твердою сталью на на могучихъ персяхъ, съ мужествомъ подъ сталью, Kralodv. 35; *do pokoje vstoupil černokněžník shrbený stařec v dlouhém (длинномъ) černém oděvu (одѣяніи), hlavu holou, šedivé vousy po kolena*—съ непокрытою головою, сѣдыми усами—вин., Erben, cit. 10

Сравненіе примѣровъ именительнаго и винительнаго комитативныхъ показываетъ слѣдующее: въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ преобладаетъ именительный, винительный мало употребителенъ (скртъ, славянск.); въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ преобладаетъ винительный, мало употребителенъ именительный (зендъ и лит.); въ классическихъ (греч. и лат.), которые отличаются наибольшею стройностью и цѣлностью предложенія, именительнаго комит. вовсе незамѣтно и даже мало употребителенъ винительный; въ нѣм. не за-

кіе винительные несомнѣнны, то они могутъ быть и въ латыш. Для точнаго рѣшенія этого вопроса нужно бы найти въ латыш. примѣры винительныхъ комитативныхъ множ. числа, въ которыхъ винительные и творительные различаются формально.

мѣчается особеннаго преобладанія одного пад. надъ другимъ. При этомъ бросается въ глаза, что языки наиболѣе близкіе между собою (скртъ и зендъ съ одной стороны, слав. и лит. съ другой) въ отношеніи преобладанія именительнаго и винительнаго комитативнаго не представляютъ единства. Изъ этого мы имѣемъ право заключать, что чередованіе именительныхъ и винительныхъ комитативныхъ продолжалось гораздо дольше, чѣмъ чередованіе именительныхъ и винительныхъ времени и мѣста, что, слѣдовательно, то основное разграниченіе значеній между именительнымъ и винительнымъ, о которомъ говорилось въ первой главѣ, въ періодъ единства аріевроп. языковъ мало еще проявлялось въ комитативномъ значеніи ²⁶⁾.

Если винительный комитативный, какъ отдѣльный падежъ, явился сравнительно поздно, то онъ не могъ получить широкаго развитія значеній [тѣмъ болѣе, что въ это время уже развивался отдѣльный падежъ съ комитативнымъ значеніемъ—творительный] и значенія эти не могли быть общими для многихъ языковъ. Дѣйствительно, факты показываютъ, что къ винительному комитативному относятся очень немногіе винительные независимые, сохранившіеся лишь въ немногихъ языкахъ въ незначительныхъ остаткахъ. Къ такимъ винительнымъ принадлежатъ: а) винительные сопровождающаго предмета съ отгѣнкомъ инструментальнаго значенія; б) винительные сопровождающаго обстоятельства, иногда съ отгѣнкомъ цѣли (α) и образа дѣйствія (β).

²⁶⁾ Причиной этому могло быть главнымъ образомъ то, что комитативные падежи по самому своему значенію близки къ роли именительныхъ и до позднѣйшаго времени являются почти равносильными подлежащему: такъ напр. говорятъ, какъ «крестьянинъ съ батракомъ шелъ», такъ и «крестьянинъ съ батракомъ шли»; и при томъ послѣдній оборотъ значитъ почти тоже, что «крестьянинъ и батракъ шли»; въ зендѣ при именительномъ единств. ч. съ творительнымъ комитативнымъ встрѣчается двойственное число сказуемаго: *at mazdā taibjō khšathrem vohū manānhā vōividāitē*—тогда, Мазда, тебѣ Кхшатра съ Вору-Мано помогутъ (двойств. ч.), *Jaṣna* 30, 8, в.

а) Инструментальность есть частный видъ комитативности: орудіе есть сопровождающій предметъ, съ которымъ или которымъ совершается дѣйствіе. Факты показываютъ, что языкъ большею частью выражаетъ одинаково комитативность и инструментальность (ср. творительный комитат. безъ предлога и твор. орудія, Дельбрюкъ, *Ablat. loc. instr.* 57; предлоги *mit, avec* и англ. *with* для означенія комитативности и орудія). Если языкъ сталъ выражать комитативность винительнымъ падежомъ, то онъ могъ выражать этимъ же падежомъ и инструментальность. Такіе *accus. instrumenti*, какъ ихъ называетъ Юсти, находимъ

Въ зендѣ. *šašméñg.... vaēnahî vīspā—* глазами ты видишь все, *Jaçna* 31, 13, с; *âpô fraçñâdhajen—*они должны омыть водою, *s. v. çnâd*; въ другомъ подобномъ примѣрѣ вин. *âpô* стоитъ рядомъ съ твор. *géus maēçmana nōit* *âpô—*пусть онъ умоется коровьею уриною, а не водою, *s. v. ap²; kem—womit* чѣмъ, *s. v. ka; âfrīneñta... ašim—*да благославятъ чистотою, *s. v. aši²; также s. v. fšuja.*

Развитіе творительнаго помѣшало развитію такихъ винительныхъ, какъ только-что приведенные, сохранившіеся въ зендѣ; еслибы аріоевропейскіе языки не имѣли формы творительнаго, то функцію его могъ бы выражать этотъ родъ винительнаго.

б) Отглагольные отвлеченныя существительныя означаютъ дѣйствіе или состояніе въ абстрактѣ; винительный комитативный такого абстрактнаго существительнаго долженъ означать сопровождающее дѣйствіе или состояніе, т. е. то дѣйствіе или состояніе, съ которымъ является подлежащее. Если при подлежащемъ есть *verbum finitum*, то такое сопровождающее дѣйствіе или состояніе можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, т. е. значеніе обстоятельства; если же нѣтъ *verb. fin.*, то, подобно тому какъ въ литовскихъ оборотахъ *mano avis sziltą vilną—*моя овца съ теплою шерстью, *abu mudu bėrus žirgus—*оба мы съ пѣгими ко-

ными и т. п. (ср. выше въ лит.), винительные „съ теплою шерстью, съ пѣгими конями“ являются на мѣстѣ сказуемыхъ, такъ и винительные сопровождающаго дѣйствія или состоянія въ соединеніи съ вспомогательными глаголами или безъ нихъ могутъ являться на мѣстѣ сказуемыхъ (b²).

Въ скртѣ сюда принадлежатъ: дѣепричастія на *am*, представляющія винительный падежъ отглагольныхъ существительныхъ (Benfey, Vollst. Gr. § 916), напр. *śāurañkāram*—съ совершеніемъ воровства (*ibid.*), *śāurañkārañ gato*—съ совершеніемъ воровства, совершивши воровство, онъ ушелъ, *agre bhoḡan vraḡati*—побѣвши сначала, онъ идетъ, *ibid.* § 909, 2; также рѣдкія формы дѣепричастія на *tvīnam*, *tvānam* (тоже винительные пад. отглагольныхъ существительныхъ), напр. *iṣṭvīnam* (отъ *jaḡ* жертвовать) съ жертвованіемъ, жертвовавши, *pītvānam* (отъ *pā* пить), пивши, *Bopp, Vergl. Gr. 3, 254, § 849*²⁷).—b²) сказуемыми являются отглагольныя сущ. женск. рода на *ā*, напр. *vidām āsa* я былъ съ знаніемъ, т. е. я зналъ, Шерцль, Скр. гр. § 162; *tarkājām āsa bhāimī*—Бхайми была съ размышленіемъ, размышляла. Эти винительные въ соединеніи съ прошед. соверш. глагола *as*, *bhū* извѣстны подъ именемъ *perfecta periphrastica*.

Въ зендѣ *kuthrā nemo ajēni*—куда поиду я съ молитвою; *pairithnem.... śadajëiti*—идетъ съ борьбою, *s. v. nemañh, pairithna.*—

²⁷) За такое объясненіе, кромѣ аналогіи зенда, говорятъ также тотъ фактъ, что и другія болѣе употребительныя скртскія дѣепричастія на *tvā* и *ja* суть тоже комитативные падежи отглагольныхъ существительныхъ, именно творительные темъ на *tu* и *i*, *Bopp, Vergl. Gr.* такъ что *śāurañkr̥tvā*, *bhuktvā* этимологически значить «съ совершеніемъ воровства, съ ѣдою т. е. съ совершеніемъ ѣды».

b²) paiti avatha jaoždajān—она очищена, т. е. есть съ очищеніемъ, Юсти jaoždajān называется perf. med. periphrastic. s. v. jaozdâ, тамъ же другіе примѣры съ jaoždajān, составляющимъ perf. periphrast. tû dathrem—ты съ даваніемъ, т. е. ты дашь, s. v. dathra и др.

Въ греч. ἀγγελίην ἐλθεῖν²⁸) идти вѣстникомъ, букв. идти съ вѣстничествомъ, съ посольствомъ [за такое объясненіе говоритъ тотъ фактъ, что въ скртѣ и дррусск. на мѣстѣ такого винительнаго является творительный, т. е. падежъ комитативный, напр. dâutjena âgatja—пришедши съ посольствомъ, посломъ, Nal. 4, 15; дрр. ити грабежомъ, посольствомъ, Потребня 2, 468], напр. ἰόντες ἀγγελίην—отправившіеся посольствомъ, I, 422. Аналогично съ зевд. pairithnem çadajëiti—идеть съ битвою и дрр. ити грабежомъ, сюда слѣдуетъ отнести πόλεμον ἐστράτευσαν τὸν ἱερόν καλούμενον—отправились, выступили въ походъ съ такъ называемою священной войною, Курц. § 400 b.

Въ лат. сюда относятся нѣкоторыя отглагольные нарѣчія на tim, означающіе обыкновенно образъ дѣйствія, напр. contemptim—съ презрѣніемъ, Шульцъ-Ход. § 233; по происхожденію нарѣчія эти равносильны съ суп. на tum.

Въ лит. b²) mano rankeles kas dën sunkus darbelius—мои руки каждый день съ тяжелыми работами, Ness. 243; вин. пад. отглагол. сущ. на tu въ соединеніи съ opt. глаг. bu—быть образуетъ описательный optativ, напр. suktum—biau—я поворотилъ бы, былъ бы съ поворотомъ, въ поворотъ, Schleich. Comp. § 306, 2.

²⁸) Курціусъ относитъ вин. ἀγγελίην подъ рубрику «предметъ, ближе опредѣляющій глаголъ» § 400, с. Какъ будто не всякій винительный «ближе опредѣляетъ глаголъ», если относится къ нему?!

Относительно *perf. periphr.* слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Въ скртѣ они употребляются обыкновенно съ *perf.* вспомогат. глаголовъ и имѣютъ значеніе *perfecta*; въ зендѣ же значеніе ихъ не ограничивается прошедшимъ. Въ скртѣ они имѣютъ исключительно дѣйствительное значеніе; въ зендѣ же они являются какъ съ дѣйствительнымъ, такъ и съ страдательнымъ значеніемъ. Так. обр., хотя оборотъ этотъ въ зендѣ является рѣже, чѣмъ въ скртѣ, но въ болѣе первоначальномъ видѣ; въ скртѣ же онъ получаетъ специальное значеніе описательнаго времени. Указанное здѣсь происхожденіе *perf. periphr.* не было единственнымъ: они могли также развиваться изъ винительныхъ независимыхъ 3 рода (результативныхъ, ниже 3. В² b) и 1-го (вин. цѣли).

а) Еще и въ настоящее время обороты, какъ „приходить съ просьбою, съ молитвою, съ вопросомъ“ значить „приходить просить, молиться, спрашивать“; съ другой стороны ἀγγελίζν ἐλθεῖν, = русск. ити посольствомъ и скр. *dāutjena gantum*, этимологически тоже, что лат. *nunciatum ire*, т. е. винительный второстепеннаго дѣйствія или состоянія можетъ имѣть оттѣнокъ значенія цѣли. Это особенно замѣтно въ томъ случаѣ, когда стоитъ рядомъ два такихъ винительныхъ, какъ напр.

Въ зенд. *āzis pairithnem aṇhvām avaderenan čadajēiti*—Ази приходитъ съ борьбою съ отторженіемъ міровъ, т. е. для отторженія міровъ (*mit Kampf zur Entreissung*), s. v. *pairithna*.

Так. обр. винительный цѣли, выражаемый отглагольными существительными, (куда входятъ также многіе *infin.*) могъ развиваться отчасти изъ винительнаго комитативнаго; ср. подобный же переходъ значенія въ творительномъ, который иногда можетъ получать значеніе цѣли и результата (*Absicht und Erfolg*, Miklos. s. 722), ср. ниже 3. В b² β.

β) Подобно тому какъ изъ комитативнаго значенія творительнаго развивается значеніе образа дѣйствія, такъ

могло развиваться значеніе образа и изъ винительнаго комитативнаго; по указаннымъ выше причинамъ развитіе это не получило широкаго распространенія:

Въ скр. *vaṣam*—съ насиліемъ, насильно, Amb. 6, 38.

Въ зендѣ: *anuṣo viſjêiti*—онъ испускаетъ сѣмя съ нежеланіемъ, т. е. безъ желанія, недобровольно, s. v. *anuṣaṇh*; *uṣo viſjêiti*—онъ испускаетъ сѣмя съ желаніемъ, *freiwillig*, s. v. *uṣaṇh*; я стоялъ у трупа—*anaêšem manō*, *anaêšem vačō*, *anaêšem skjaothnem*—букв. съ нежелающею мыслью, съ нежелающею рѣчью, съ нежелающимъ дѣланіемъ, т. е. безъ желанія въ мысли, рѣчи или дѣлѣ.

Въ греч. *ῥῶν τάχος ἤσθη*—съ возможною быстротою войти внутрь, съ такою быстротою, какая есть, *Electra* 1372; *τάχος* съ быстротою, *Bens.* s. v; *τὸν τρόπον*, *τοῦτον τὸν τρόπον*—такимъ образомъ можетъ собственно значить „съ такимъ поворотомъ“.

Такъ какъ первоначально (въ скртѣ, зендѣ и отчасти въ греч., лат. и слав. въ историческое время) всякое прилагательное въ среднемъ родѣ можетъ употребляться какъ отвлеченное существительное, то вин. пад. ср. р. можетъ означать образъ дѣйствія или состояніе, такъ напр. скр. *avahita-s*—внимательный, ср. р. *avahitam*—вниманіе, въ комитативномъ значеніи *avahitam* должно значить *со вниманіемъ*, т. е. *внимательно*. Так. обр. кромѣ главнаго источника для развитія нарѣчій, соответствующихъ ср. р. или винительному пад. (выше гл. I СЗ В b²) могъ быть еще и другой второстепенный—вин. комитативный съ отгѣнкомъ значенія образа дѣйствія.

Всѣ эти винительные (b, b², α, ρ) близко соприкасаются съ подобными винительными 3 рода, отъ которыхъ они не различались первоначально, т. е. когда составляли

собою отдѣльныя полусамостоятельныя предложенія, [такъ напр. скр. *agre bhogāṇ vragatī* первоначально значить сначала ѣда, (потомъ) идти]. Но въ послѣдствіи между ними произошло то различіе, что нѣкоторая ихъ часть получила комитативный оттѣнокъ значенія и чрезъ посредство этого значенія—тѣ второстепенныя значенія, которыя только-что указаны. Что эти винительные прошли чрезъ комитативное значеніе или развились подъ его вліяніемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что рядомъ съ такими винительными въ томъ же языкѣ или сродныхъ въ тѣхъ же значеніяхъ употребляются творительные (комитативные) падежи.

3. НЕЗАВИСИМЫЕ ВИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНІЯ.

Сообразно съ тѣмъ, что сказано выше при разсмотрѣніи именительныхъ и винительныхъ 3 рода, чередующихся между собою, винительные этого рода должны представлять наибольшее разнообразіе значеній. Но разнообразіе значеній какъ въ словахъ, такъ и въ формахъ, вредитъ точности языка и мѣшаетъ пониманію его, и потому съ прогрессомъ языка многія изъ такихъ разнообразныхъ значеній устраняются, вытѣсняются, такъ что отъ широкихъ значеній въ болѣе позднее время остаются лишь незначительные остатки. Такъ было и съ винительнымъ отношеніемъ: при всемъ разнообразіи значеній независимые винительные отношенія въ болѣе—менѣе значительномъ количествѣ случаевъ сохранились лишь въ zendъ и греч.; въ гораздо меньшей степени они сохранились въ скртѣ; а въ прочихъ языкахъ, которые въ общемъ характерѣ носятъ слѣды болѣе поздняго развитія, они представляютъ лишь немногіе остатки.

Наиболѣе естественнымъ дѣленіемъ относящихся сюда явленій представляется слѣдующее:

А. Винительный простаго отношенія (въ узкомъ смыслѣ, ср. гл. 1, СЗ А). Сюда относятся тѣ случаи, гдѣ въ переводѣ на новый языкъ можно прибавить слова *относи-*

тельно, что касается. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается, что значеніе отношенія получаетъ болѣе опредѣленный оттѣнокъ значенія:

а и а². Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предметъ, который означается винительнымъ отношеніемъ, является сферою проявленія дѣйствія или состоянія (а); въ тѣхъ случаяхъ, когда такимъ винительнымъ является слово, означающее лицо или предметъ, рассматриваемый какъ лицо, такой винительный отношенія приближается къ значенію *dativ. commodi* и можетъ быть названъ *accus. commodi* (а²).

В. Винительными опредѣленнаго отношенія являются:

а. Винительные причины.

б. Образа (поясненія) и результата.

А. Винительные простаго отношенія.

Въ скр. часто употребляется вин. отношенія *nāma*—по имени, напр. *āsīd rāgā nalo nāma*—былъ царь по имени Наль, *Nal. 1, 1. tato 'raçjañ tamo ghoram puruṣaṇ*—тогда я увидѣла ужаснаго по мрачности мужа, *Sāv. 5, 70, b.* Сюда же относятся винительные въ сочетаніяхъ *anjo 'njam, paras param*—другъ относительно друга, см. выше I C1 с.

Въ зендѣ, *nāma*—по имени (очень употребительный вин. отнош.) напр. *vizarešō daēvō nāma*—девь по имени В. *Vend. 19, 93 aṭiça im zāo avaiti bāzō javaiti frathaçcit*—эта земля (есть) такова же въ глубину, какова въ ширину, *s. v. çī 3; thwā çava—in Bezug auf deinen Nutzen, s. v. çava. ustā... ašai vahi-stāi ašem—Heil dem an Reinheit besten Reinen*—наилучшему по чистотѣ, *s. v. ašem vohū; tāo.... pešanāhu upaṭām heñti dāhi-stāo*—они наиболѣе умны относительно доставленія помощи въ битвахъ, *s. v. dāhista* (ср. *πάντα σοφός*); *khšathrem hukhšathrotemō*—

по власти наилучшій властитель, s. v. hukhša-thra (ср. ἄδικος πᾶσαν ἁδικίαν). Такой вин. является даже при существительныхъ, при чемъ онъ приближается къ значенію родительнаго: drâgô zrvânem—продолженіе относительно времени, т. е. продолженіе времени, s. v. drâganh; ajarê dakhšâra—знакъ относительно дня, т. е. знакъ дня; avaêtâs vaêô—неприличіе относительно рѣчей, т. е. неприличіе рѣчей, s. v. ²⁹⁾).

Въ греч. συνεῖαν καὶ ἁλλήλοισι τὰ τ' ἄλλ καὶ πᾶρ πολέμῳ—да помогаютъ одни другимъ, какъ относительно чего другого, такъ и въ войнѣ, Schleich. Indgrm. Chr. 163 (эолийск. діал.); καὶ τὰ πολέμια λεγόμενος ἐν τοῖς ἀρίστοις Περσῶν—и касательно военныхъ дѣлъ (въ томъ, что касается войны) считаемый наилучшимъ храбрѣйшимъ изъ Персовъ, Anab. 1, b, 1; πάντα σοφός—мудрый во всѣхъ отношеніяхъ, πᾶσαν ἁδικίαν ἄδικος—несправедливый относительно всякой несправедливости, т. е. во всѣхъ отношеніяхъ, Курц. § 404, ср. въ Zendf; θεῶν ἀρίστη, ἀμφοτέρων γενητὴ καὶ οὐνεκα σὴ παρακοίτις κέκληται—славнѣйшая изъ богинь въ двоякомъ отношеніи: по происхожденію и потому, что называюсь твоей супругой, Σ. 365; сюда же относятся οὐδέν—ни въ какомъ отношеніи и τί—въ какомъ-либо отношеніи, напр. Electra 605; πάντα νικᾶν—во всемъ побѣдить, ἀμφοτέρα νικᾶν—побѣдить въ двухъ отношеніяхъ (auf beiden Elementen), τὴν γνώμην νικᾶν—оставаться побѣдителемъ относительно своего мнѣнія,

²⁹⁾ Примѣры эти показываютъ, что винительный нѣкогда былъ достаточенъ и для выраженія главнаго значенія позднѣйшаго родительнаго. Это подтверждаетъ то общее положеніе Курциуса, что «винительный былъ нѣкогда общимъ косвеннымъ падежомъ».

Benseler s. v. *νικᾶν*; другіе винительные отнош. при *νικᾶν* имѣютъ отглагольное значеніе а, см. ниже. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ такихъ вин. отнош. замѣтенъ отглагольный причиннаго значенія: *τὸν δ' εὖρον δαίνοντα γάμον*—они нашли его пирующаго по поводу брака, *δ 3; δαίνου τάφον Ἀργείοισιν*—пировалъ съ Ахейцами по поводу погребенія, *γ 309; ἄλλοι δὲ θεοὶ δαίνονθ' ἑκατόμβας*—другіе же боги пировали по поводу гекатомбы, *I, 535; τὰ λύκαια ἔθυσσε*—принесъ жертву по поводу Ликейскаго праздника, *Απαβ 1, 2, 10*; ср. Benseler s. v. *ἐστιάω, δαίνυμι, στεφανόω*—*νικητήρια ἐστιᾶσθαι*—пировать по поводу побѣды, *ὀλύμπια ἐστεφανῶσθαι*—увѣнчаться вѣнкомъ по поводу олимпійскихъ игръ.—Винительные существительныхъ, какъ: *τὸ ἔθνος* по имени, *τὸ γένος*—по происхожденію, *τὸ πλῆθος*—по числу, *τὸ εὖρος*—по ширинѣ, *τὴν φύσιν* по природѣ, относительно природы ³⁰⁾, *ἔμματα καὶ κεφαλὴν ἱκελος Διὶ*

³⁰⁾ Въ греч. грамматикахъ обыкновенно помѣщаются подъ одну рубрику всѣ винительные независимые, за исключеніемъ винительныхъ времени, мѣста и нарѣчій (ср. р. прилаг.), напр. у Курц. § 404. При такомъ сваливаніи въ одну кучу разнообразныхъ явленій смѣшиваются различные роды и виды винительныхъ независимыхъ. Что это такъ, видно изъ того, что даже винительные независимые одного и того же слова по различію смысла относятся къ различнымъ родамъ вин. Такъ напр. *δέμας* можетъ быть винительнымъ простаго отношенія: *χερείων οὐ δέμας*—не хуже видомъ, *A 115*; но тотъ же винительный *δέμας* въ приведенныхъ выше примѣрахъ винительнаго комитативнаго (*N 673; P 366*) значитъ съ *видомъ* и принадлежитъ къ винительнымъ комитативнымъ. Вин. *φύσιν, δίκην* принадлежатъ къ винительнымъ простаго отношенія, когда значать *относительно природы, обычая*; въ значеніи же *сообразно съ природою, обычаемъ* они принадлежатъ къ вин. образа дѣйствія (ниже В b¹).

—глазами и головой подобный Зевсу, Гом. Курц. § 404.

Въ лат. такъ называемый *accus. graecus*: *qui genus (estis)*—кто вы родомъ; *os humerosque deo similis*—лицомъ и плечами подобный богу, *nihil*—ни въ какомъ отношеніи, со-всѣмъ не, Шульцъ-Ход. § 262 ³¹⁾; *quid*—въ какомъ отношеніи; *cetera Crasso assentior*—въ остальномъ, относительно остального я согласенъ съ Крассомъ, *aliquid cogi*—быть побуждаемому въ чемъ либо и нѣкоторые другіе винительные мѣстоименія, Шульцъ-Х. § 257 (здѣсь смѣшаны винительные отношенія и винительные повода, причины).

Въ лит. сомнит. Бецценбергеръ изъ стар. лит. приводитъ слѣдующій примѣръ: *keturius szimtus olektu ilgumą*—400 локтей въ длину, Beitr. zur Gesch. Lit. Spr. s. 239.

а, Въ отгнѣкѣ а надъ значеніемъ отношенія преобладаетъ значеніе сферы, мѣста проявленія дѣйствія или состоянія. Въ такомъ винительномъ являются преимущественно имена, означающія части тѣла.

Въ скр. *çiro 'bhitâpasantaptah.... prasupto 'ham*—почувствовавши боль въ головѣ (собств. распаленный) я заснулъ, Sâv. 5, 69. ср. *κεφαλήν χαμνων*.

Въ зендѣ *ustrô.... çârô gaêva*—верблюдь блестящій относительно головы (головою, *hell am Kopf*) s. v. *çârañh*; *hisku vareça* (вин. мн.)—сухо въ волосахъ, s. v. *vareça*; *ukhšjâ ustâ tanûm*—расти въ тѣлѣ, на здоровье! s. v. *tanu*.

³¹⁾ Въ лат. винительный отношенія объясняется обыкновенно заимствованіемъ съ греч. Можно ли доказать это заимствование документально, или это не болѣе, какъ предположеніе

Въ греч. *χάμνω τὴν κεφαλὴν*—я болѣю головою (чувствую боль въ головѣ) Курц. § 404; *δεδεμένος τοὺς πόδας καὶ τὰς χεῖρας*—связанный по рукамъ и ногамъ, Иоан, 11, 44; *μέγας τὸ σῶμα*—великій тѣломъ (собств. выросшій въ тѣлѣ, V^{magh}—расти ср. послѣдній Zend. прим.); *τετραμένος τὴν κεφαλὴν*—имѣющій рану въ головѣ, пораженный въ голову, *καλὸς τὸ πρόσωπον*—прекрасный лицомъ. Сюда же относятся нѣкоторые вин. при *νικᾶν*, подобные указаннымъ выше, но съ замѣтнымъ мѣстнымъ отбѣнкомъ: *τοὺς ἀγῶνας νικᾶν*—остаться побѣдителемъ въ состязаніяхъ, *μάχην*—остаться побѣдителемъ въ битвѣ, *Ὀλύμπια*—остаться побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ, Bens. s. v. *νικᾶν*.

Въ лат. *nigrantes terga juveni*—юнцы, чернящіеся на спинахъ, Liv; *nudae brachia et lacertos*—обнаженные въ нижнихъ и верхнихъ частяхъ рукъ, Tac; *femur ictus*—пораженный въ бедро, Шульцъ-X. § 262³¹⁾. *fractus membra*—разбитый въ членахъ, Hor. Sat. 1, 1, 5. *Bellum vincere*—остаться побѣдителемъ въ войнѣ, Dietz 3, 118. ср. *μάχην νικᾶν*.

Въ нѣм., got.: *gabundans handuns jah*

грамматиковъ, отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ дѣло специалистовъ лат. синтаксиса. Такъ какъ латинскій послѣ санскр., Zendā и греч. является наиболѣе архаичнымъ языкомъ, то и безъ заимствованія въ немъ могли сохраниться въ небольшомъ количествѣ винительные отношенія. Объясненіе чрезъ заимствование подозрительно уже потому, что подъ рубрику вин. отношенія относятся при этомъ и такіе случаи, которые не имѣютъ никакого отношенія къ греч. винительному отношенію и представляютъ рѣдкіе архаизмы, принадлежащіе къ различнымъ родамъ винительнаго, ср. напр. у Шульца-Ходоб. § 262.

fotuns—связанный по рукамъ и ногамъ, Ioh. 11, 44. Въ nhd. также возможны подобные обороты, ср. Alle stehen den Fuss zum Marsche fertig, Hanka, Polygl. s. 765. срав. въ чешскомъ.

Въ лит. skaud mana szirdelę—болитъ въ моемъ сердцѣ, Lit, Leseb. 31; nū alaus pilvą skaust—отъ пива болитъ въ животѣ, ib. 45; galvą skaust—болитъ въ головѣ, ib. 56. „Когда винительный стоитъ при непереходныхъ глаголахъ, говоритъ Шлейхеръ, напр. *koję, ranką palužti*—букв. *быть поломану (имѣть переломъ) въ ногу, въ руку*, то такой винительный (какъ и въ греч.) нужно понимать, конечно, какъ винительный отношенія“, Lit. Gr. s. 263.

Въ слав. рѣдко цсл. плешти и жтробж съжъжентъ—сожженный въ плечахъ и животѣ, Mikl. 393; въ чеш. *hotoví všici nohu v krok i ruku v braň*—все готовы ногою для шествія, рукою для борьбы, Kralodv. 75; въ млр. ведутъ пановъ повязанныхъ руки арканами. Mikl. 393, 31.

Въ лат., нѣм., лит. и слав. эти винительные вообще рѣдки (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сомнительной оригинальности). На мѣстѣ ихъ являются винительные съ предлогами или другіе косвенные падежи съ предлогами и безъ предлоговъ. Предлогъ при такихъ винительныхъ является уже у Гомера, напр. *δράκων ἐπὶ νῶτα δαφονός*—драконъ красный на спинѣ, В. 308; у Ксеноф. *τετρωμένος εἰς τὴν γαστέρα*—пораженный въ животъ, Anab 2, 5, 33. Находя въ слав. нар. многочисленные винительные съ предлогами, соответствующіе древнимъ винительнымъ отношенія безъ предлога, какъ напр. богатый на деньги=поль. *w pieniędzy bogaty*=чеш. *v peníze bohatý*, чеш. *netwrd w nohu*, цсл. краснѣ въ видѣ, млр. на имя, хороший на вроду,

русск. на ножку легокъ и т. п., Mikl. s. 402, п и 422 t, —мы имѣемъ право предполагать, что присоединеніе предлога есть явленіе болѣе позднее, какъ въ указанныхъ греч. примѣрахъ и при винительныхъ времени и мѣста, что, слѣдовательно, нѣкогда въ слав. возможны были такіе же винительные отношенія безъ предлога, какъ и въ греч. •

А. Поповъ.

(Продолженіе будетъ.)

О ЧАСТЯХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ РАЗСМОТРѢНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ.

Если подлежащее, какъ говоритъ г. Миловидовъ, только точнѣе опредѣляетъ лицо, выраженное уже въ сказуемомъ, то отсюда прямой выводъ: подлежащее будетъ уже не подлежащимъ, а приложеніемъ; приложеніе же должно согласоваться съ своимъ опредѣляемымъ. Общепринятое синтаксическое правило, что опредѣленіе согласуется съ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, неполно. Опредѣленіе согласуется съ опредѣляемымъ и въ лицѣ.—Опредѣленіемъ бываетъ прилагательное въ полномъ окончаніи (хотя не всегда), а полное окончаніе образуется посредствомъ прибавленія къ краткому окончанію мѣстоименія 3-го лица *и, я, е* (онъ, она, оно). Опредѣленія обыкновенно ставятся при именахъ существительныхъ, которыя всѣ 3-го лица (какъ слова, не имѣющія родовой примѣты, принимаются за средній [фиктивный] родъ, такъ и слова, не имѣющія личнаго окончанія, принимаются за 3-е лицо [фиктивное]). Отсюда слѣдуетъ заключить, что опредѣленіе согласуется съ своимъ опредѣляемымъ и въ лицѣ. Поэтому и подлежащее въ отношеніи согласованія его съ личнымъ окончаніемъ глагола можетъ быть разсматриваемо какъ приложеніе послѣдняго. Если глаголь 1-го или 2-го лица,—подлежащимъ бываетъ личное мѣстоименіе; если глаголь 3-го лица, въ русскомъ языкѣ подлежащее будетъ или мѣстоименіе 3-го лица или существительное фиктивного 3-го лица. Въ греч., нѣм. и фран. языкахъ для означенія 3-го лица ставится при подлежащемъ членъ (членъ вельзя считать показателемъ

рода, потому что родовыя окончанія въ греческомъ существуютъ сами по себѣ).

Сказуемое прилагательное принимаетъ краткое окончаніе, потому что окончаніе 3-го лица *и, я, е* не всегда пригодно: сказуемое можетъ стоять въ разныхъ лицахъ. Для выраженія лица въ сказуемомъ бываетъ или подразумевается глаголь вспомогательный. Слѣд. глаголь вспомогательный долженъ быть непременно при сказуемомъ, если оно само по себѣ не имѣетъ личнаго окончанія, иначе сказуемое прилагательное и существительное не отличалось бы отъ опредѣленія и приложенія. Опредѣленіе и приложеніе сливаются съ опредѣляемымъ въ одно понятіе; признакъ, выражаемый опредѣленіемъ, представляется постояннымъ; сказуемое же показываетъ кромѣ того моментъ, время, въ которое признакъ можно приписать предмету. Номо *bonus est, erat; homo bonus; bonus*—сказуемое, не отличаясь отъ опредѣленія по формѣ прилагательнаго, отличается отъ него однако тѣмъ, что въ сказ. указываетъ на время существованія даннаго признака въ подлежащемъ. Такимъ образомъ глаголь вспомогательный непременно долженъ быть при сказ. прилагательномъ и существительномъ: назначеніе его указать въ сказуемомъ время и лицо; это лицо и есть подлежащее, или другими словами: подлежащее всегда заключается въ сказуемомъ.

Допустимъ, что „есмь; еси“... не подразумеваются, что это вымершія формы (по г. Дмитревскому), мы должны изслѣдовать причину исчезновенія этихъ формъ и рассмотреть новую форму выраженія. Если эта новая форма равняется старой, то выводъ нашъ отъ этого мало измѣняется.

„Есмь, еси“ и проч. принимаются за настоящее время, какъ форма—„неси“ за 2-ое лицо. Но форма—неси не 2-ое лицо, а повелительная или условная ф. для всѣхъ лицъ, потому что не имѣетъ личнаго окончанія; такъ точно настоящее вр. вспомог. глагола „есмь, еси“ не будетъ насто-

ящимъ въ полномъ смыслѣ, потому что не имѣетъ показателя времени; есмь и проч. означаетъ постоянное существованіе или существованіе въ какое бы ни было время; то-же самое означается самымъ названіемъ предмета или качества. Остается въ такомъ случаѣ выразить лицо мѣстоименіемъ или существительнымъ. „Я есмь здоровъ“ здѣсь двойная тавтологія (два раза означено лицо, два раза существованіе). Языкъ, соблюдая экономію, разрушаетъ эту тавтологію, выражаясь: „я здоровъ“. Въ этомъ разрушеніи усматривается зачатокъ новаго направленія въ языкѣ, зачатокъ недавній и свойственный только русскому языку. Здѣсь начало разрушенія старой этимологіи и созданія новой, болѣе ясной; значеніе личнаго окончанія въ „есмь“ не ясно, — поэтому языкъ замѣняетъ неясную форму „есмь“ новою: „я здоровъ“ вм. „я есмь здоровъ“. Гдѣ разрушается этимологія, начинается синтаксисъ, а синтаксисъ путь къ новой этимологіи. Въ китайскомъ языкѣ мы видимъ полное разрушеніе этимологіи и безсиліе создать новую. Но у насъ разрушается и созидается. Устарѣетъ форма слова — она или становится архаизмомъ, напр.: „есмь“, или получаетъ новое значеніе и употребленіе, напр.: „подобру, поздорову“ — нарѣчіе вм. „по добру, по здорову“ — прилаг.

Но вслѣдствіе распадненія этимологической формы и замѣны ея новою измѣняется ли положеніе? Любимъ (ж = личному мѣстоим. — я). Если нельзя сказать, что здѣсь двѣ главныя части предложенія, то почему же мы будемъ считать, что въ предложеніи — я здоровъ — двѣ главныя части? Ужели только потому, что я пишется отдѣльно? Ученіеъ (начинающій) не затруднится спрягать: я здоровъ ты здоровъ и т. д. Онъ правъ: вѣдь спрягаетъ онъ: я ходилъ и т. д. Если „я ходилъ“ двѣ главныя части предложенія, то въ слѣдующей французской фразѣ будетъ ихъ четыре: *le frère, est-il à la maison? (le=il)*. Есть два способа спряженія — простое и описательное. Аористъ сан-

скрит. и греч. языковъ служить примѣромъ 1-го случая; при санскрит. условн. *tagrejam*—съ личнымъ окончаніемъ, при греч.—тоже (*τέρπουσι*), въ русскомъ—будь я, будь ты—примѣръ 2-го случая.

Что подлежащее не главный членъ предложенія, въ этомъ трудно сомнѣваться, хотя, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что подлежащее, въ совокупности съ другими частями, производитъ сказуемое, что оно причина сказуемаго. Но человѣкъ всегда прежде видитъ фактъ, а потомъ уже ищетъ причины, ищетъ, но не всегда находитъ, иногда же такъ и остается съ благимъ намѣреніемъ отыскать причину: являются предложенія, такъ называемыя, безличныя. А что такое личное предложеніе?—дѣйствительно ли въ немъ всегда указана причина? Течетъ рѣка (рѣка=нѣчто текущее)=текущее течетъ. Говоря личными предложеніями, человѣкъ „масло намасливаетъ“, употребляетъ тавтологію, въ смыслѣ тождесловія и подобословія. Течетъ—оконч. *тъ* значить онъ, она, оно. Стало быть, подлежащее и въ этомъ случаѣ сливается съ сказуемымъ. Такимъ образомъ сказуемое все таки единственный главный членъ предложенія.

Для опредѣленія истиннаго значенія частей предложенія мы представимъ генезисъ предложенія. Общій законъ генетическаго развитія мысли (у Макса Мюллера называется діалектическимъ измѣненіемъ мысли) представляется въ такомъ видѣ: сначала смѣшеніе всѣхъ членовъ мысли, потомъ ихъ выдѣленіе, далѣе—соединеніе, и опять выдѣленіе и. т. д. Таковъ законъ и развитія предложенія.

Ренанъ въ „Наука о языкѣ“ допускаетъ аналогію образованія языка у человѣчества съ образованіемъ языка у ребенка; аналогію можно распространить и на животныхъ. У первобытнаго человѣка, ребенка и животнаго потребности ограничиваются удовлетвореніемъ только инстин-

ктивныхъ влеченій. Все, ведущее къ сохраненію особи, составляетъ удовольствіе, — препятствующее этому, производитъ неудовольствіе. Первобытный человѣкъ, ребенокъ, животное выражаютъ удовольствіе и неудовольствіе междометіями, т. е. междометіями выражаютъ свое внутреннее состояніе — это языкъ субъективный. Максъ Мюллеръ объясняетъ это такимъ образомъ: если что нибудь тяжелое падаетъ, хотя на неодушевленный предметъ, происходитъ звукъ. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ подавляющее впечатлѣніе; а для слабаго ребенка каждое впечатлѣніе слишкомъ сильно, поэтому и являются только междометія. Потомъ, когда окрѣпнѣетъ душа, привыкнетъ къ впечатлѣніямъ, разовьются внѣшнія чувства, впечатлѣнія уже не подавляютъ человѣка: онъ замѣчаетъ въ предметахъ стороны, которыхъ не замѣчалъ, иначе — получаетъ впечатлѣнія отъ предметовъ, которые были для него первоначально безразличными — и все это человѣкъ выражаетъ звуками: напримѣръ: дитя слышитъ крикъ утки и подражаетъ ему — это становится словомъ, названіемъ утки (наблюденія надъ ребенкомъ Тэна). Подражаютъ различнымъ звукамъ и животныя: способность звукоподражнія, на низшей степени, общая у человѣка и животныхъ, — это такъ называемые рефлексъ. Итакъ въ эту пору развитія, человѣкъ, слыша звукъ, производитъ, сообразно съ средствами органовъ, подобный звукъ — отсюда въ языкѣ звукоподражанія. Но не всѣ предметы издають звуки, въ такомъ случаѣ они производятъ впечатлѣніе на* человѣка другою стороною, напр. свѣтомъ; тогда человѣкъ подражаетъ звукомъ силѣ свѣтоваго возбужденія, сравнивая съ слуховыми возбужденіями. Кто либо сильно кричитъ, сила возбужденія равняется, напр. а: звукоподражаніе будетъ — орать (раздирающій звукъ). Сила возбужденія отъ сильно свѣтящагося предмета равняется тоже — а; но человѣкъ чувствуетъ нѣкоторый качественный оттѣнокъ во второмъ впечатлѣніи, является и слово похожее, но съ оттѣнкомъ —

яркій: является звукоподражаніе въ обширномъ смыслѣ, или подражаніе звукомъ силѣ свѣтоваго возбужденія. Это высшая степень звукоподражанія, свойственная только человѣку (слухъ развивается прежде зрѣнія, а не наоборотъ, слѣдовательно неправильно предположеніе, что предметы первоначально назывались по свѣтовымъ впечатлѣніямъ) ¹⁾. Ученые—одни весь языкъ выводили изъ междометій, другіе—изъ звукоподражаній, но существованіе обоихъ элементовъ несомнѣнно; нужно теорію междометную соединить съ имсенической. Одинъ элементъ (междометія) проникался другимъ (звукоподраженіями): языкъ образовался имсентически (*imicare*+*sensum*). Есть еще элементъ, на который обратили слишкомъ мало вниманія; но онъ играетъ важную роль въ языкѣ: что-бы указать на что нибудь, мы простираемъ палецъ вдаль или тычемъ имъ въ предметъ; то-же самое мы дѣлаемъ съ звукомъ: *и*—личное мѣстоименіе—звукъ, стремящійся изъ гортани, *тѣ*—тотъ—звукъ ударяющійся о зубы и т. д. Это звуки—указывающіе мѣстоимѣнія. Такимъ образомъ въ языкѣ три элемента: 1) междометія—субъективный элементъ, показывающій движенія души. 2) звукоподражанія, объективный элементъ, указывающій на движенія предметовъ и 3) мѣстоименія—элементъ, выражающій безсознательныя движенія тѣлесныя. Все служебное въ языкѣ—суффиксы, флексіи, предлоги, союзы—образуются, по преимуществу, изъ послѣдняго элемента.

„Стукъ, стукъ“!—отворять двери. „Голенькій—охъ, за голенькимъ Богъ“. Стукъ, охъ—сказуемыя; слѣдовательно слова: стукъ, хлопъ, охъ, ахъ и проч., отдѣльно взятые, могутъ составить предложенія—вполнѣ безличныя.

Въ приведенномъ примѣрѣ стукъ—звукоподражаніе

¹⁾ На сколько мнѣ извѣстно, филологи смотрѣли на звуковое подражаніе очень узко.

(слѣдовало-бы писать стукъ — безъ ъ(?), образующаго окончанія); отъ него происходитъ существительное — стукъ: въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ. Стукъ, ходьба вмѣсто стучать, ходять, или стучить, ходить; ъ можно принять за указатель лица (можно сказать почти безошибочно, что каждый звукъ можетъ быть, при извѣстномъ положеніи предмета въ пространствѣ, указаніемъ, мѣстоименіемъ), такимъ образомъ это будетъ застывшее 3-е лицо ²⁾. Пошли охи, ахи — здѣсь существительныя отъ междометій; ничтожество — существительное отъ мѣстоименія. Глаголь тоже развивается изъ этихъ элементовъ: ахать, стучать, потакать. Въ чемъ же состоитъ это развитіе? Въ слово вносятся новые элементы, указывающіе лицо, число, время и проч.

Какъ существительныя, такъ и глаголы первообразныя (древнѣйшіе) указываютъ только лицо (хотя первообразныя глаголы измѣняются по временамъ, но времена не первообразныя формы). Это первая ступень въ развитіи предложенія; здѣсь обозначено лицо, или подлежащее; это корешокъ, но еще находящійся въ зернѣ.

На второй ступени являются обстоятельство времени, обстоятельство образа, цѣли. Есть четыре способа выраженія прошедшаго времени: 1) удвоеніе, 2) нарощеніе, 3) суффиксъ ³⁾ и 4) вспомогательный глаголь. Говорю это на основаніи слѣд. предположеній:

1) Относительно удвоенія

Дѣйствіе, совершившееся прежде, повторяется въ па-

²⁾ Если существительно 3-го лица не фиктивно, то и прилагательное краткое будетъ 3-го лица; тогда, конечно, не должно бы быть полнаго окончанія. Но застывшія формы теряютъ свое значеніе, и народъ тавтологией возобновляетъ ея смыслъ, напр.: я люблю. Выраженіе: чисто серебро хороню — образовалось ранѣе, когда смыслъ окончанія не былъ потерянъ.

³⁾ Въ выясненіи суффиксовъ временъ, видовъ, неопредѣленнаго наклоненія мы дѣлаемъ самостоятельную попытку. Если наше объясненіе не выдержитъ научной критики, отъ этого взглядъ на части предложенія не измѣнится.

мати. Это повтореніе человѣкъ выражаетъ удвоеніемъ: настоящее санскр. *veda*, прош. *viveda*; греч. *λέλωκα*; лат. *tomordi*. Если слѣдовъ больше—является еще наращеніе, каково греч. давнопрошедшее. Происхожденіе санскритскаго удвоенія, встрѣчающагося иногда въ настоящемъ, можно объяснить тѣмъ, что человѣкъ помнитъ о такомъ же дѣйствіи, совершившемся прежде.

2) Относительно нарощенія—въ санскр. а, въ греч. ε. Санскр. *ēmi* —иду, *ēmi* —шелъ, *ajam* —хаживалъ, лат. *eo*, русское —иду, ѣду. Корень —и, е, ē=ѣ, а. Нарощенія: въ санскритскомъ -а, въ греческомъ -ε показываютъ движеніе дѣйствія во времени; а такое дѣйствіе не ограничивается даннымъ моментомъ, а имѣетъ начало въ прошломъ.

3) Суфф. слав. *хъ*—*хъ* (греч. *κ*) по аналогіи съ нарощеніемъ можно произвести отъ ходить.

хъ—сближаютъ съ санскритскимъ *s* и греческимъ *σ* (въ аористѣ); суффиксъ этотъ производятъ отъ вспомогательнаго глагола *-asam*; но корень *as* первоначально означалъ—дышать, жить, существовать, ⁴⁾ показывалъ движеніе во времени, какъ глаголъ—ходить—показываетъ движеніе въ пространствѣ. Если же *хъ* и не измѣненіе суфф. *s*, то мы должны допустить, что они подобны (имѣютъ общій признакъ—движеніе. При такомъ предположеніи и слав. прош. пользуется двумя подобными суфф. *хъ* (движеніе въ пространствѣ) и *с* (движеніе во времени). И въ *любихъ*, *любиста* мы не можемъ смотрѣть на *с*, какъ на измѣненіе *хъ*.

Будущее санскр. и греч. образовались помощію того же *as*; только въ прош. это *as* имѣетъ назначеніе показывать движеніе дѣйствія къ настоящему; а здѣсь наоборотъ, отъ настоящаго къ будущему. Что касается латинскихъ прош., то тамъ вся сила въ гласныхъ; въ несов. прошедшемъ *b*,

⁴⁾ Макъ Миллеръ.

въ соверш. v- вставки, какъ въ русскомъ прошедшемъ причастіи в, л. Что b и v вставочныя, можно видѣть изъ формъ -egam, fui. Въ несовершенномъ прош. гласная -a, въ совершенномъ -i - однородны съ санскритскимъ и греческимъ нарощеніемъ. Буд. лат. (2, 3, 4 спр.) образовалось, подобно санскр. и греч., тѣмъ же суффиксомъ, которымъ и imperf. Что касается причастныхъ формъ ⁵⁾, то они считаются видоизмѣненіемъ ж или л, которыя имѣютъ значеніе лат. ens=sens (ab-sens); ⁶⁾ слѣдовательно суффиксы ихъ сводятся на аористъ.

Позволю себѣ сдѣлать и другія предположенія въ видѣ догадки.

1) Въ кохинхинскомъ языкѣ (высказанное выше предположеніе о разрушеніи этимологіи даетъ мнѣ возможность привлечь и этотъ языкъ) настоящее вр. *toy men* (я люблю). прош. *toy da men*, *da-* значить -уже. Не будетъ-ли хъ-слав., x-греч., s-санскр. мѣстоименная частица съ подобнымъ значеніемъ?

2) Можетъ быть слав.-хъ, греч.-x, лат. -b, v звуковое выраженіе исчезновенія дѣйствія: при первыхъ двухъ конечныхъ звуки исчезаютъ, замираютъ въ горлѣ, при вторыхъ выходятъ изо рта. Послѣднія два предположенія мало вѣроятны. Но результатъ всѣхъ этихъ хотя и предположеній, но филологически провѣренныхъ, тотъ, что въ прош. вр. и въ буд. другихъ языковъ, въ составъ сказуемаго вносятся суффиксы, которые имѣютъ назначеніе выразить время, — значить — обстоятельство времени заключается въ глагольномъ сказуемомъ.

Теперь перехожу къ суфф. залога, которые принимаютъ производные (позднѣйшіе) глаголы.

⁵⁾ О страдательныхъ причастіяхъ ниже.

⁶⁾ Если прошедшее -a -вѣйшій и на лъ дѣйствительно происходитъ отъ *sens=asens*, то слав. в=s, и л=s. Въ такомъ случаѣ в, л, s,—придыханія: корень отъ *asam* и отъ *esme* будетъ а, е, и, ѣ (то же, что въ *иду*). Это естественно, потому что *as*—живу (движеніе),

и—считается суфф. дѣйствительнаго залога, *л* (послѣ шипящихъ *а*) — средняго.

Любить — здѣсь *и* можно считать за личное мѣстоим. 3 лица, за винительный надежъ — прямое дополненіе. Въ санскритскомъ это *и* стоитъ даже послѣ личнаго окончанія: *сарамі* (проклиная), *сарасі*, *сараті*.

Сидѣть — *л* тоже личное мѣстоименіе съ характеромъ дательнаго надежа, выражающаго сосредоточенное дѣйствіе, какъ въ выраженіи: жилъ себѣ прищѣваячи. Въ санскр. нашему *ѣ* соотвѣтствуетъ *ê* и ставится тоже на концѣ (какъ въ дѣйств. *и*): *сарê* (вм. *сарамê* — клянусь), *сарасê*, *саратê*. —

Форма же страдательнаго залога оканчивается на *мз*, *нз* съ предыдущею гласною; а творит. над. существительнаго на *мз*, *ж* (санскр. *па*) тоже съ предыдущею гласною; такимъ образомъ страдательная фор. заключаетъ въ себѣ творительный — дѣйствующій. Форма на *мз* отъ первообразныхъ глаголовъ — слѣдов. древнѣйшая — произошла отъ древняго творит., санскр. *at* (лит. иногда на *at*, *ot*).

Въ греч. суфф. страд. зал. подобно русск. — *ом*. Въ санскр. *саріê*, я проклинаямъ; судя по формѣ, этотъ залогъ имѣетъ значеніе средняго, какъ русск. страд. на *ся* (см. ниже). Лат. яз. санскр. окончаніе *t* измѣнилъ въ страд. залогѣ въ *г* — *атог* (какъ въ словѣ *rugus*, отъ корня *rut*). Итакъ *и*, *л*, *мз*, *нз*, *мз*, *ê*, *ом*, *г* — имѣютъ значеніе дополненій ⁷⁾.

Обстоятельство образа выражается видами: они показываютъ, что дѣйствіе происходитъ скоро, медленно, мгновенно, одинъ, много разъ. Для этого употребляются суфф. *а*, *ива*, (*ава*), *ива*, *ну* (*нж*); *а*, *ава* сближаютъ съ санскр.

⁷⁾ Гарнетъ — объ образованіи прич. отъ косвенныхъ пад.

Принимая во вниманіе, что и дѣйств. причастія происходятъ отъ твор. п., нужно предполагать, что употребленіе ихъ въ смыслъ нашего дѣеучастія древнѣе (какъ нарѣчной ф). Реванъ склоняется къ мнѣнію, что прич. происходятъ отъ мѣстнаго надежа: сидящій — находится въ состояніи сидѣнія.

суфф. причиннаго зал. аја (Гильфердингъ); но его скорѣе можно сблизить съ ајам- хаживаль; онъ показываетъ дѣйствіе продолжающееся. Нж — не будетъ-ли частица понужденія (нж, нждити)? Намъ кажется натяжкою находить ну въ санскр. *minamī, linamī*, гдѣ только удвоеніе съ перезвукомъ.

Обст. цѣли выражается неопред. накл., достигат. фор. *supinum*-омъ. Въ санскр. суфф. *tum* съ окончаніемъ винит. пад., такъ какъ онъ показываетъ, на что дѣйствіе обращено. Лат. *sup.* на *tum*, слав. достиг. ф. на *тъ* и русск. неопр. накл. на *тъ* — одного происхожденія съ санскр. Но въ греч. неопр. накл. на *υ*, въ нѣм. на *п*, въ лат. на *ге*. Всѣ эти формы произошли отъ страд. залога, поэтому они соотвѣтствуютъ русскому существительному отъ страд. причастія на *іе*: воины спѣшили освободить городъ = спѣшили освобожденіемъ (тв. пад.); не мудрено, что лат. *аге* съ окончаніемъ твор. пад. *supinum* на *tu* — тоже съ оконч. творит. пад. не выражаютъ цѣли. Это вторая ступень развитія предложенія. На первыхъ двухъ ступеняхъ развитія предложенія, какъ мы видѣли, показатели подлежащаго, дополненія и проч. соединяются такъ сказать химически (беру выраженіе изъ другой области) со сказуемымъ.

На третьей же ступени мы замѣчаемъ механическое соединеніе. Въ возвратномъ и взаимномъ залогахъ *ся* — прямое дополненіе. Въ возвратномъ *ся* служитъ поясненіемъ суффикса дѣйств. залога — *и*. Во взаимномъ это отдѣльное дополненіе: браниться — суфф. — *и* показываетъ, что дѣйствіе переходитъ на другой предметъ, *си* показываетъ, что дѣйствіе также возвращается на дѣйствующій предметъ.

Въ общемъ залогъ частица *ся* — не винит. падежъ: *ся* не имѣетъ флексіи и потому можно принять за любой падежъ: *ся* = сем = себ. Въ этомъ залогѣ *ся* имѣетъ значеніе дат. падежа, показываетъ сосредоточенное дѣйствіе, какъ

въ средн. залогѣ. Такое же значеніе частицы—*си*—и въ страд. залогѣ: домъ строится; здѣсь выражается становленіе предмета, безъ отношенія къ причинѣ становленія, поэтому въ этой формѣ мы видимъ сходство съ санскр. страд. по смыслу.

Предлоги—приставки соединяются съ глаголомъ также механически. Предлоги показываютъ мѣсто: наступилъ =ступилъ на (какое-то мѣсто), отъѣхалъ (отъ—мѣсто, съ котораго начинается дѣйствіе), доѣхалъ (гдѣ кончается), поѣхалъ (поверхность).

Нашла коса на камень. Нашла на—тавтологія предлоговъ. Въ слав.: *дз отъ лженъ съборища бждеть—нѣтъ тавтологіи*. На биржу тянется извожикъ. Здѣсь оборотъ подобный слав., съ тою разницею, что предлогъ—на—поставленъ отдѣльно отъ глагола. Сравнивая эти три примѣра, мы можемъ сказать, что предлогъ принадлежитъ къ глаголу, и хотя пишется иногда отдѣльно, но входитъ въ сказуемое, какъ его элементъ: въ третьемъ примѣрѣ сказуемое: тянется—на, подобно тому, какъ въ нѣм. *er holte nach*).

Обстоятельство причины образовалось изъ подлежащаго: моръ морить людей=люди мрутъ отъ мора. Подлежащее—моръ—тождесловіе къ сказуемому, а причина первоначально только и могла быть тождесловіемъ къ сказуемому: мрутъ отъ мора, гремитъ отъ грома и т. д. Причина въ корнѣ слова, только она прошла чрезъ подлежащее, какъ фазисъ.

Каждая часть предложенія, если она—существительное, можетъ выдѣлять, изъ своего содержанія, опредѣленіе, и потому опредѣленіе, вмѣстѣ съ этими частями, служитъ поясненіемъ сказуемому, или къ какойнибудь его части.

Итакъ всѣ части предложенія, не исключая и подлежащаго, пояснительныя слова къ сказуемому, второстепенныя части.

Есть языки, гдѣ нѣтъ этихъ частей. Гренландцы все

предложіе выражаютъ однимъ словомъ и спрягаютъ это слово, какъ глаголь. Въ языкѣ ацтековъ и большей части американскихъ языковъ образованіе словъ доходить до высшей степени: каждое предложіе одинъ глаголь. То же самое и въ лапландскомъ языкѣ и у островитянъ Тихаго океана. Санскр. же яз. замѣняетъ синтаксисъ флексіями: возможно ли тутъ говорить о первостепенности подлежащаго?

Наши европейскіе языки стоятъ на пути разрушенія этимологіи и созиданія новой, болѣе точной. Языкъ идетъ отъ синтеза къ анализу, отъ анализа къ синтезу—и эта работа продолжается безъ конца; и сказуемое—центръ, вокругъ котораго происходитъ это движеніе.

Остается рѣшить, какъ приложить такой взглядъ къ преподаванію? Кто находитъ удобнымъ начинать грамматику съ подлежащаго, пускай начинаетъ съ него; если покажется удобнѣе со сказуемаго, можно начинать со сказуемаго, подобно тому, какъ начинаетъ Ушинскій: куетъ-кто? гдѣ? когда? и т. д. Это будетъ подготовительная работа—курсъ 1-го класса. Не важно, что ученики будутъ блуждать въ поискахъ за подлежащимъ и сказуемымъ: каждый учитель блуждаетъ, прежде чѣмъ отыщетъ подлежащее, только онъ производитъ эту работу тайно и быстро, а ученикъ вслухъ и медленно. Даже полезно, если ученикъ переживаетъ періодъ ошибокъ.

Во 2-мъ классѣ (по учебнымъ планамъ) слѣдуетъ объяснить составъ слова—корень, флексію, суфф., приставку; съ этого можно и начинать курсъ во 2-мъ классѣ и обратить особенное вниманіе на глаголь. Далѣе нужно проходить синтаксисъ: можно всѣ части предложія сгруппировать около глагола, какъ выясняющія составныя части глагола. Это не трудно сдѣлать относительно подлежащаго и опредѣленія. Въ такихъ же предложіяхъ, гдѣ сказуемое существительное или прилагательное, для единообразія, и въ виду облегченія передачи этихъ предложеній на лат.

греч., франц. и нѣмецкій яз., слѣдуетъ допускать вспомо-
гательный глаголъ. Если формы наст. вр. вымершія, упо-
минаніе о нихъ (какъ старыхъ формахъ) вреда не прине-
сетъ, —напротивъ, ученики вводятся въ исторію языка.
Такой историческій фактъ не будетъ не по силамъ учени-
ку. Разбирая фразы, подобныя слѣдующей: у него есть
деньги, придется говорить объ этихъ формахъ.

Теперешнее подлежащее можно называть попрежнему
подлежащимъ; но нужно знать его истинное значеніе, какъ
объяснительнаго слова къ окончанію глагола.

Безличныя предложенія отличаются отъ личныхъ тѣмъ,
что не имѣютъ объяснительнаго слова къ окончанію.

Встрѣтившись съ опредѣленіемъ, слѣдуетъ выдѣлить
изъ опредѣляемаго понятія признаки, содержаніе понятія.
Дѣти эту работу должны сдѣлать сами при помощи учи-
теля. Приписать данному предмету признаки—это вопросъ
грамматическій. Конечно, ученики не могутъ съ точностью
объяснить содержаніе понятія, да этого и не требуется.
Нужно только постараться довести ученика до сознанія,
что опредѣленіе содержится въ опредѣляемомъ.

Темиръ-Ханъ-Шура.

А. Барсовъ.

О ЗНАЧЕНИИ ПРЕФИКСА „РА“ ВЪ СЛОВАХЪ РАДУГА, РАДУШІЕ.

Наука не даетъ положительнаго отвѣта, существуетъ ли въ нашемъ языкѣ префиксъ *ра*: приведенныя слова разлагаются различно, — смотря потому, кто какъ смотритъ на ихъ происхожденіе и первоначальное значеніе. Будиловичъ (Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ. 1878), приведя названія радуги у славянскихъ народовъ, замѣчаетъ: „рус. радуга, *igis* заключаетъ въ своемъ составѣ слово — дуга; что касается слога *ра*, то Меценауръ сравниваетъ его съ усилительнымъ префиксомъ слова радushie; но, быть можетъ, послѣднее разлагается на радъ-душіе?“ Колосовъ (Р. Ф. В. 1879, 1), основываясь на неясности значенія префикса *ра* въ радуга и не находя возможнымъ признавать тотъ же префиксъ въ радushie, а равно считая рѣшительно невѣроятнымъ этимологически сложеніе *рад(ъ)* и *душie*, разлагаетъ радushie на рад-ushie: „есть“ — де „въ народномъ языкѣ слово радуша, въ которомъ суффиксъ *уш* является видоизмѣненіемъ суффикса *ух* = первоначальному *ус*; корень рад. Радуха (радуша) отъ радъ, какъ молодуха отъ молодъ. Радуга = рад-уг-а, т. е. въ немъ тотъ же корень рад и суффиксъ уга. Такъ можно думать на основаніи лат. *radius* — лучъ, *radiare* — блистать;“ въ „радуга“ видѣлъ сначала суфф. уга и Будиловичъ (см. его „Анализъ составныхъ частей сл. слова“ стр. 153). Итакъ являются три мнѣнія, соотвѣтственно которымъ и разлагаются радуга, радushie, то на ра-дуга, ра-душie (Меценауръ), то на ра-дуга и радъ-душie (Будиловичъ), то на рад-уг-а и рад-ushie (Колосовъ): по силѣ научныхъ доводовъ верхъ — какъ будто бы — долженъ остаться за Ко-

лосовымъ, съ которымъ — по видимому — согласенъ и Бодуэнъ-де-Куртенэ, такъ какъ онъ не дѣляетъ къ слову радуга никакой замѣтки *).

Нельзя однако признать непреложнымъ дѣленіе Колосова на рад-уг-а, рад-уш-іе; назвавъ *ра* префиксомъ и принявъ дѣленіе Меценауера — ра-дуга, ра-душіе, мы стараемся доказать возможность существованія префикса *ра* въ нашемъ языкѣ, не выходя по возможности изъ его предѣловъ.

Трудно представить, чтобы слово дуга (русск. и сербск.) и его видоизмѣненія: дѣга (цсл. и болг.), дѣг (болг.), *du ga* (хорв., хорут., польск.) *du ha* (чешк., словац. в.луж.), существующее въ главныхъ представителяхъ славянскаго языка то съ значеніемъ *iris*, *Regenbogen*, то *arcus*, *Bogen*, то съ тѣмъ и другимъ, при означеніи понятія радуги вездѣ отбросило цѣлый слогъ *ра*, какъ предполагаетъ Колосовъ, изъ корня *рад* по забвенію его значенія, случайному созвучію радуга и дуга и возобладающему впечатлѣнію формы. Участіе суффиксовъ *уг* и *ух* для понятій радуга и радущіе представляется мало вѣроятнымъ; *радуха* (если есть такое слово въ языкѣ) и *радушша* могли образоваться самостоятельно отъ корня *рад*, сомнительно также, чтобы въ лат. *radius* основное значеніе было лучъ, — скорѣе: пруть, трость, палочка для измѣренія, линія, проведенная отъ центра круга къ окружности. Есть болѣе

---

*) Другія имѣнія: Павскій сближалъ слово радуга съ англ. *rainbow* и нѣм. *Regenbogen*. Афанасьевъ синонимами радуги считаетъ слова лукъ, дуга, арка, а слогъ *ра* признаетъ характеристическимъ эпитетомъ, соединяемымъ съ небесной дугой и роднитъ съ санскр. кореннымъ звукомъ *г* (наст. *arāmi—īre, procedere*), заключающемъ въ себѣ понятіе быстрого движенія. одинаково прилагаемое и къ свѣту и къ текучей водѣ, къ бѣгу коня и полету птицы; отсюда ага—быстрый, аг—вѣстникъ, агван—конь и эпитетъ солнца, чешск. оръ—конь, лат. *agelis*—орелъ, наше рѣять—летать и ринуть—стремительно бросить; санскр. *г* и Zend. *gudh*—течь, санскр. *gud*—плакать, рыдать, нѣм. *ginnen*, такъ объясняетъ Афан. *ра* въ ирк. *ра* горокъ, курганъ на родникѣ, — въ древнемъ названіи Волги *Ра* и въ обл. арх. *ра да*—топкое мѣсто въ лѣсу (Фил. Зап. 1865, I).

основаній предположить, что радуга названа такъ по впечатлѣнію со стороны формы, какъ согнутая линія, дуга. Но „какое значеніе имѣетъ префиксъ ра и въ какомъ словѣ онъ повторяется?“, возражаетъ Колосовъ (Р. Ф. В. 1879, 1). Если будемъ искать чистаго ра, то присутствіе его въ нашемъ языкѣ можетъ представлять еще сомнѣніе: есть гл. ра-зѣвать (но зѣвъ, раз-зѣваться), въ которомъ по принятому сложенію и сопоставленію съ греч. *χαίνειν*, лат. *hiare*, русск. зіять, (сравн. у Жуковского: „зіяль голоднымъ зѣвомъ...зіять голодной пастью“ и простонар. гаять (раз—): че^аво ты рот-отъ гаешь?) ра является префиксомъ; сюда могъ бы итти гл. ра-зорять (такъ обыкновенно разлагаемый), но съ большей вѣроятностію можно принимать здѣсь — согласно съ Миклошичемъ — корень ор (=ar), усилившійся преф. раз: ор-ити, раз-ор-ити, ц.-сл. раз-ар-ити; съ забвеніемъ значенія первонач. ар языкъ могъ принять корнемъ зор въ знач. разора, а на ра сталъ смотрѣть или какъ на удвоеніе корня (ср. глаголь, прапоръ) или, вѣроятнѣе, какъ на потерявшую смыслъ приставку, которую могъ и отбросить, отсюда: зорить=разорять, зорище,=разоренное мѣсто, зря (что либо дѣлать). Такимъ образомъ ра является префиксомъ кромѣ ра-дуга, ра-душіе въ гл. разѣ-вать сомнит. въ ра-зорять; но этими словами ограничиться нельзя: звукъ а въ нашемъ языкѣ имѣетъ столь сильную наклонность переходить въ о и мѣняться съ нимъ, что о вм. а и наоборотъ употребляется иногда безъ видимой причины, см. Филол. Раз. Грота II, стр. 275—8. Отсюда есть основаніе вм. ра искать ро и въ качествѣ префикса: ро-сѣль (=раз-сѣль) при пере-сѣль, не-до-сѣль, пра-сѣль; ро-сада (=раз-сада) при над-сада, до-сада; ро-зіня (раз-зіня, ра-зінуть и раз-зѣваться) въ простон. розя и зіня. Существованіе формъ, приведенныхъ въ скобкахъ, убѣждаетъ насъ, что ра, разсматриваемое въ связи съ ро, имѣетъ параллель съ префикс. раз(с) и роз(с), одинаково свойственными русскому языку (въ цсл. исключительно употребляет-

ся раз): рѣзальни, рѣздохъ, рѣзный, рѣспись; разный, расколь, расплата, расходъ (см. у Буедаева Ист. гр. § 76); самая обыкновенная форма — раз, къ которой принадлежатъ видоизмѣненія роз(рос), рас, ро и ра. Формы — росоль, росада, розиня Гротъ объясняетъ пропускомъ „одной изъ буквъ удвоенія“, Ф. Р. 249, 251; Но что сказать о словѣ ра-кит-а, *salix carnea* въ виду сл. кит-а, *ramus fasciculus* (Будил. стр. 111—130) и при пословицѣ: „не ботвися, горохъ, — стручки ошпишемъ, а на китину морозъ придетъ“? Даль. Есть слова: ра-гор-окъ ирк. въ смыслѣ небольшой холмикъ, курганъ на холмикѣ, какъ бы при горокъ, раз горокъ: рарогъ запад. р. при чешск., польск. слов. *garoh*, Будил. *ibid* стр. 174; см. ниже рачити. Очень вѣроятно, что ра, состоя въ этимологической связи съ греч. усиленнымъ ἄρι (*ἀριδῆλος* весьма явный) и лат. *ad*, имѣвшимъ встарину форму *ar* (*his arfuere* = при семъ присутствовали), возводится къ обильному значенію праарійскому *ar*, но мало распространенному въ качествѣ префикса въ русск. и греч. языкахъ.

Раз, какъ служебный корень или префиксъ, имѣетъ три значенія, развившіяся несомнѣнно изъ знаменательнаго его содержанія разъ: а) уменьшенія или раздѣленія (*comminuendi, dividendi*); б) повторенія много разъ или многоразличными способами (*repetendi multoties vel variis [pluribus] modis*); в) продолженія или возвышенія и усиленія (*continuandi vel exaggerandi*) Ивашковский Л. р. сл. стр. 782. По Далю — „разъ означаетъ: а) окончаніе дѣйствія, какъ вообще всѣ предлоги; б) дѣленье, особеніе, розноту; в) уничтоженіе, передѣлку снова; г) сильную, высшую степень дѣйствія или состоянія“. Признавая затѣмъ тождественность ра съ разъ въ радушіе, радушный, радуга, получимъ слѣдующее опредѣленіе: радушный — человѣкъ съ раскрытой душой, у котораго душа — на *распашку*; радушіе (противопол. бездушіе) = свойство, качество такого человѣка, что вполне согласуется и съ принятымъ значеніемъ. Радуга могла-

означать поражающую взоръ, хотя бы и блескомъ — по Колосову — согнутую линію, дугу и потомъ остаться условнымъ знакомъ для извѣстнаго атмосферическаго явленія примѣнительно къ его формѣ. Корни: дуг и дух, общее значеніе которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать въ корнѣ ду(дж), ср. общее значеніе корней вѣд, вѣр, вѣх. Толкованіе слова радушіе какъ радъ-душіе этимологически не вѣрно и сводится на почву такъ назыв. пароднаго словопроизводства*). Спрягаемое прил. радъ въ своихъ развѣтвленіяхъ вездѣ имѣетъ значеніе знаменательнаго корня, а не побочной приставки для другаго корня: *радѣть*, *радивый*; *радость*, *радостный*, *радоваться*; окаменѣлое — въ видѣ предлога — *ради* никогда не принимаетъ на себя роли префикса; знамен. корень рад могъ бы остаться въ радушіе, какъ первая знаменательная часть къ другой таковой же части сложнаго слова, но — какъ справедливо замѣчаетъ Колосовъ — „тогда было бы радо-душіе.“

Прежде чѣмъ возводить корень раз къ первоначальной формѣ, укажемъ на слѣдующія явленія: корень раз (роз) существуетъ въ нашемъ языкѣ еще и какъ знаменательный, имѣющій реальное содержаніе, корень: разъ об-, рѣжа, разить, рѣзать, ражій, разный и розный, разница и рознь; въ словахъ раз-раз-ить, раз-роз-нить раз-д-раз-нить (д-раз-нить) раз-д-разить совмѣщается и знаменательное и служебное значеніе корня раз. При двухъ формахъ — росоль и раз-соль, росада и раз-сада, по извѣстной распорядительности языка, значеніе отлѣняется: росоль, росада — понятія болѣе конкретныя, раз-соль, раз-сада — абстрактныя; радуга и радушіе, какъ успѣвшія уже окрѣпнуть въ опредѣленномъ значеніи, не подверглись та-

*) Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить фактъ такой странной этимологіи, какъ эфимоны «отъ слова эе(?)имніонъ (вѣроятно ἐφύμιον?), что значить «ирипѣвъ» Радонежскій, Родина, стр. 103. Пусть авторъ запомнитъ, что слово эфимоны = ееимоны, произошло отъ греч. начального слова стихиръ — съ нами Богъ — μεθ' ἡμῶν.

кимъ фонетическимъ перемѣнамъ; въ народномъ языкѣ, впрочемъ, есть формы рай дуга и рав дуга вм. раду-га; радуша моя раздушенька, милый любезный (Даль), вообще же ра и ро—какъ префиксы—остались окаменѣлостями въ немногихъ словахъ съ производными.

Но чтобы видѣть возможность этимологической связи ра, ро съ раз, роз, необходимо обратить вниманіе на переходную форму раг, рог. Рус. рогъ сближается съ лит. *gaugas*, нѣм. *gaugen*; по предположенію Будиловича (стр. 374) „твердый наростъ на головѣ животныхъ искони зовется рогомъ въ смыслѣ, можетъ быть, торчащаго, рѣзкаго“; производныя слова указываютъ и на форму основнаго понятія въ рогъ и на примѣненіе его къ употребленію (качество): рож-онъ, рог-атина, рож окъ, рогуля, рог-атый (напр.: силлогизмъ). Обращая затѣмъ вниманіе на приведенныя выше слова раж-ій, раз-д-раж-ать и на по-раж-ать, под-раж-ать, с-раж-аться, ст-рог-ій (если здѣсь *ст* тоже, что въ ст-ру-я, ст-роп-тивный) и допуская происхожденіе ихъ прямо отъ рог, видимъ въ нихъ переходное значеніе отъ формы предмета къ его качеству, отъ конкретнаго къ абстрактному (этимол. стъ раг, рог къ раз, роз). На основаніи того, что изъ корня раг, рог о могло исчезнуть вслѣдствіе слабости звука, переходящаго въ простое придыханіе (=e и j, см. напр. у Буслаева Ист. гр. § 32), которое можетъ совсѣмъ исчезать, какъ княиня вм. княгиня, када вм. когда, дѣ вм. гдѣ и приражаться гласнымъ звукамъ, какъ видно изъ формъ Вольга вм. Ольга, онъ=вонъ=вѣнъ=юнъ=гонъ (Срезневскій; см. у Грота Фил. Раз. II, 84, сравн. простонародн. равдуга и рай-дуга вм. радуга), можно было бы заключить, что раг, рог ослабѣваетъ въ ра, ро и усиливается до раз, роз; но этимологически гораздо вѣроятнѣе принять постепенность перехода отъ ра (ро) къ раг (рог) и наконецъ къ раз (роз); вполнѣ естественно, что первонач. ра (=ar), усилившись до раз, болѣе или менѣе удалилось въ значеніи отъ перво-

начальнаго ра; переходное раг (рог) вслѣдствіе, можетъ быть, общности происхожденія и вообще по близости звуковыхъ сочетаній съ рад, род, рок, рос, ряд, рѣд, можетъ быть, подъ вліяніемъ слабости звука г, а можетъ быть въ слѣдствіе той и другой причины вмѣстѣ, подпало подъ вліяніе сказанныхъ корней съ болѣе сильными звуковыми сочетаніями и послѣ возстановило свое спеціальное значеніе въ формѣ роз: слово розга—по Миклошичу—имѣетъ корень въ раз, роз,—Пикте сопоставляетъ съ санскр, *gôhi arbhe* отъ *gûh croitre* (Будил. стр. 113); темно по происхожденію и слово рожь (Даль ведетъ отъ корня род); общимъ симазіологическимъ знаменателемъ для обоихъ словъ могло быть *gûh* въ знач. *croitre* (рогъ луны, рожекъ растенія, рогъ=крыло войска и т. п.). Древн. ра(о)г-оза (сеора), откуда рагозѣться, въ простор. раг-ать (чесать, трепать) ленъ, ра(о)гоз(ж)а (=рѣдкая, плохая ткань) соприкасаются по значенію съ корнями ряд, рѣд.

Совокупность сказаннаго приводитъ насъ къ слѣд. заключенію: въ словахъ радуга, радушіе ра есть усиленный префиксъ, тождественный съ раз. При всемъ томъ мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Потебни „о недостаточной принудительности доказательствъ, свойственныхъ нынѣшнему языкознанію“; исторія органической и духовной жизни языка, взаимное вліяніе одной на другую, борьба отдѣльныхъ членовъ организма между собою въ связи съ соединяемыми понятіями далеко не разработаны въ наукѣ: обстоятельство это лишаетъ любую теорію достаточной вѣроятности.

Къ словамъ съ префиксомъ ра мы предполагали отнести еще нѣсколько словъ и между ними гл. рачити (раченіе, рачительный), происхожденіе котораго представляемъ себѣ изъ ра+чити и тѣмъ закончить свою замѣтку, если бы не встрѣтили у г. Потебни новой этимологіи гл. рачити (Р. Ф. В. 1879. 1, 83): при словѣ лучій, *melior*, *praestantior*, почтенный авторъ говоритъ: „исходя изъ связи представленій любить, хотѣть и предпочитать, считать луч-

шимъ, замѣтной въ излюбити, изволити, выбрать, предпочесть и въ ун-ий, лучшій при унити, хотѣть, желать, а такъ же и въ виду связи сочетанія а р—съ одной стороны съ ра,—съ другой съ ру, можно принять, что лук- въ лучъ и рак- въ рачити сходятся въ тарк.- рачити, любить, хотѣть.“ Далѣе дѣлается сближеніе рак- и тарк = тарк- съ алкати. Значеніе гл. рачити въ приведенныхъ авторомъ примѣрахъ ничуть не противорѣчитъ нашему предположенію; порядокъ значеній представляемъ себѣ такъ: рачити- при — лежать, радѣть, предпочитать, любить, считать нужнымъ; хотѣть т. е. сильно желать: нерачиша того прияти = не хотѣли (изъ не заботились, не считали нужнымъ). Срб. нерачи ми се = нѣтъ охоты (изъ — это мнѣ нельзя, не разсчесть, этого не нужно, не хочется), а также рачи се = это — льзя, польза, разсчесть, нужно, хочется: такимъ же путемъ можно истолковать гл. рачити и въ остальныхъ примѣрахъ. На это наводитъ меня параллель между рус. чи въ по-чи-ти, лат. *qui* въ *quiescere* и греч. *καίω* (при *desiderare*, *καίω*) съ одной стороны, и съ другой — рус. лег лежать, принадлежать, ложе, льзя, польза, лат. *leg* (*legere*, *lectum* въ смыслѣ *Virg. Aen. II*, *gos: pars cetera legit pontum* — какъ будто укладываетъ собою поверхность моря, стелется на морской поверхности, ложится; *Senec. Med. 791: luna coelum legit*, т. е. находится на небѣ; греч. *ἐλέξα*, *ἐλέξαι* отъ корня *λεχ* (*λοχος*) въ значеніи укладывать въ постель и въ сред. зал. ложиться. Далѣе, если признать ра (въ рачити) префиксомъ и обратить вниманіе на параллель русск. лег, чи и развившагося изъ него чет съ лат. *legere* собирать, полагать (= думать), читать и греч. *λέγειν* собирать, излагать, говорить, то переводъ ра+чи-ти чрезъ *diligere* любить, желать (*diligens* рачительный, прилежный), становится понятнымъ.

Представляемый мною далѣе опытъ анализа корня чѣтъ по тремъ его главнымъ значеніямъ *numerandi*, *honorandi* и

legendi имѣть въ виду выразить взглядъ на этимологическое развитіе корня въ связи съ разнообразнымъ его значеніемъ: корень этотъ несомнѣнно развился изъ чи (ср. раз изъ ра); съ чи имѣть связь корень ча—см. у Потебни Рус. Фил. В. 1879, 3; мы беремъ чет и на ряду съ нимъ ставимъ формы отъ ча и чи.

Чѣт—numerandi; ц.-сл. корень—чѣт (чит), рус.—чет.

чет-ъ, не-;	с-чес-ть, со-чт-и; по-чи-ти (почи-	ча-ать
чет-а (па-	чт-и (нар.) рас-чес-ть, ти), чи-нъ,	
ра)	раз-о-чт-и; вы-чес-ть, рядъ, какъ ог-	
чет-н-ый,	за, у-, на-, об-, при-, до, положеніе;	
чѣт-ки,	про-, затѣмъ берется ц.-сл. чин-ити	
со-чет-ать-	для чѣт numeran- (повѣсть), на-	
ся.	di слож. к. ^{с-четъ} чин-ить (поро-	
	^{счит} хомъ) при-, по-,	
	и простой ^{чет} при-при-чин-а, чин-	
	^{чит} чемъ въ образованіи ный, по-чинъ,	
	сложныхъ словъ про-на-, на-чин-а-ть	
	исходить колебаніе на-ча-ти ц.сл.,	
	между корнями ^{чет} и русск. на-ча-ть,	
	^{чит} на-ча-ло.	
	^{счет} , отозвавшееся и	
	^{счит.} на значеніи словъ.	
с-чет-ъ,	с-чет-ъ—с-чит-ать;	чис-ло вм. чи-час-ъ
рас-чет-ъ,	раз-счет-ъ, какъ ratio	съ (аористъ) час-тый
вы-, на-,		чит-ло (ц.-сл.
недо-, пере-,		числа), чис-тый
про-, у-,		(въ см. чистая
вы-чит-ать,	вы-счит-ать,	прибыль, чистая
у-чит-ать,	у-счит-ать,	математика),
рас-чит-ать	раз-счит-ать=regi,	чис-лить (кого
при-чит-	при-счит-ать, об-,	въ отпуску)
аться.	на-, по-, пере-, про-	с-чис-ле-ніе,
		чис-ленный.

Обозрѣніе приведенныхъ формъ даетъ поводъ сказать, что слово **число**, относимое обыкновенно къ корню **чет** (**чит**), какъ **чит-ло**, удобнѣе производить непосредственно отъ **чи**; сюда же идетъ и **чистый**; сомнительно объясненіе **чи-съ** какъ **чѣт-съ**. т. е. **чѣт** съ прираженіемъ **с** мы отнесли къ **чи**; **рас-чет-ъ**, **рас-чит-ать** отличаемъ отъ **раз-счет-ъ**, **раз-счит-ать** (=соображеніе, соображать, полагать, думать).

чѣт—**honorandi**:

чес-ть	чѣт-ить	чи-нѣ (honor),	чив-ый
(какъ сущ.)	по-чѣт-ить	чин-и-ть-ся (це-	(munificus ,
чес-ти-ть,	(по-чит-а-ть)	ремониться),	beneficus ,
чес-т-ный,	по-чес-ть	чис-тый purus ,	liberalis)
нечес-т-и-	по-чет-ъ	integer , чис-	имѣетъ
вый.	по-чет-ный	тить.	связь съ
	по-чѣт-еніе и т. д.		чѣт-ивый
	у-чѣт-ивый (ср. чивый)		(у-чѣт-ив-
	по-чѣт-ительный.		ый); непра-
			вильно

Даль объясняетъ какъ точив-ый, чив-о-сть; по-т-чивать, ч ван-ный, ра+чи-ть ср. чи-нѣ, чи-вый; ра-ч-ить, раченіе, рачительный, **diligere**... по значенію смѣш. съ радѣть. Даль рачить объясняетъ изъ радчить въ виду формъ—радчій, радчикъ, радчивый, радливый, —едва-ли вѣрно.

чѣт — legendi:

чит-ать,	при-чѣт-ы (вопли)
про-чес-ть (ц.-сл. чес-ти, чѣт-ж)	при-чит-а-ть, при-чит-анья
про-чит-ать,	(=вопить, вопли),
вы-, за-, по-; пере-;	при-т-ѣча и при-чт-а (въ
рас-чит-аться (разоохотиться чи-	просторѣчи), цсл. притѣча
тать), при-чит-аться (книга при-	= parabola, proverbium,
читалась, т. е. наскучило ее чи-	прісказка, при-точ-ный,
тать), чтеніе, чт-ецъ, при-чт-ѣ,	parabolicus, proverbialis.
на-чет-чикъ.	

При словѣ притка (притча, притча) Даль говорить: не отъ притѣкать, а отъ притекать, притечь, приточиться, случиться; наука о языкѣ не позволяетъ признать справедливымъ такое толкованіе.

Саратовъ.

Январь 1880 г.

В. Боголюбовъ.

КАКЪ ПИСАТЬ:

Свѣдѣніе или свѣденіе?

Еще до сихъ поръ не прекратилось колебаніе въ сравнительной правильности написанія свѣдѣніе или свѣденіе: по крайней мѣрѣ и теперь нѣкоторые образованные люди и педагоги пишутъ свѣденіе; представители же науки, считая неправильность такого написанія доказанною самымъ положительнымъ образомъ, выражаютъ удивленіе, въ силу ли рутинны или вслѣдствіе незнанія нѣкоторые образованные люди продолжаютъ писать и печатать свѣденіе (Рус. Фил. Вѣст. 1879 г.). И такъ вопросъ считается рѣшеннымъ, — и поднимать его вновь не слѣдовало бы, если бы основанія для рѣшенія вопроса были столь же тверды, сколь настойчиво устанавливается выводъ изъ этихъ основаній.

Разбору основаній для начертанія свѣденіе или свѣдѣніе мы и посвящаемъ свою замѣтку; при этомъ опустимъ все, что обыкновенно говорится объ историко-этимологическомъ и фонетическомъ началахъ для правописанія и о преимуществахъ того или другаго въ данномъ случаѣ (довольно уже объ этомъ было говорено и безъ насъ): взглядъ нашъ будетъ виденъ изъ самой статьи.

„Начертаніе свѣденіе ничѣмъ не оправдывается, потому что эта форма никакъ не могла бы произойти отъ глагола свѣдать, которая дала бы причастіе свѣданъ, а никакъ не свѣденъ. Свѣдѣніе образовано отъ церковнославянской формы свѣдѣти, такъ же какъ мнѣніе отъ мнѣти (отъ мнить было бы мненіе)“. Фил. Раз. Грота II, 452.

Оставимъ на время свѣденіе и возьмемъ простую форму вѣденіе, начертаніе которой вѣдѣніе основывается на цсл. формѣ вѣдѣти съ темой вѣдѣ, чередующейся въ спря-

женіи съ вѣд (формы наст. вр. изъясн., пов. вѣждь, прич. вѣдѣ—отъ вѣд): отсюда еще далеко до заключенія, что вѣдѣніе необходимо удержать и для русскаго начертанія этого слова: при всей связи цсл. языка съ русскимъ все-таки это—двѣ особи, взаимно вліявшія одна на другую; если цсл. языкъ имѣлъ важное значеніе въ историческомъ развитіи русскаго языка, то и цер.-славянскій издавна принялъ различные племенные оттѣнки, переплетающіеся между собою самымъ пестрымъ образомъ (такъ думали Востоковъ и Срезневскій): и въ Остр. Ев. встрѣчаются слѣды вліянія русскаго писца: почыхъ вм. почихъ, перегнѣхъ вм. прѣгнѣхъ (см. пред. Востокова), слѣд. въ выводѣ основаній изъ ц.-славянскаго языка для написанія русскихъ словъ нужна нѣкоторая осмотрительность. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде писали свѣденіе, т. е. не знали темы вѣдѣ, а между тѣмъ имѣніе, терпѣніе отъ темъ на ѣ, то не слѣдуетъ ли заключить, что въ темѣ вѣдѣ языкъ и не нуждался для слова свѣденіе; если теперь говорятъ, что здѣсь тема вѣдѣ, то языкъ долженъ справиться, сродна ли ему новая тема, есть ли въ немъ аналогія для навязываемой темы: мнѣніе? имѣніе? терпѣніе? Но вѣдъ здѣсь при темахъ на ѣ произошла перемѣна въ предшествующихъ звукахъ: мнѣніе—корень **мѣ** (на **мѣ**-ть) потерялъ гласный элементъ—мѣнѣ-ти, а при возстановленіи гласной—мѣнѣ-и-ти; имѣніе—корень **имѣ** (**имѣ**ти)—черезъ разложеніе **ѣ**—помутился и ослабѣлъ; терпѣніе = цсл. трѣпѣніе (сравн. бѣдѣти—боудити, свѣтѣти—свѣтити); форма вѣдѣти не аналогична и съ бѣлѣть, нѣмѣть, радѣть, такъ какъ послѣднія формы, очевидно, производныя. Если теперь отрѣшимся отъ цсл. вѣдѣти и обратимся къ русскому языку, то увидимъ, что у насъ корень вѣдъ принимаетъ тему вѣда: „кому вѣдати, гадати... знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... кабы зналъ, да вѣдалъ...; отъ темы вѣда и существуетъ форма вѣданіе сама по себѣ и въ сложеніи въ вѣданіе, до вѣданье, за вѣданье и т. д.

см. Словарь Даля. Съ другой стороны, если языкъ развилъ тему вѣда, и на ряду съ вѣданіе говоритъ и пишетъ (с)вѣденіе, то трудно допустить, чтобы послѣднее было произведено отъ цсл. темы вѣдѣ, этимологически тождественной съ вѣда; гораздо вѣроятнѣе, что вѣденіе произошло прямо отъ вѣд+еніе, какъ вѣд-ецъ, вѣд-унъ, вѣд+ѣма (и вѣдема); на ряду съ вѣдать въ ниж. нарѣчій употребителенъ глаг. вѣс-ти, — прямо отъ вѣд (Бусл. Ист. гр. § 86). Что при темѣ на ъ и а языкъ могъ производить слова отъ простой темы, даже не существующей иногда въ формахъ спряженія самостоятельно, доказываютъ слова верч-еніе, верженіе: гл.л. версти (вм. вергти) или врьчъ въ языкѣ нѣтъ, но есть веретено, в е рста — слѣд. нельзя отвергать возможности производства вѣденіе отъ вѣд+е-ніе при вѣдецъ, вѣдунъ, вѣдѣма и неопр. накл. вѣсти; скажутъ: есть фф. верченый, (опр)оверженъ, откуда произведены — верченіе и (опр)оверженіе, но — какъ увидимъ ниже — нѣтъ надобности устанавливать производство сущ. на еніе отъ причастій.

Выше мы замѣтили объ отсутствіи въ нашемъ языкѣ словъ съ начертаніемъ типа вѣдѣніе: темы вѣдѣ и быть не могло въ силу того закона, графически не всегда соблюдаемаго, по которому предъидущая гласная — въ данномъ случаѣ ѣ — не остается чистою въ произношеніи: вѣд должно бы принять в и дѣ — видѣть (цсл. вѣдѣти, но скинни съвидѣнни т. е. завѣта, корни вѣд и вѣт — сродны), сѣд- сидѣть (цсл. сѣдѣти), бѣд- (о)бидѣть; сравн. вѣсѣть и вѣсить, вѣнать, дѣти (цсл. дѣта и дѣта) — дѣти; слово свидѣтель, если не произошло непосредственно отъ сроднаго корня вид, какъ думаетъ г. Бу слаевъ, вм. старосл. съвидѣтель, то явилось вѣдѣствіе измѣненія предъидущаго ѣ въ и при темѣ на ѣ-, и только связь съ корнемъ вид помѣшала распространенію темы в и дѣ (изъ вѣд) въ значеніи знать, вѣдать; поэтому мы не придаемъ большаго значенія замѣчанію

БИБЛИОГРАФІЯ.

Z dziejów języka polskiego. objaśnienia do rozprawy W. W. Makuszeu p. t. „Ślady wpływu ruskiego na piśmiennictwo staropolskie“, wydrukowanėj w czasopiśmie rosyjskim „Sławianskij sbornik“ (tom 3) napisał Ad. Ant. Kryński. Warszawa. Druk K. Kowalewskiego 1879. (Изъ исторіи польскаго языка. Объясненія къ разсужденію В. В. Макушева п. т. „Слѣды русскаго вліянія на древне-польскую письменность“, напечатанному въ русскомъ повременникѣ „Славянскій сборникъ“ (томъ 3) написалъ Ад. Ант. Крынскій. Варшава. Типогр. К. Ковалевскаго 1879). 8°, 54 стр.

„Ne sutor ultra crepidam“—говаривали древніе Римляне, выражая этимъ, что никто не долженъ братьяся за дѣло, ему неизвѣстное. Поговорка эта остается, конечно, въ полной силѣ и до настоящаго времени. Но въ настоящее время, по всей вѣроятности, болѣе людей, дѣйствующихъ вопреки этому правилу, нежели ихъ было въ древнее время. Теперь многіе берутся за извѣстное дѣло только потому, что у нихъ есть готовность взяться за него. Казалось бы, что даже самое простое ремесло требуетъ предварительной подготовки: для того, чтобы шить сапоги, нужно прежде учиться сапожному ремеслу; для выдѣлки стульевъ нужно быть столяромъ; для преподаванія математики слѣдуетъ прежде учиться математикѣ и т. д. Политическій дѣятель можетъ себѣ заниматься политическою дѣятельностью, но наврядъ-ли сѣумѣетъ хотя бы сшить себѣ рубашку или рѣшить уравненіе 2-й степени, если прежде этому не обучался и впоследствии не упражнялся въ подобныхъ работахъ. Не только славянскій, но даже настоящій, нѣмецкій Висмаркъ имѣетъ полное право ничего не смыслить въ математикѣ или же въ грамматикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ воздерживаться

отъ слова по вопросамъ математическимъ или же грамматическимъ. Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ нужно быть ознакомленнымъ съ элементами данной науки, прежде всего съ ея основными понятіями и съ ея 4-мя дѣйствіями, и затѣмъ со всею массою самыхъ разнообразныхъ научныхъ положеній и выводовъ. Между тѣмъ г. Макушевъ, на подобіе многихъ другихъ новѣйшихъ „ученыхъ“, смотритъ на это дѣло съ артистической точки зрѣнія: по его мнѣнію, для рѣшенія грамматическихъ вопросовъ не нужна вовсе основательная грамматическая подготовка, а совершенно достаточны вдохновеніе и готовность.

Воодушевленный такимъ взглядомъ на вещи, равно какъ и извѣстными политическими стремленіями, г. Макушевъ предпринялъ свои экскурсіи въ область древне-польской письменности съ цѣлью найти въ ней во что-бы то ни стало значительные слѣды русскаго вліянія. Но, являясь на этомъ поприщѣ безъ необходимаго оружія, состоящаго въ лингвистической и филологической подготовкѣ, г. Макушевъ дѣлаетъ на каждомъ шагѣ такіе промахи, какіе были бы совершенно невозможны при удовлетворительномъ знаніи элементовъ науки.

Несостоятельность „филологическихъ выводовъ“ г. Макушева была доказана въ весьма мягкой формѣ еще въ 1877 г. г-мъ Пташицкимъ въ критикѣ разсужденія г. Макушева, напечатанной въ майской книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ 1877 г. Теперь же еще обстоятельнѣе и подробнѣе, да кромѣ того, независимо отъ г. Пташицкаго, разбираются „ислѣдованія“ г. Макушева г. А. А. Крынскимъ въ брошюрѣ, заглавіе которой поставлено во главѣ настоящей замѣтки.

Въ концѣ разсужденія г. Крынскаго (стр. 53—54) помѣщенъ сводъ „окончательныхъ выводовъ“ г. Макушева и ихъ опроверженіе. Общія замѣчанія г. Крынскаго совершенно справедливы и нельзя съ ними не согласиться. Въ заключеніе г. Крынскій говоритъ: „На основаніи выше

приведенныхъ объясненій изслѣдованіе г. Макушева о русскомъ вліяніи на старопольскую письменность въ главной своей основѣ, въ главномъ своемъ положеніи оказывается совершенно невѣрнымъ; въ разборѣ же подробностей оно несравненно больше согласуется съ фантазією автора, нежели съ началами науки и положительными фактами языка“.

Примѣры самой поразительной неприкосновенности автора „Слѣдовъ русскаго вліянія на старопольскую письменность“ къ элементамъ науки приводятся г. Крынскимъ на стр. 12—13, 13, 21, 30—31, 34, 35, 41—42, 46, 47 и 51—52 его добросовѣстнаго труда. Въ особенности забавно отыскиваніе для нѣкоторыхъ мыслей и выраженій Николая Рея (Mikołaj Rej) первообраза въ русскихъ „Пчелахъ“, тогда какъ очевидно Рей заимствовалъ эти мысли и выраженія изъ Священнаго Писанія. Это напоминаетъ случай, когда какой-то иностранный сановникъ прежнихъ временъ одно выраженіе Св. Писанія называлъ французскою пословицей. — Великую силу творческой фантазіи проявилъ г. Макушевъ, сочиняя подробную біографію проповѣдника, о которомъ „не имѣемъ другихъ свѣдѣній, кромѣ только одного, что онъ былъ сыномъ своихъ собственныхъ родителей“ (стр. 24). — Къ числу доказательствъ неудовлетворительнаго знанія г. Макушевымъ главныхъ свойствъ польскаго языка я могу прибавить фактъ, что онъ jedzenie считаетъ, какъ кажется, безошибочнымъ написаніемъ польскаго слова jedzenie (ср. стр. 29 разсужденія Крынскаго).

По методу г. Макушева можно бы не только выводить всѣ слова и особенности польскаго языка изъ языка русскаго, но тоже на оборотъ всѣ слова и особенности языка русскаго изъ языка польскаго, и вообще всѣ слова и особенности любого языка X изъ любого языка Y, смотря по вкусу и обстоятельствамъ.

Не смотря на совершенно вѣрный общій взглядъ и на вполне справедливые выводы г. Крын., въ разсужденіи его можно отмѣтить нѣкоторые недосмотры и ошибки:

Слишкомъ догматически говорится объ языкѣ Словянъ паннонскихъ“ и объ „языкѣ Болгаръ XI-го вѣка“ (стр. 2).

Сомнительно, что „powód uniknienia w stylu poważnym wyrazu srom i użycia zamiast niego małopruskiego sorom był w wieku XVI ten sam, dla którego dodziśdnia rosyjanie w swoim wyrazie stram wtrącają spółgłoskę t“ (стр. 5—6).

Не вполне точно утверждение, что „dźwięki nosowe, oprócz nieżyjącego języka starobułgarskiego, utrzymały się dotąd w całej pełni tylko w języku w polskim i w narzeczu kaszubskim“ (стр. 9).

Невѣрно г. Кр. считаетъ формы cięcierza, łodzja, straza, odzieża безусловно болѣе древними, нежели *ciecierz, łódź, straż, odzież. (стр. 11).

Формы съгку (църкы), съгкѣвъ (църкѣвъ), съгке (църке) (стр. 11) невозможны въ языкѣ старословянскомъ, сообразно съ фонетическими свойствами этого языка.

Совершенно ложно въ концѣ польскаго слова zażędz г. Кр. видитъ звукъ dz (стр. 13). Здѣсь нѣтъ dz ни фонетически, ни даже этимологически.

Существованіе когда-то въ чешскомъ звука g (взрывнаго, замкнутаго согласнаго, тождественнаго съ польскимъ g) вмѣсто теперешняго h (=малор. г) (стр. 14)—сомнительно.

Слово kogczak (стр. 16), по всей вѣроятности, заимствовано; по крайней мѣрѣ, трудно объяснить себѣ подобную чисто польскую форму, сообразно съ известными звуковыми законами польскаго языка. Трудно же выводить это слово, kogczak, отъ корня kog (стр. 16—17).

Не точно выраженіе: „суффиксъ ok не былъ свойственъ и теперь не свойственъ польскимъ существительнымъ“ (стр. 19). Довольно назвать слово wid-ok.

Выводъ р'а́е изъ р'ьп-е не точенъ. Нельзя же никоимъ образомъ принимать подъема гласнаго і въ о („prostąpienie czyli natężenie samogłoski i na o“) (стр. 21).

Неточно сказано: „własność zamiany samogłoski u

на у" (стр. 202).

Въ старосл. невозможна форма sľ z a (сльза). Точно также невозможно сопоставленіе слова слеза съ санскр. sarg (sardž) (стр. 23).

Не понятно: „znak s w grupie czs nie jest bynajmniej dodatkiem niepotrzebnym, lecz spółgłoską, mającą wartość w wieku XV jeżeli nie fonetyczną, to bez wątpienia etymologiczną“ (стр. 31). Не совсѣмъ тоже понятно „poczucie etymologiczne .... wyrazów.... w umysłach mówiących i piszących“ (стр. 32). Трудно же написаніе radszey читать radziéj (стр. 32).

Г. Крынскій не совсѣмъ вѣрно смотритъ на этимологическія связи и происхожденіе польскаго предлога z (s) (стр. 39).

Нѣкоторыя неточности и ошибки г. Крынскаго,—какъ то о безусловной чистотѣ языка Оржеховскаго (стр. 6—7), объ отсутствіи безсознательныхъ руссизмовъ у Зиморовичей (стр. 8), о первой польской типографіи (стр. 31) и о полномъ отсутствіи какого бы то ни было вліянія Востока на умственное развитіе и цивилизацію Польши (стр. 50),—указаны въ разборѣ этого труда, написанномъ А. Г. Бемомъ (A. G. Bem) и помѣщенномъ п. з. Przegląd piśmienniczy въ польской газетѣ „Nowiny“ [Warszawa, 1879, № 214, 24 іюля (5 августа)].

Затѣмъ, не лишне будетъ назвать замѣтку г. Jagić'a о брошюрѣ г. Крынскаго въ „Archiv für slavische Philologie“, IV т. стр. 154—155.

Słownik ludowy przez Jana Karłowicza. Osobna odbitka z „Dwutygodnika naukowego“. Kraków. 1878. (Народное словопроизводство Ивана Карловича. Отдѣльный оттискъ изъ „Научнаго Двухнедѣльника“. Краковъ. 1878). 8°, 51 стр.

На психическіе факторы въ жизни языка, а въ томъ числѣ и на такъ называемое народное словопроизводство, обращено вниманіе не особенно давно. Первое изслѣдованіе по этому вопросу (Förstemann, «Ueber deutsche Volksetymologie») появилось въ 1851 г. (въ главѣ 1-го выпуска I-го тома „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung,“ 1852). Но изслѣдованіе это не произвело надлежащаго вліянія. Лингвисты, занимавшіеся разсмотрѣніемъ звуковой стороны языка, все еще предпочитали объясненіе нѣкоторыхъ необыкновенныхъ измѣненій звуковъ, принимая самые невѣроятные, головоломные будтобы фонетическіе процессы, нежели прибѣгая къ столь простому и естественному средству, какъ предположеніе противодѣйствія обыкновеннымъ звуковымъ законамъ со стороны народнаго словопроизводства. Мало того, даже новѣйшіе, теперешніе лингвисты слѣдуютъ тому же методу, продолжая произвольныя объясненія и гипотезы ихъ предшественниковъ. Въ виду этого тѣмъ драгоцѣннѣе всякая попытка обратить вниманіе на столь важный психическій факторъ, конечно, если она удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ.

Въ числѣ немногихъ трудовъ по названному вопросу разсужденіе г. Карловича занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Оно разсчитано не на однихъ только специалистовъ, но на образованныхъ читателей вообще. Этимъ и объясняются его внѣшняя, не строго систематическая форма, повтореніе по нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же положеній, пространное изложеніе общеизвѣстныхъ лингвистическихъ данныхъ и т. д. Но, не смотря на всѣ эти внѣшнія свойства, суть сочиненія г. Карловича — вполне научна. Здѣсь можно найти не только толковую и добросовѣстную компиляцію изъ чужихъ работъ, но и вполне самостоятельное изслѣдованіе. Самостоятельность же эта состоитъ не только въ сообщеніи совершенно неизвѣстныхъ частныхъ фактовъ, но и во вполне новыхъ взглядахъ и обобщеніяхъ частныхъ, подходящихъ подъ избранный авторомъ вопросъ. Сюда, меж-

ду прочимъ, относится отліченіе а ррадикаціи (agradu-
касуа) и адидеаціи (adideасуа) (стр. 15—16).

Въ разсужденіи г. Карловича есть нѣсколько ошибокъ,
равно какъ и нѣсколько мѣстъ и выражений, съ которыми
невозможно согласиться. Такъ между прочимъ:

Не совсѣмъ вѣрно утверждать, что при процессахъ
народнаго словопроизводства „lud sobie rozumuje“ (стр. 2;
ср. тоже стр. 15). „Rozumowanie“ (разсужденіе) сопря-
жено съ сознаниемъ (świadomoś); между тѣмъ процессы
народнаго словопроизводства происходятъ вполнѣ безсозна-
тельно. Это обстоятельство не должно было быть ни на ми-
нуту упускаемо изъ виду.

Въ XVI томѣ „Zeitschrift für vergleichende sprach-
forschung“ нѣтъ вовсе „разсужденьица (rozprawki) о под-
веденіи Греками персидскихъ именъ подъ природные звуки“
(стр. 5).

Сомнительна безсознательная (путемъ народнаго слово-
производства) передѣлка латинскаго firmage въ польск.
bierzmo waś черезъ уподобленіе его слову bierze отъ
brać (стр. 7). Вѣдь первоначальная польская форма бы-
ла birzmo waś, которая только впоследствии, вмѣстѣ съ
wirzch, piwwszy и т. п., измѣнила свое irz [respec-
tive ir] въ erz [resp. er].

Не точно выраженіе: „ross. союзъ sojuзь ze starosła-
wiańskiego съжъ съжъ“ (стр. 9).

Въ словахъ otwierać, otworzyć (отворить),
roztworzyć и т. д. имѣется первоначально тотъ же ко-
рень, что въ tworzyć (творить) (ср. задѣлать, малор.
зачинити, одчинити, нѣм. aufmachen, zumachen, aufthun,
zuthun и т. д.), а не тотъ, что въ zawierać, wywie-
rać, какъ утверждаетъ г. Карловичъ (стр. 13). Корен-
ной гласный въ otwierać, roztwierać и т. п. раз-
вился вторично вслѣдствіе частичнаго смѣшенія корней и
уподобленія развѣтвленій корня twor развѣтвленіямъ кор-
ня wir < wir || wor.

Говоря объ образованіи словъ *flacha*, *kluch*, *włochu* и т. п. (стр. 15), слѣдовало обратить вниманіе на извѣстный родъ согласнаго подъема (*lautsteigerung*), связаннаго съ чередованіемъ согласныхъ *s* и *sch*. Ср. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung* VI, 221—222.

Сомнительно происхожденіе словъ *мака* и *мієккі* отъ „греческаго и арійскаго корня *mak*“ (стр. 18).

„Наклонность къ перестановкѣ“ (*skłonność do przestawki czyli metatezy*) (стр. 18) является здѣсь неопредѣленнымъ и ничего не объясняющимъ терминомъ.

mgleć и *mglenie* могли произойти изъ *mdleć* и *mdlenie* (стр. 22) тоже путемъ чисто фонетическимъ.

Сомнительно въ польскомъ фонетическое „стремленіе къ замѣнѣ тихихъ (глухихъ) звуковъ громкими (звонкими)“ (*„dążność do zamiany cichych brzmień na głośnie*) (стр. 23).

Слишкомъ суживается область дѣйствія народнаго словопроизводства, если оно приписывается только „человѣку безграмотному и неученому“ (*człowiek niepiśmienny i nieuczony*) (стр. 24).

Этимологическая связь слова *lichwa* съ прилагательнымъ *lichu* (въ значеніи „лишній“) (стр. 26) вѣроятна.

Людей „грамматически необразованныхъ“ имѣется громадное большинство не только „у насъ“ (т. е. у поляковъ) (стр. 26), но, по всей вѣроятности, и у всѣхъ народовъ.

Непонятно, какимъ образомъ латинское *cupiculus* можетъ происходить отъ корня *sak* (стр. 37).

Невѣрно мнѣніе, что аналогія „насилуетъ (нарушаетъ) исконные звуковые законы“ (стр. 40—41). Аналогія дѣйствуетъ только тогда, когда по видимому противорѣчащія ей звуковые законы или не приобрѣли еще достаточной силы, или же перестали уже дѣйствовать, потерявши свою живучесть и обязательность.

Окончанія *jesh* въ мѣстномъ надежѣ (стр. 41—42) въ словянскихъ языкахъ никогда не было.

Понятіе патологіи (стр. 47 и др.) совершенно не применимо при изслѣдованіяхъ языка.

Наконецъ можно указать на невольную ошибку г. Карловича. Тиберія звали не „Cajus Tiberius Nero“ но Tiberius Claudius Nero, и его имена передѣлывались римскими остряками не въ „Calix Biberius Mero“ (стр. 29), но въ Biberius Caldus Mero (см. C. Suetoni Tranquilli De vita Caesarum III, 42 и ср. Szczerbowicz-Wieczór, Dwutygodnik naukowy, 1879, № 8, pg. 170).

Для интересующихся вопросами народного словопроизводства и аналогіи позволю себѣ назвать еще весьма дѣльную статью Н. В. Крушевскаго п. з. „Об аналогіи“ и „народной этимологіи,“ напечатанную въ 3-мъ и 4-мъ выпускѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ 1879 г., издаваемого въ Варшавѣ под редакціею М. А. Колозова, том II, стр. 109—120, 226. Г. Крушевскій высказываетъ здѣсь совершенно новыя взгляды на аналогію и народное словопроизводство.

Ogled. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znano-sti i umjetnosti obradjuje Gj. Daničić. Zagreb 1878. (Пробный выпускъ. Словарь хорватскаго или сербскаго языка издаетъ Южнославянская Академія наукъ и искусствъ подъ редакціею Ю. Даничича. Загребъ 1878). 8^о-maj. XII+39 стр.

Южнославянская Академія наукъ взяла на себя громадную задачу, исполненіемъ которой она заслужить себѣ благодарность не только всего сербо-хорватскаго народа, но тоже, съ одной стороны, всѣхъ людей, хоть сколько нибудь

интересующихся успѣхами науки и литературы у славянъ, съ другой же стороны всѣхъ лингвистовъ и филологовъ, занимающихся болѣе или менѣе основательно изученіемъ славянскихъ языковъ и литературъ. Редакція словаря поручена знаменитому Даничичу, и трудно было въ самомъ дѣлѣ сдѣлать лучший выборъ.

Въ предисловіи къ этому пробному выпуску редакторъ словаря проситъ всѣхъ, занимающихся этимъ дѣломъ, сообщить ему свои замѣчанія, которыя должны способствовать усовершенствованію предпринятаго имъ труда. На это приглашеніе отозвались уже многіе. Между прочимъ, и въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ (вып. I, стр. 137—140) была напечатана В. В. Макушевымъ краткая рецензія. „Rad jugoslavenske akademije“ помѣстилъ разные отзывы, разборы и замѣчанія сербо-хорватскихъ ученыхъ и литераторовъ. Обшириѣ всѣхъ разборъ Ст. Новаковича. О Daničićevu ogledu rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika. Pismo predsjedniku Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti dru. Fr. Račkomu od Stojana Novakovića. (Preštampano iz knjige XLV. Rada jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.) U Zagrebu 1878, 8°, 165—213 стр.

Новаковичъ весьма подробно разбираетъ всѣ частности, на которыя необходимо обратить вниманіе при подобномъ предпріятіи. Къ его замѣчаніямъ не много можно прибавить. Поэтому, отсылая любопытныхъ къ разбору г. Новаковича, я ограничусь здѣсь нѣкоторыми соображеніями, которыя мнѣ кажутся особенно важными. При этомъ я не стану держаться никакого систематическаго порядка, и буду высказывать порознь отдѣльные соображенія:

1) Главныя основанія, на которыхъ воздвигнется строеніе будущаго словаря, заслуживаютъ полнаго одобренія. Тѣмъ не менѣе

2) „Кайкавскія“ слова въ придуманной „кайкавской“ формѣ (стр. IV) слѣдовало бы отличать отъ настоящихъ

„штокавскихъ“ какимънибудь значкомъ, напимѣрь, звѣздочкою или т. п.

3) Слова, удареніе которыхъ не извѣстно ни изъ живой рѣчи, ни изъ памятниковъ, лучше оставить безъ всякаго обозначенія ударенія, нежели навязывать имъ удареніе придуманное (стр. IV—V). Хотя такой мастеръ въ дѣлѣ сербо-хорватскаго ударенія, какъ Даничичъ, наврядъ ли могъ бы придумать невѣрное удареніе, но все-таки словарь есть словарь, и въ немъ должно имѣть мѣсто только достовѣрное, съ исключеніемъ всего гипотетическаго. Ср. Novaković l. c. стр. 200. Впрочемъ, если какимънибудь образомъ будутъ отличены слова съ придуманнымъ удареніемъ отъ словъ съ удареніемъ доказаннымъ, то и обозначеніе придуманнаго ударенія можетъ быть весьма желательно.

4) За то ужъ безъ всякаго сомнѣнія лучше было бы обойтись безъ придуманныхъ корней отдѣльныхъ словъ, которые будутъ, хотя и не вреднымъ, но все-таки лишнимъ баластомъ, составляющимъ въ словарѣ элементъ не фактическій, но чисто догматическій. Оставленіе въ покоѣ корней словъ тѣмъ желательнѣе, что авторъ хочетъ держаться при этомъ Миклошича, который о корняхъ словъ имѣетъ устарѣлыя, не современныя понятія и едва-ли понимаетъ ихъ въ ихъ генетическомъ развитіи. Ожидаемое сочиненіе Миклошича о корняхъ словянскихъ языковъ, судя по прежнимъ его трудамъ, не только не удовлетворитъ потребностямъ будущихъ временъ, какъ утверждаетъ Даничичъ (стр. V), но даже не дорастетъ до уровня самыхъ скромныхъ требованій настоящаго. — Какъ ошибочно и невѣрно выставлены мнимые корни при нѣкоторыхъ словахъ, встречаемыхъ въ пробномъ выпускѣ словаря, показываетъ Novaković l. c. стр. 205—210.

5) Не совсѣмъ понятно то, что говорится о грамматикѣ, на основаніи которой долженъ составляться словарь (стр. VI—VII).

6) Съ точки зрѣнія фактической достовѣрности нель-

зя никакъ одобрить односторонняго фонетическаго правописанія всѣхъ словъ, приводимыхъ въ словарь (стр. VI). Подобное уодноображеніе придаетъ словарю характеръ субъективизма. Не только для изслѣдователя рукописей, но и для изслѣдователя исторіи звуковой стороны языка чрезвычайно важно знать, какъ прежніе, старинные писатели изображали отдѣльные звуки употребляемаго ими языка. Въдѣ трудно каждый разъ справляться въ памятникахъ. Одною изъ задачъ историческаго словаря должно быть именно облегченіе подобнаго рода изслѣдованій. А для этой цѣли единственнымъ средствомъ было бы сохранить правописаніе цитруемыхъ авторовъ, дорожа каждою буквою и каждымъ значкомъ. Такой словарь, кромѣ другихъ достоинствъ, представлялъ бы цѣнный матеріалъ 1) для исторіи правописанія, 2) для тонкихъ фонетическихъ изслѣдованій исторіи звуковъ и даже, пожалуй, формъ. Итакъ, по моему, не лишне было бы сохранить правописаніе авторовъ, приложивъ къ словарю объяснительную таблицу, показывающую значеніе употребляемыхъ ими буквъ. Если же это казалось бы слишкомъ затруднительнымъ, то ужъ необходимо было бы, употребляя въ текстѣ словаря новое правописаніе, приложить обратную таблицу, съ показаніемъ, какими буквами и сочетаніями буквъ обозначались отдѣльные звуки прежними писателями. — Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что въ словарь субъективизмъ долженъ быть сведенъ до необходимаго minimum.

7) Желательно было бы прибавить хронологическій списокъ авторовъ и сочиненій, которыми пользовались составители словаря. Не лишнею была бы тоже краткая характеристика авторовъ относительно ихъ происхожденія, мѣста рожденія, воспитанія, образованія (вліяніе иностранныхъ писателей и иностранныхъ языковъ и т. п.) и т. д.

8) Само собою разумѣется, что неизбѣжно объясненіе употребляемыхъ въ словарѣ сокращеній и цитатъ.

9) Какъ видно изъ пробнаго выпуска, словарь печат-

тается слишкомъ сжато, слишкомъ компактно. Очевидно составители и редакторъ жалѣютъ мѣста и стараются на возможно меньшемъ числѣ страницъ дать возможно большее количество текста. Между тѣмъ это далеко не практично. Неудобства для пользующихся словаремъ очевидны: такой мелкій шрифтъ весьма затрудняетъ чтеніе, а для людей съ слабымъ зрѣніемъ онъ положительно вреденъ. Но и при печатаніи не много выигрывается. Выходить, правда меньше бумаги, но за то число буквъ не уменьшается, и, стало быть, стоимость набора, если не увеличивается вслѣдствіе болѣе многочисленныхъ поправокъ при корректурѣ, то во всякомъ случаѣ не уменьшается; а ужъ несомнѣнно больше времени уходитъ на корректуру. Однимъ словомъ, сбереженіе бумаги наказывается потерей времени и здоровья.

10) Въ связи съ этимъ находится замѣчаемая въ нашемъ словарѣ не достаточная наглядность въ текстѣ, и въ разборѣ Карловича, въ особенности въ цитатахъ. Между тѣмъ различіемъ шрифта (толстаго и т. п.) можно было бы воспользоваться для различенія разныхъ категорій. Кромѣ того не мѣшало бы еще подробнѣе отдѣлять различныя категоріи текста. Такъ напр. цитаты изъ отдѣльныхъ авторовъ можно бы или начинать съ красной строки, или же хотя бы только разграничивать ихъ черточкою, — || или т. п.

Высказывая эти desiderata, я долженъ заявить, что даже полное отсутствіе упомянутыхъ здѣсь дополненій и измѣненій не умалитъ вовсе достоинствъ сербохорватскаго словаря, который, судя по пробному выпуску, будетъ во всякомъ случаѣ лучшимъ словянскимъ словаремъ.

Slovanščina v romanščini. Spisal Davorin Terstenjak. 1878 v Celovcu (Словянскіе элементы въ романскихъ языкахъ. Написалъ Мартинъ Търстенякъ 1878. въ Клагенфуртѣ). 8°, 79 стр.

Г. Търстениякъ предпринялъ частное рѣшеніе весьма важнаго историческаго вопроса о древности пребыванія Словянъ въ Европѣ. Онъ убѣжденъ, что Словяне прибыли въ Европу раньше Кельтовъ и Германцевъ, то-есть, за нѣсколь-ко столѣтій до Рожд. Христ. Такимъ образомъ они были бы исконными сосѣдями Римлянъ, Кельтовъ и Иберовъ. Благодаря же этому сосѣдству, языкъ Словянъ долженъ былъ вліять на языки сосѣдей, между прочимъ на языкъ Римлянъ и всѣхъ вообще романскихъ племенъ. Отыскиваніемъ въ романскихъ нарѣчіяхъ этихъ будто бы издревле заимствованныхъ словянскихъ словъ г. Търстениякъ занимается уже нѣсколько лѣтъ. Плодомъ этихъ занятій являются 4 статьи, озаглавленные „Slovanski elementi v venetšćini“ (Словянскіе элементы въ венеціанскомъ нарѣчій), напечатанныя въ „Запискахъ Словенской Матицы“ (Letopis Matice slovenske“) 1874, 1875, 1876 и 1877 г., и вышедшія тоже отдѣльными оттисками.

Въ подлежащемъ, 5-мъ, трудѣ по этому вопросу авторъ расширилъ кругъ своихъ разысканій. Онъ не ограничивается здѣсь однимъ только венеціанскимъ нарѣчіемъ, но старается отыскать и выставить на видъ слова разныхъ романск. языковъ, по его мнѣнію, заимствованныя изъ словянскаго. Такихъ словъ онъ разбираетъ здѣсь болѣе сотни.

Если-бъ въ самомъ дѣлѣ можно было доказать, 1) что разобранныя г. Т-омъ романскія слова заимствованы изъ словянскаго, 2) что они заимствованы въ древнее время, — то, конечно, получилось бы одно изъ весьма вѣскихъ доказательствъ исконнаго пребыванія Словянъ въ Европѣ. Къ сожалѣнію, ни то, ни другое не доказано. Зная всѣ трудности, сопряженныя съ рѣшеніемъ подобныхъ этимологическо-этнологическихъ вопросовъ, и зная средства, находящіяся въ распоряженіи у современной науки, мы должны заявить, что г. Търстениякъ не доказалъ окончательно словянскаго происхожденія ни одного изъ разбираемыхъ имъ романскихъ словъ. Напротивъ того, большинство этихъ словъ

очевидно не словянского происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, они не находятся ни въ какой связи съ тѣми словянскими словами, въ которыхъ нашъ авторъ усматриваетъ ихъ источники. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, довольно просмотрѣть статьи п. с. Barne (стр. 9—19;—ср. Jagić, Archiv für slavische Philologie, III. 728), Haridelle (стр. 10), Cochevis (стр. 11—12), Broulo (стр. 12—13), Brav (17—18), Polšina (22—23), Marha (23—26), Paliti (29—30), Makur (30—31), Beleta (36), Gagravina (37), Matъ (40—41), Bagno (45—48), Buzy (49—52), Počiti (65—67), Brija (68), Motriti (69) и т. д.

Теперешнее языковѣднѣе не даетъ еще возможности рѣшать подобныя этнологическіе вопросы, хотя бы только приблизительно. Для этого слишкомъ мало изслѣдованы 1) взаимныя звуковыя соотвѣтствія между родственными языками, 2) фонетика заимствованныхъ словъ въ отдѣльныхъ языкахъ, 3) географія и хронологія фонетическихъ процессовъ даже самыхъ извѣстныхъ языковъ аріевропейскихъ. Кромѣ того языки многихъ племенъ и народовъ, о которыхъ съ большею или меньшею увѣренностью говорится при подобнаго рода изслѣдованіяхъ, представляютъ совершенно или почти совершенно неизвѣстныя величины. Что можно строить на нѣсколькихъ словахъ какого нибудь неизвѣстнаго языка, съ грѣхомъ по поламъ записанныхъ тѣмъ или другимъ древнимъ авторомъ, если такъ мало еще изслѣдовано генетическое развитіе языковъ вполнѣ доступныхъ?

Но, какъ бы то ни было, уже теперешнее языковѣднѣе даетъ возможность относиться критически къ слишкомъ смѣлымъ предположеніямъ и гипотезамъ многочисленныхъ этимологовъ, миеологовъ, археологовъ, этнологовъ и т. п., и доказать, почему то или другое предположеніе или гипотеза не могутъ быть допущены, какъ противорѣчащія окончательно выработаннымъ строго научнымъ даннымъ, и какъ вообще лишеныя строго научнаго характера.

Нашъ авторъ самъ заявляетъ, что въ сомнительныхъ

случаяхъ онъ держался слѣдующаго изреченія св. Августина: „ut somniorum interpretatio ita verborum origo pro cuiusque ingenio iudicatur“ (стр. 4). А развѣ это не значить играть въ жмурка, ходить въ наукѣ ощупью? Развѣ это не значить на мѣсто научныхъ выводовъ ставить свои личныя *somnia*?

Не смотря однакожъ на произвольный методъ и на частные выводы, съ которыми невозможно согласиться, нельзя все-таки не удивляться громадной учености г. Търстеняка. Собранный имъ матеріалъ заслуживаетъ внимательнаго изученія, какъ со стороны историковъ, такъ и со стороны лингвистовъ. Точно также стоитъ изученія и главный вопросъ, которому посвящены изслѣдованія г. Търстеняка. Можно сомнѣваться, будетъ ли этотъ вопросъ когда нибудь рѣшенъ окончательно; но попытки рѣшить его могутъ быть весьма плодотворными для науки, лишь бы только пытающіеся поступали при этомъ сообразно съ требованіями настоящей науки.

Можетъ быть, Словяне въ самомъ дѣлѣ прибыли въ Европу раньше Кельтовъ и Германцевъ и заняли часть средней Европы за нѣсколько столѣтій до Рожд. Христ. Но для сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ нужно избрать другой путь, нежели тотъ, которому въ своихъ разысканіяхъ слѣдуетъ г. Търстенякъ.

И. Водуанъ-де-Куртенэ.

Бледъ (Veldes).

Сентябрь 1879 г.

Латинскій Синтаксисъ И. В. Нетушила. Харьковъ, 1880. I—IV+476. И особо его—же: Сокращенное изданіе Латинскаго Синтаксиса. III+150.

Въ послѣднее время, въ продолженіе какихъ нибудь 15—20 лѣтъ появилось у насъ въ литературѣ множество серьезныхъ статей о значеніи и изученіи классическихъ языковъ, а это въ свою очередь, безъ сомнѣнія, много способствовало появленію нѣсколькихъ солидныхъ руководствъ и учебниковъ по древнимъ языкамъ, выработанныхъ сравнительно съ современнымъ состояніемъ языкознанія. Къ такимъ руководствамъ мы относимъ и озаглавленное нами изданіе Латинскаго Синтаксиса г. Нетушила.

Спѣшимъ въ настоящемъ выпускѣ хотя въ краткомъ очеркѣ познакомить читателей нашихъ съ этимъ только что вышедшимъ въ свѣтъ учебникомъ, подробный же разборъ, по недостатку времени, отлагаемъ до слѣдующей книжки.

Все изложеніе Синтаксиса у г. Нетушила распадается на 4 части: 1-я ч. трактуетъ о частяхъ предложенія; 2-я—о значеніи словъ въ предложеніи, гдѣ разсматриваются всѣ части рѣчи этимологіи въ синтаксич. отношеніи; въ 3-й ч. разсматриваются сложные предложенія и наконецъ въ 4-й расположеніе словъ въ предложеніи.

Синтаксисъ этотъ, какъ видно изъ Предисловія къ книгѣ, составленъ по плану и системѣ Греческаго Синтаксиса Нидерле, но обработанъ болѣе или менѣе самостоятельно. Извѣстно, какое важное значеніе придаютъ греч. Синтаксису Нидерле, изложенному по его особенной системѣ—какъ въ расположеніи всего грамматическаго матеріала, такъ въ особенности по примѣненію правилъ греч. языка къ результатамъ, добытымъ современною наукою по

сравнительному языкознанію. Такъ и г. Нетушилъ держался тогоже направленія, „но отступалъ, какъ онъ говоритъ, только тамъ, гдѣ этого требовало самое свойство лат. языка.“ Излагая синтаксическія правила, г. Нетушилъ выраженія латинскія по большей части сопоставляетъ съ русскими, на сколько первыя сходятся съ послѣдними или отступаютъ отъ нихъ, что и помѣщаетъ въ особыхъ примѣчаніяхъ. Въ общей системѣ Синтаксиса въ особенности многосторонне и отчетливо разработано употребленіе падежей и временъ глаголовъ.

Вообще Синтаксисъ очень богатъ примѣрами, заимствованными по большей части изъ образцовыхъ классическихъ авторовъ, что очень важно въ будущемъ при чтеніи и объясненіи классиковъ для разрѣшенія и пониманія многихъ трудныхъ мѣстъ или особенностей латинскаго языка.

О томъ же, какъ разработанъ весь грамматическій матеріалъ, какое значеніе труда г. Нетушила представляетъ въ научномъ отношеніи, мы нелишнимъ считаемъ привести изъ Предисловія къ книгѣ г. Нетушила (стр. III) отзывъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. Вотъ нѣкоторые мѣста изъ этого отзыва: „Нельзя не признать рукописи г. Нетушила (предварительно Синтаксисъ представленъ былъ въ Комитетъ въ рукописи) трудомъ почтеннымъ, отличающимся трудолюбіемъ и осмотрительностію при обработкѣ его.... Авторъ выказываетъ себя человѣкомъ, который, изслѣдовавши свой предметъ, сознательно имъ владѣть.... Къ достоинствамъ труда принадлежитъ и то, какъ мѣтко авторъ сумѣлъ сопоставить глаголы латинскіе, по конструкціи падежей уклоняющіеся отъ соответствующихъ по значенію русскихъ. Вообще, гдѣ только было возможно, онъ выдѣлялъ особенности какъ латинскаго, такъ и русскаго языковъ, указывая на своеобразность каждаго.... Трудъ г. Нетушила, явившись въ печати, обѣщаетъ немаловажную пользу учащемуся юношеству“.

Въ заключеніе мы замѣтимъ одно: зачѣмъ авторъ заноситъ въ Синтаксисъ опредѣленія и значенія частей рѣчи,—это хорошо должно быть извѣстно учащимся изъ этимологіи русской и латинской. По нашему мнѣнію это совершенно излишне.

Въ интересахъ языкознанія вообще и успѣшности самаго дѣла желательно было бы видѣть если не при лат. грамматикѣ, въ видѣ приложенія, то особо составленный небольшой словарь избранныхъ словъ. Лексическій матеріалъ необходимъ, не столько для справокъ, сколько для заучиванія, упражненія и обогащенія памяти учащихся. Запасъ словъ при изученіи лат. языка имѣетъ важное значеніе. Безъ такого запаса, хотя бы учащійся достаточно овладѣлъ формальной стороною языка, онъ всегда будетъ затрудняться при переводѣ не только какого либо отрывка или статьи, но и отдѣльныхъ фразъ, не зная значенія встрѣчающихся словъ. Словарь долженъ состоять изъ двухъ частей: въ первой должны быть собраны болѣе извѣстныя и общеупотребительныя слова, приспособленныя къ курсу первыхъ двухъ классовъ, но съ краткими фразами (довольно впрочемъ и одной фразы при каждомъ словѣ),—во второй—собраніе словъ должно быть принаровленно къ развитію учащихся, т. е. собраніе словъ болѣе трудныхъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ классическихъ писателей. Словарь этотъ долженъ быть составленъ не въ алфавитномъ порядкѣ (тутъ важенъ выборъ словъ, особенно для 1-хъ двухъ классовъ), а скорѣе по группамъ коренныхъ словъ съ производными. Весь этотъ словарный матеріалъ долженъ быть рассчитанъ и заученъ—въ продолженіе 4-хъ лѣтъ. Заучиваніе словъ составляетъ громадное пособіе вообще при изученіи иностранныхъ языковъ: не столько, повторяемъ, затрудняютъ учащихся формальная сторона языка и правила, сколько недостатокъ запаса словарнаго ма-

теріала. Усвоить же бóльшій запасъ словъ не иначе можно, какъ постояннымъ ежедневнымъ заучиваніемъ по нѣскольку словъ, что и должно входить въ число классныхъ уроковъ. Полагая готовить на каждый день примѣрно по 25 вокабулъ, ученикъ въ продолженіе года пріобрѣтетъ около 4-хъ тысячъ словъ или болѣе, а въ 4 года до 16—20 тысячъ—такой запасъ, съ которымъ свободно и смѣло можно читать и переводить лат. текстъ, Подобный пріемъ пріобрѣтенія и усвоенія лексического запаса словъ съ пользою можетъ быть примѣненъ и при изученіи новыхъ языковъ (франц. и нѣмец.), гдѣ это еще болѣе необходимо и въ научномъ отношеніи, и для практики. Убѣжденіе это мы вынесли на практикѣ изъ частныхъ занятій лат. языкомъ съ двумя учениками уѣзднаго училища—и результатъ вышелъ весьма благопріятный: въ продолженіе менѣе даже года, начиная съ лат. азбуки, они сдѣлали значительные успѣхи въ грамматикѣ и пріобрѣли достаточный запасъ словъ, такъ что, по выдержаніи экзамена, поступили въ 3-й кл. гимназій.

А. Хованскій.

§ 20.

Обстоятельство.

Обстоятельствомъ называется такой придаточный членъ, котрымъ мысль предложениа досказывается по вопросамъ обстоятельственныхъ нарѣчій.

Раздѣленіе обстоятельствъ по формѣ.

Обстоятельство, выраженное однимъ словомъ, называется простымъ обстоятельствомъ, или обстоятельнымъ словомъ, напр.:

Печально я гляжу на наше поколѣнье. Лерм.

Обстоятельство, выраженное рядомъ словъ, составляющихъ одно цѣлое, называется составнымъ, напр.:

Часъ отъ часу становится темнѣе (2 ч. Б. § 262).

Пополнилась ли я? Почти что ничего. Крыл.

Обстоятельство, выраженное цѣлымъ предложениемъ, называется обстоятельнымъ предложениемъ, напр.:

Когда въ товарищахъ согласія нѣтъ,

На ладъ ихъ дѣло *не поидетъ*. Крыл.

Нѣсколько однородныхъ обстоятельствъ, (т. е. одного вопроса) составляютъ сложное обстоятельство, напр.

И гдѣ мнѣ смерть *пошлетъ* судьбина?

Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Пушк.

Раздѣленіе обстоятельствъ по значенію.

По различію обстоятельствъ, обстоятельства бываютъ:

а) Времени, если отвѣчаютъ на вопросы:

Когда? съ какого времени? до котораго времени?

Да *работала* ль (когда?) ты въ лѣто?

Крыл.

Когда же онъ представился,
Палаты исполнились (когда?) святымъ благоуханіемъ.
Пушк.

б) Мѣста, если отвѣчаютъ на вопросы:

Гдѣ? куда? откуда? напр.:
Часа тамъ три *ходилъ* (гдѣ?) Крыл.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ *стоитъ*
(гдѣ?).

в) Образа, когда отвѣчаютъ на вопросъ:

Какъ? какимъ образомъ? напр.:
Какъ аукнется, *такъ* и откликнется (какъ?).
И сладко рѣчь его изъ устъ *лилася* (какъ?).
Пушк.

г) Количества, если отвѣчаютъ на вопросы:

Сколько? какъ долго? въ какой мѣрѣ?
Я безъ души *лѣто* цѣлое все *пыла* (какъ долго?).
Сколько головъ, столько и *умовъ* (сколько?).
Посл.

д) Причины, если отвѣчаютъ на вопросъ: почему
отчего? напр.:

Кормилица въ отчаяньи *рыдаетъ* (почему?).

Совѣтую тебѣ взять предосторожность (почему?),
и бо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ. Гог.

е) Цѣли, если отвѣчаютъ на вопросы: зачѣмъ?
для чего?

Воскреснемъ ли (для чего?) когда отъ чужевластья
модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя по языку насъ не считалъ за нѣм-
цевъ? Гриб.

А дома стережи съѣстное отъ мышей

Кота *оставилъ* (для ч-го?). Крыл.

Мы *рождены* (для чего?) для вдохновенья,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Пушк.

§ 21.

Обстоятельства придаются:

а) Къ глаголу, напр.:

Тебя ужъ *упекуть* (куда?)

Подъ судъ. Гриб.

Когда же нужно подслужиться,

И онъ *сибался* (когда?) въ перегибъ. Гриб.

б) Къ отглагольному имени (существительному или прилагат.), напр.:

Появление (гдѣ?) Дмитрія Ивановича во дворѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь. Лажечн.

Со мною былъ чугунный чайникъ — единственная *отрада* (когда?) моя въ путешествіяхъ по Кавказу. Лерм.

Душа моя *полна* (до которыхъ поръ?) еще до сихъ поръ жалости. Гоголь.

в) Къ сравнительной степени прилагательнаго и нарѣчія, напр.:

Онъ сдѣлалъ это въ пять разъ *лучше* (на сколько?). Рѣчь разг.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ *больше* (на сколько?) дровъ.

г) Къ качественному прилагательному и нарѣчію для выраженія степени, напр.:

Пульхерія Ивановна была нѣсколько *серьзна* (какъ?). Гоголь.

Хининъ продается чрезвычайно *дорого* (какъ?) Рѣчь разг.

Примѣчаніе. Обстоятельственные предположенія придаются къ упомянутымъ частямъ рѣчи то прямо, то посредствомъ нарѣчій и союзовъ (тамъ, туда, потому, такъ и др.), соотвѣтствующихъ тѣмъ нарѣчіямъ и союзамъ, которы-

ми начинаются предложенія (гдѣ, куда, что, какъ и пр.), напр.:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ *стоитъ*.

Коль молвить правду, я совѣмъ *не чту* (когда?) за диво. Крыловъ.

Засвѣтитъ (какъ?) онъ, какъ я, свою лампаду. Пушки.

§ 22.

Этимологическія формы, выражающія обстоятельства.

Собственная часть рѣчи для выраженія обстоятельства есть нарѣчіе. Другія части рѣчи и самыя предложенія тогда выражаютъ обстоятельство, когда переносятся къ значенію нарѣчія.

Обстоятельство времени.

I. Простое обстоятельство времени выражается:

а) Нарѣчіемъ времени, напр.:

Вѣдь сосѣди твои

Работаютъ (когда?) давно. Кольц.

б) Именемъ существительнымъ

аа) съ предлогомъ, напр.:

Да *работала ль* (когда?) ты въ лѣто? Крыл.

бб) безъ предлога, напр.:

Лѣтомъ *бываетъ жарко* (когда?). Рѣчь разг.

в) Дѣепричастіемъ, напр.:

А дядя, вѣчная ему память, протрезвись *спросиль* (когда?) только, цѣлы ли ворота? Фонвиз.

II. Составное обстоятельство времени выражается:

а) Нарѣчіемъ составнымъ, напр.:

Давнымъ-давно зима *прошла* (когда?). Рѣчь р.

Рано утромъ безжалостный и слишкомъ усердный Василій *содерживаетъ* (когда?) одѣяло. Гр. Толст.

б) Существительнымъ въ соединеніи съ прилагательнымъ, числит. и мѣстоименіемъ (иногда съ присоединеніемъ нарѣчія), напр.:

Съ тѣхъ поръ я мало

Вникалъ (съ которыхъ поръ?) въ дѣла мірскія.

Пушк.

Румяннымъ вечеромъ иль утра въ часъ
златой

Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый

Привѣтливо киваетъ (когда?) головой. Лерм.

Даже пальцы у окна *стояли* (когда?) также, въ томъ же положеніи, какъ восемь лѣтъ тому назадъ.

Тург.

III. Предложеніе обстоятельства времени выражается:

1. Союзнымъ предложеніемъ, начинающимся:

а) съ союзовъ: когда, какъ, между тѣмъ какъ, только что, лишь только, едва, послѣ того какъ, тогда какъ, пока. Союзы—когда, пока, могутъ сопровождаться соотвѣтствующими имъ союзами то, тогда, потомъ, напр.:

Ещебъ ты болѣ *инвострился* (когда?)

Когда бы у него немножко поучился. Кр.

Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, нота его и *попужить* (до которыхъ поръ?), а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ (составное обстоят. времени), какъ пойдетъ, избави Боже, въ службу, всего *потерпится* (когда?).

б) Съ союзовъ, замѣняющихъ „когда“ по требованію измѣненной мысли, а именно:

аа) Съ союза если (также ли) для выраженія условія (если можетъ соотвѣтствовать то), напр.:

А если разберешь,

Въ пятнадцать лѣтъ учителей *научатъ* (когда?).

Гриб.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную

Твержу (когда?) я наизусть. Лерм.

Примѣч. Эти предложенія называются иначе условными.

бб) Съ союзовъ: хотя, какъ ни, что ни, несмотря на то, что....для выраженія оттенка противоположности (этимъ союзамъ могутъ соответствовать но, однако, все же), напр.:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога.

(Но) за нее не всякъ умѣетъ взяться (когда?).

Какъ ни кинь, все *кинз* (когда?). Посл.

Примѣчаніе. Эти предложенія иначе называются уступительными.

2. Предложеніемъ бессоюзнымъ, состоящимъ

а) Изъ дѣепричастія съ придаточными къ нему словами (дѣепричастіе въ этомъ случаѣ замѣняетъ союзъ когда и глаголь въ изъявительномъ наклоненіи), напр.:

Давши (=когда далъ) слово, *держись* (когда?).

б) Изъ причастія страдательнаго съ придаточными къ нему словами (причастіе въ этомъ случаѣ замѣняетъ союзъ когда и глаголь въ изъявит наклоненіи), напр.:

Душой въ минувшемъ погруженный (когда погруженъ=когда погрузили его душой, онъ лѣтопись свою *седетъ* (когда?). Пушк.

Невольнок дремотой обезсиленъ,

Не сотворю молитвы долгой къ ночи. Пушк.

§ 23.

Обстоятельство причины.

1. Простое обстоятельство причины выражается:

а) Именемъ существительнымъ съ предлогомъ, напр.:

Мартышка тутъ съ досады и печали

О камень такъ *хватила* (почему?) ихъ,

Что только брызги засверкали. Крыл.

б) Нарѣчіемъ вопросительнымъ: зачѣмъ? почему?
напр.:

Зачѣмъ и мнѣ *не тѣшиться* въ бояхъ? Пушки.

в) Дѣепричастіемъ, напр.:

Стрѣлокъ *не попалъ* (почему?) въ цѣль промахнувшись. Разг. р.

Задумавшись голову кесарь *склонилъ* (почему?).

Жуков.

II. Составное обстоятельство причины выражается:

а) Составнымъ существит. съ предлогомъ.

Съ радости—веселья

Кудри—*вьются* (отчего?). Кольцовъ.

б) Существительнымъ съ прилагательнымъ, составляющими одно понятие, напр.:

Въ 1771 году *умерло* (отчего?) много Москвичей отъ черной смерти. Рѣчь разг.

III. Предложеніе обстоятельства причины выражается:

1. Предложеніемъ союзнымъ, начинающимся съ союзовъ: ибо, потому что, затѣмъ что, такъ какъ:

Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ *просвѣщаютъ* (почему?), ибо обстоятельства для нихъ счастливѣе. Кар.

Примѣчаніе. Если предложеніе причины стоитъ впереди того слова, къ которому придается, то оно начинается словами: такъ какъ (и поелику въ книжной рѣчи).

2. Предложеніемъ безсоюзнымъ, состоящимъ:

а) изъ дѣепричастія, б) изъ страдат. причастія или имени прилагательнаго съ придаточными къ нимъ словами (дѣепричастіе и причастіе въ этомъ случаѣ замѣняютъ со-

юзы потому что, такъ какъ и тотъ же глаголѣ въ изъявительномъ наклоненіи), напр.:

Смоленскій князь, противу городости искусствомъ вооружася(=такъ какъ вооружился), вандаламъ новымъ сѣтъ *поставилъ* (почему?).

И вспрынулъ (почему?), картиною вдругъ пораженный(=потому что пораженъ). Барат.

И самъ, покорный общему закону,

Перзмѣнился (почему?) я. Пушк.

§ 24.

Обстоятельства образа.

I. Простое обстоятельство образа выражается:

а) Нарѣчіемъ качества, напр.:

Тихохонько медвѣдя *толкъ* (какъ?) ногой.

б) Существительнымъ:

аа) безъ предлога, напр.:

И курица иногда *поетъ* (какъ?) пѣтухомъ. Посл.

бб) Съ предлогомъ, напр.:

А дуги *инутъ* (какъ?) съ терпѣньемъ и не вдругъ.
Брыл.

в) Дѣепричастіемъ, напр.:

Не сидѣла бы я подпершия. Нар. пѣня.

II. Составное обстоятельство образа выражается:

а) Повтореніемъ существительнаго въ разныхъ формахъ, напр.:

Они *живутъ* (какъ?) душа въ душу. Разг. р.

б) Повтореніемъ нарѣчія, напр.:

Строго-на-строго *приказано* исполнить приказаніе. Рѣчь разг.

в) Вообще рядомъ словъ, составляющихъ одно цѣлое, напр.:

Буря *всплachtetся* (какъ?)

Лѣшимъ-вѣдьмою. Кольц.

III. Предложеніе обстоятельства образа выражается предложеніемъ:

1. Союзнымъ, начинающимся съ союза какъ (или что), такъ что, подобно (союзу какъ—можетъ соответствовать такъ), напр.:

Какъ аукнется, такъ и *откликнется* (какъ?).

Мнѣ *видѣлась* (какъ?) Москва, что муравейникъ.

Пушк.

Въ мягкихъ муравахъ у насъ

Пѣсни, *рвзчость* (какъ?) всякій часъ,

Такъ что голову вскружило. Крыл.

2. Безсоюзнымъ, состоящимъ изъ дѣпричастія (иногда причастія и прилагательнаго) съ придаточными къ нему словами, напр.:

Оселъ, уставаясь въ землю лбомъ,

„Изрядно!“ *говоритъ* (какъ?). Крыл.

Къ его одру, царю едину зримый,

Явился (какъ?) мужъ необычайно свѣтелъ. Пушк.

И долго на свѣтъ *томила* (какъ?) она,

Желаніемъ чуднымъ полна. Лермонт.

Стучали объ полъ, не жалѣя. Гриб.

§ 25.

Обстоятельство количества.

I. Простое обстоятельство количества выражается:

а) Именемъ существительнымъ въ винительномъ падежѣ безъ предлога, напр.:

Цопрыгунья-стрекоза

Лѣто красное *пропѣла* (какъ долго?).

б) Нарѣчіемъ количества, напр.:

И долго на свѣтѣ *томила* (сколько?) она. Лерм.

Ты все *пыла*. Крыл.

в) Числительнымъ количественнымъ:

Я *триста даю* (сколько?). Барат.

П. Составное обстоятельство количества выражается:

а) Составнымъ нарѣчіемъ, напр.:

Гусей *прилетѣло* (сколько?) видимо-невидимо.

Рѣчь разг.

б) Существительнымъ въ соединеніи съ прилагательнымъ или числительнымъ, напр.:

Часа тамъ три *ходилъ* (сколько?). Крыл.

День-деньской часовой дозоромъ *ходитъ* (какъ долго?). Рѣчь разг.

III. Предложеніе обстоятельства количества начинается съ союзныхъ реченій:

а) Сколько, восколько, столько что, столько что, напр.:

Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ (сколько разъ?) челомъ. Фонвиз.

б) Чѣмъ, сопровождающимся тѣмъ, напр.:

Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть *осторожнымъ* (на сколько?).

Печаль минувшихъ дней

Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ *сильный*. Пуш.

§ 26.

Обстоятельство мѣста.

I. Простое обстоятельство мѣста выражается:

а) Нарѣчіемъ мѣста, напр.:

А онъ себѣ *идетъ* (куда?) впередъ. Крыл.

Воронъ гдѣ - то Богъ *послалъ* (гдѣ?) кусочекъ сыру.

б) Существительнымъ

аа) безъ предлога, напр.:

Дождь *прошелъ* (гдѣ?) стороною. Рѣчь разг.

бб) Съ предлогомъ, напр.:

Голодная кума-лиса *залзла* (куда?) въ садъ. Кр.

II. Составное обстоятельство мѣста выражается соединеніемъ въ одно цѣлое:

а) Нарѣчій, напр.:

Онъ *живетъ* (гдѣ?) гдѣ—ни-гдѣ. Рѣчь разг.

б) Существительныхъ, напр.:

Ну *тащися* (гдѣ?), сивка,

Пашней десятиной

Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Кольцовъ.

в) Существительныхъ съ прилагат., напр.:

Дворъ *находился* въ то время въ Царскомъ селѣ.

Пушкинъ.

III. Предложеніе обстоятельства мѣста начинается съ союзныхъ реченій: гдѣ, куда, откуда, коимъ могутъ сооѣтствовать нарѣчія: тамъ, туда, откуда, напр.:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ *стоитъ*.

Куда ни кинь, все *кинъ* (гдѣ?) Посл.

§ 27.

Обстоятельство цѣли.

I. Простое обстоятельство цѣли выражается:

а) Именемъ существительнымъ съ предлогомъ:

Мы *рождены* (для чего?) для вдохновенія. Пушк.

б) Вопросительнымъ нарѣчіемъ зачѣмъ? для чего?

напр.:

Зачѣмъ *сткладывать* бы дальше? Гриб.

в) Неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр.:

Вотъ *идетъ* онъ (зачѣмъ?) къ мужику просить совѣта. Крыл.

II. Составное обстоятельство цѣли выражается соединеніемъ существительныхъ между собою и съ прилагательнымъ, напр.:

Мы *рождены*.. для звуковъ сладкихъ. Пушки.

III. Предложеніе обстоятельства цѣли начинается съ союзныхъ реченій: чтобы, дабы, (имъ соотвѣтствуютъ: съ тѣмъ, за тѣмъ, для того), напр.:

Я *пригласилъ* (для чего?) васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Гоголь.

Кто здѣсь изъ мужиковъ *добрые* (для чего?).

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ. Крыловъ.

§ 28.

Знаки препинанія при обстоятельствахъ.

Разнородныя обстоятельства (простыя и составныя) не раздѣляются запятой, напр.:

Богатые переѣзжаютъ на лѣто изъ города въ деревню. Рѣчь разг.

Однородныя обстоятельства раздѣляются запятой,

1) когда не соединены союзами *и, да, или*, а также когда соединены союзами *а, но*:

Читай не такъ какъ пономарь,

А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Гриб.

2) Когда соединены повторительными союзами: *и, то, или, ни, частію, да*. напр.:

Ни днемъ, ни ночью

Я не вѣдаю покою. Крыл.

Предложенія обстоятельныя, и однородныя и разнородныя, отдѣляются запятой какъ отъ главнаго предложенія, такъ и другъ отъ друга, если между ними нѣтъ соединит. союза, напр.:

Поѣзжай же, куда тебя звали, гдѣ тебѣ нужно быть и откуда ты можешь скоро вернуться. Рѣчь разг.

Обстоятельныя предложенія, слишкомъ распространенныя, отдѣляются другъ отъ друга точкой съ запятой, напр.

Минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, когда каждый часъ былъ дорогъ для избавленія Россіи отъ непріятеля; когда всѣ друзья отечества изъявили князю Михаилу живѣйшую ревность. Карамз.

§ 29.

О п р е д ѣ л е н і е .

Опредѣленіемъ называется такой членъ предложенія, которымъ мысль досказывается по вопросамъ прилагательныхъ мѣстоименій: какой? чей? который? сколько? (сколькихъ, сколькимъ?).

По различію значенія, опредѣленія выражаютъ:

а) Качество, если отвѣчаютъ на вопросъ „какой?“
...Мнѣ

На встрѣчу только *серсты* (какія?) полосаты попадаются одѣ. Пушк.

Носить онъ *кафтанъ* такой (какой?).

Котораго длиннѣе и камзолы. Кр.

в) Количество, если отвѣчаютъ на вопросъ: „сколько, сколькихъ, сколькимъ, сколькими?“ напр.:

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ *сыновей* (сколькихъ?) своихъ. Гоголь.

Полеъ лишился многихъ *солдатъ* (сколькихъ?).

И, сколько здѣсь ни видно насъ.

Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды. Пушк.

в) Принадлежность, если отвѣчаютъ на вопросъ „чей“ (чья, чье...?) напр.:

Полковникъ (чей?) нашъ рожденъ былъ хватомъ. Лерм.

И чей-нибудь ужъ близокъ *часъ*. (чей?). Пушк.
Онъ надѣлъ *пальто* (чье?), чье пришлось. Рѣчь р.

г) Порядокъ, если отвѣчаютъ на вопросъ „какой?“

Третью *педью* (какую?) баринъ денегъ не платитъ. Гоголь.

А какой будетъ недоволенъ, то *ему* (какому?), послѣ дамъ такого недовольствія... Гоголь.

По формѣ опредѣленіе называется:

а) Простымъ, если выражается однимъ словомъ, напр.
Первый блинъ (какой?) комомъ. Посл.

б) Составнымъ, если выражается рядомъ словъ, составляющихъ одно цѣлое, напр.:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый

Скользитъ и падаетъ на ледъ. Пушк.

в) Опредѣлительнымъ предложеніемъ, если выражается предложеніемъ.

Да это для *тлахъ*, которые почище-сь. Гриб.

г) Сложнымъ, если состоитъ изъ нѣсколькихъ однородныхъ опредѣленій, напр.:

Да, были люди въ наше время,

Могучее, лихое племя. Пушк.

Кому, о Господи, доступны

Твои Сіонски высоты?

Тому, чьи мысли неподкупны,

Чьи цѣломудренны мечты. Язык.

Примѣчаніе: Однородными называются опредѣленія, отвѣчающія на одинъ и тотъ же вопросъ; отвѣчающія на разные вопросы называются разнородными.

Наша ветхая (разнород. опред.)

Лачужка и печальна, и темна. Пушк.

§ 30.

Опредѣленія придаются:

а) Къ имени существительному (преимущественно),
напр.:

По прыгунья *стрекоза*

Льто красное пропѣла. Крыл.

б) Къ мѣстоименіямъ существительнымъ, напр.:

Все *это* знаю я. Крыл.

Да это для *тѣхъ*, которые почище-сь. Гриб.

в) Къ каждой части рѣчи, принимающей значеніе
существительнаго, напр.:

Все, все *великое, священное* земли...

Тобой растоптано въ пыли. Лерм.

Громкое *„ура“* раздалось въ воздухъ. Рѣчь разг.

§ 31.

Этимологическія формы опредѣленія.

Собственная часть рѣчи для выраженія опредѣленія
есть имя прилагательное. Другія части рѣчи, и самыя
предложенія, тогда выражаютъ опредѣленіе, когда перено-
сятся къ значенію имени прилагательнаго.

Опредѣленіе качества.

I Простое опредѣленіе качества выражается:

а) Именемъ существительнымъ, согласующимся въ па-
дежѣ съ своимъ опредѣляемымъ. Такое опредѣленіе назы-
вается приложеніемъ.

Предъ иконою святой

Стоишь ты, *вѣтвь* Ерусалима (какая?),

Святыни вѣрный часовой. Лерм.

Такъ потчиваль сосѣдъ *Демьянъ* (какой?)

Сосѣда *Фоку*. Крыл.

б) Прилагательнымъ качественнымъ (и относительнымъ, если оно отвѣчаетъ на вопросъ „какой?“)

Разъ въ крещенскій *вечерокъ* (какой?).

Дѣвушки гадали. Жук.

в) Причастіемъ дѣйствительнымъ и страдательнымъ, напримѣръ:

Давно ль орлы твои летали

Надъ обезславленной *землей* (какой?). Пушкинъ.

г) Мѣстоименіями: какой, такой, никакой, этакъ, каковой, какой-то, всякій....

Какой-то поваръ (какой?) грамотѣй

Съ поварни побѣжалъ своей въ кабакъ. Крыловъ.

д) Неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр.:

Обычай (какой?) поздравлять съ новымъ годомъ свято исполняется. Рѣчь разг.

II. Составное опредѣленіе качества выражается:

а) Соединеніемъ одинаковыхъ частей рѣчи въ одно цѣлое:

Съѣсть грибокъ другой—третій. Рѣчь разг.

Садись, а мы послушаемъ,

Какой такой *Ермилъ*. Некрасовъ.

б) Соединеніемъ существительнаго съ прилагательнымъ, мѣстоименіемъ или причастіемъ напр.:

Старыя *монеты* восемьдесятъ четвертой пробы попадаютъ очень рѣдко. Рѣчь разг.

III. Предложеніе опредѣленія качества выражается предложеніемъ:

1. Союзнымъ, начинающимся

а) съ мѣстоименія: какой (также: который, кто, что, чей, какой, если предложенія съ этими мѣстоименіями отвѣчаютъ на вопросъ „какой?“), напр..

А тамъ-то я поставлю такую *сапuku*, (какую?) какой еще никто не ставилъ. Гоголь

И наконецъ все это оканчивается приобрѣтеніемъ

клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля. Гоголь.

б) Съ нарѣчій: гдѣ, куда, откуда, когда, какъ и союза что, замѣняющихъ относительное мѣстоименіе въ косвенныхъ падежахъ съ предлогомъ (предложенія, начинающіяся съ этихъ нарѣчій, тогда составляютъ опредѣленія, если придаются къ имени существительному, а не къ глаголу: въ послѣднемъ случаѣ они составляютъ или обстоятельства, или дополненія). Съ нарѣчій: гдѣ, когда, откуда начинаются тѣ предложенія, которыя относятся къ существит., означающимъ мѣсто, съ нарѣчій же когда, какъ, что,—тѣ, которыя относятся къ существительнымъ, означающимъ время, напр.:

Нѣтъ ужъ *дней* (какихъ?) тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ

Былъ готовъ и столъ, и домъ. Крыл.

...Всякій долженъ самъ туда же лѣзть

Въ тотъ *ларчикъ* (какой?), гдѣ нѣ статъ,
ни сѣсть. Гриб.

А развѣ нѣтъ *временъ* (какихъ?), что я Молчанина глупѣе. Гриб.

2. Безсоюзнымъ, состоящимъ изъ причастія или качественнаго прилагательнаго съ придаточными къ нимъ словами, напр.:

Они *впнецъ* терновый,

Увитый лаврами, надѣли на него. Лерм.

§ 32.

О опредѣленіе количества.

I. Простое опредѣленіе количества выражается:

а) Прилагательнымъ, означающимъ количество: *многіе*, *немногіе*, напр.:

Недаромъ многихъ *лѣтъ* (сколькихъ?)

Свидѣтелемъ меня Господь поставилъ. Пушки.

б) Числительнымъ количественнымъ, напр.:

Верстѣ больше семисотъ пронесся. Гриб.

Тебѣ я сто *пиастровѣ* даю. Барат.

в) Мѣстоименіями: сколько, нѣсколько, весь.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свестъ,

Чтобъ всѣхъ *знакомыхъ* (сколькихъ?) перечесть.

Гриб.

II. Составное опредѣленіе количества выражается составнымъ числительнымъ количественнымъ:

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ тысячи пятисотъ *воиновъ* исправныхъ. Карамз.

III. Опредѣлительное предложеніе количества начинается съ нарѣчія сколько, напр.:

И, сколько здѣсь ни видно насъ,

Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды. Пущк.

§ 33.

Опредѣленіе порядка.

I. Простое опредѣленіе порядка выражается:

а) Числительнымъ порядковымъ:

Вонъ у чулана шеста *недпая* (которая?) дверь стоитъ еще не навѣшана. Фонвиз.

б) Именемъ прилагательнымъ, если оно имѣетъ значеніе порядка, напр.:

Еще одно, послѣднее *сказанье* (которое?). Пущк.

в) мѣстоименіями: этотъ, тотъ, сей, который, нѣкоторый, напр.:

Правдинъ.

Котора *дверь*! вотъ эта?

Митрофанъ.

Эта? прилагательная. Фонвиз.

II. Составное опредѣленіе порядка выражается:

а) Соединеніемъ въ одно цѣлое тѣхъ же частей рѣчи, какими выражается и простое.

Въ этотъ самый *день* (который?) случилось это.
Рѣчь разг.

б) Составнымъ порядковымъ числительнымъ, напр.:

Государь (Алексѣй Михайловичъ) сочетался бракомъ съ Натальей Кирилловной въ 1671 году (которомъ?).
Щеб.

III. Опредѣлительное предложеніе порядка выражается предложеніемъ:

а) Союзнымъ, начинающимся съ мѣстоименія который (также кой, что, вм. который), напр.:

А все чуденъ и *москв* (который), по коему мы пойдемъ. Крыл.

Которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, *ту* (которую?) и она хорошо спитъ. Акс.

б) Безсоюзнымъ, состоящимъ изъ прилагательнаго, числительнаго или причастія съ придаточными къ нимъ словами напр.;

Тотъ нищій, этотъ *франтъ-пріятель*. Кр.

Объявленъ мотомъ, сорванцемъ! Гриб.

Домъ (который?) ближайшій (=второй отъ нашего къ нашему, продается. Рѣчь разг.

§ 34.

Опредѣленіе принадлежности.

I. Простое опредѣленіе принадлежности выражается:

а) Именемъ и мѣстоименіемъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ.

И Бога *массъ* (чей?) ко мнѣ воззвалъ. Пушкин.

Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ его *души*
(чей?). Пущк.

б) Именемъ прилагательнымъ, означающимъ принадлежность, напр.:

Все больше сестрины, свояченицы *дѣтки* (чьи?).
Гриб.

в) Мѣстоименіемъ притяжательнымъ, напр.:

Сосѣдushка, мой *свѣтъ* (чей?). Крыл.

II. Составное опредѣленіе принадлежности выражается:

а) Соединеніемъ существительнаго съ прилагательнымъ или мѣстоименіемъ въ родительномъ падежѣ въ одно цѣлое, напр.:

Тезоименитство Его Величества, Государя Императора, 30 Августа. Рѣчь разг.

б) Соединеніемъ одинаковыхъ частей рѣчи, т. е. существит., прилагат. и мѣстоименій въ одно цѣлое, напр.:

Отцово-батьшкіно благословеніе на вѣки нерушимо. Рѣчь разг.

III. Опредѣлительное предложеніе принадлежности начинается съ мѣстоименій:

а) чей (чья, чье?), причемъ это мѣстоименіе остается безъ существительнаго, напр.:

Я возьму *книгу* (чью?), чья бы она ни была.

б) Кто въ дат. падежѣ, при сказуемомъ, означающемъ принадлежность, напр.

Вещь, кому бы она ни принадлежала, должна быть возвращена хозяину. Рѣчь разг.

Примѣчаніе: Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея. Гриб. Въ этомъ примѣрѣ — „чья чаще гнулась шея“ — предложеніе качества, потому что отвѣчаетъ на вопросъ „какой?“ и мѣстоименіе „чья“ стоитъ и согласуется съ существ. придаточнаго предложенія.

§ 35.

Знаки препинанія при опредѣленіи.

Если въ предложеніи нѣсколько разнородныхъ опредѣлений, т. е. отвѣчающихъ на разные вопросы, то они, въ формѣ простой и составной, не отдѣляются запятой другъ отъ друга, въ формѣ же предложенія — отдѣляются, напр.:

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна. Пушки.

Дома, которые находятся въ центрѣ города, сколько ихъ ни видно, одинаково хороши.
Рѣчь. р.

Однородныя (т. е. отвѣчающія на одинаковый вопросъ) опредѣленія и простыя, и составныя предложенія отдѣляются другъ отъ друга запятой:

а) Если не соединены союзами и, или, да, напр.;

Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали. Пушки.

А *тотъ* чахоточный, родня вамъ, книгамъ
врагъ,

Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился? Гриб.

б) Если предъ каждымъ изъ опредѣлений повторяются союзы: и, или, ни, то (также, если они соединяются союзами а, но), напр.:

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ

Въ тринадцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ
пятомъ. Гриб.

Ни мои, ни чьи труды не останутся втуне. Р. разг.

Опредѣлительныя предложенія, какъ союзныя, такъ и бессоюзныя, отдѣляются запятой, если стоятъ въ началѣ или концѣ предложенія, и выдѣляются запятыми, если стоятъ въ срединѣ предложенія.

Нѣсколько опредѣлительныхъ предложеній отдѣляются другъ отъ друга точкой съ запятой, если слишкомъ распространены.

Причастія и прилагательныя съ придаточ. къ нимъ словами, если стоятъ впереди того слова, къ которому они относятся, не считаются предложеніями и не отдѣляются запятой. Это потому, что такія причастія и прилагательныя не могутъ быть обращены въ форму полного предложенія, напр.:

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ. Илиада. (Нельзя сказать: Ей отвѣчалъ знаменитый, который шеломомъ сверкаетъ, Гекторъ).

Приложеніе, имѣющее при себѣ придаточныя слова, отдѣляется и выдѣляется запятыми, напр.:

Такъ думалъ Іоаннъ,

Смиритель бурь, разумный самодержецъ.

Пушк.

§ 36.

Согласованіе опредѣленія.

Если опредѣленіе выражено прилагательнымъ, причастіемъ, порядковымъ числительнымъ и прилагательнымъ мѣстоименіемъ, то согласуется съ своимъ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, напр.:

Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ. Пуш.

Гонимы вѣшними лучами

Съ окрестныхъ горъ снѣга

Сбѣжали мутными ручьями

На потопленные луга. Пушк.

Такъ же согласуется причастіе и прилагательное въ предложеніяхъ бессоюзныхъ, напр.:

Здѣсь видѣлъ я царя,

Усталаго отъ грѣвныхъ думъ и казней. Пушк.

Исполненъ доми, завѣщанный отъ Бога

Мнѣ грѣшному. Пушк.

Если къ одному и тому же слову относится нѣсколько опредѣленій, то они согласуются съ нимъ въ родѣ и падежѣ, но въ числѣ не всегда, напр.:

Пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Жуков.

Если одно опредѣленіе дается къ нѣсколькимъ опредѣляемымъ, то оно, согласуясь съ нимъ въ падежѣ, въ родѣ ставится или преимущественномъ, или въ родѣ ближайшаго опредѣляемаго, — въ числѣ же или единственномъ, или множественномъ.

Полюбуетесь нѣкоторыми произведеніями русскаго *рыбца и кисти*. Бат.

Отецъ и мать, убитые горемъ, молятся за душу сына. Рѣчь разг.

Опредѣленіе количества, выраженное числит. количеств., а также словами: много, мало, сколько, нѣсколько согласуются въ родѣ числѣ и падежѣ съ опредѣляемымъ въ косвенныхъ падежахъ; но въ именительномъ и винительномъ падежѣ это опредѣленіе, по особенному свойству русскаго языка, не только не согласуется съ своимъ опредѣляемымъ, но само управляетъ имъ въ родительномъ падежѣ, напр.

У насъ разсчитъ въ нѣсколькихъ рубляхъ

Много воды *утекло*. Посл.

Есть изъ кумушекъ моихъ *такихъ кривлякъ* пять — шесть. Крыл.

Ужъ сколько *разъ* твердили міру. Крыл.

Мѣстоименія: какой, который, чей, если начинаютъ опредѣлительное предложеніе и не имѣютъ при себѣ существительнаго, согласуются въ родѣ и числѣ съ словомъ, къ которому дается предложеніе; падежъ же ихъ опредѣляется мѣстомъ ихъ въ опредѣлительномъ предложеніи, напр.:

Гдѣ, укажите намъ, отечества *отцы*,

Которыхъ мы должны *принять* за образцы? Гриб.

Если же этими мѣстоименіями начинается предложеніе вмѣстѣ съ существительнымъ, то они согласуются въ родѣ, числѣ и падежѣ съ послѣднимъ, напр.:

Которую *ночь* Степанъ Михайловичъ хорошо почи-
ваетъ. Акс.

Тотъ и славился, чѣмъ чаще гнулась *шея*. Гриб.

§ 37.

Вставные члены предложенія.

Въ предложеніи могутъ быть такіе члены, которые не придаются ни къ какому члену предложенія, а стоятъ самостоятельно. Они суть:

1. Обращеніе, выраженное звательнымъ надежомъ, напр.
Сосѣдка, слышала-ль ты добрую молву? Крыл.

2. Междометіе, выражающее чувство, напр.:

Ну, пошелъ же ради Бога! Некр.

Эй, садись ко мнѣ, дружокъ! Некр.

3. Вводныя слова, напр.:

Есть, право, менѣе булавочной головки. Крыл.

4. Вводныя предложенія, которыя могутъ имѣть при себѣ придаточныя предложенія, напр.:

„Сосѣдка, слышала-ль ты добрую молву?“ вбѣжав-
ши, крысѣ мышь сказала. Крыл.

Знаки пррппинанія: Всѣ эти вставные члены предложенія отдѣляются и выдѣляются запятой, какъ видно изъ примѣровъ. Кромѣ того междометія и тѣ изъ обращеній, которыя стоятъ въ началѣ или въ концѣ предложенія, могутъ имѣть послѣ себя знакъ восклицанія, напр.:

Эй! поди сюда!

Садись ко мнѣ, дружокъ! Некр.

Дружокъ! садись ко мнѣ.

Междометіе, стоящее рядомъ съ обращеніемъ и составляющее съ нимъ одно цѣлое, не отдѣляется отъ обращенія запятой, напр.:

О ты, пространствомъ безконечный! Держ.

Если же междометіе и рядомъ съ нимъ стоящее обращеніе суть отдѣльные члены, то первое отъ послѣдняго отдѣляется запятой, напр.:

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ.. Пушк.

§ 38.

Виды предложеній.

Предложеніе, между придаточными членами котораго нѣтъ другаго предложенія, называется единичнымъ.

Единичное предложеніе называется простымъ, если въ составѣ его нѣтъ сложныхъ членовъ,—слитнымъ, если одинъ или нѣсколько его членовъ сложные, (т. е. нѣсколько сказуемыхъ или нѣсколько однородныхъ придаточныхъ членовъ), напр.:

Простое: И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ. Крыл.

Слитное: Еще одно, послѣднее сказанье (сл. сказ.). Пушк.

Мнѣ чудятся то шумные пирь,

То ратный станъ, то схватки боевыя,

Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ (сложн. подл.). Пушк.

Предложеніе, состоящее изъ соединенія предложеній, называется сложнымъ.

Соединеніе равносильныхъ предложеній (двухъ или болѣе главныхъ или придаточныхъ однородныхъ) происходитъ по способу сочиненія.

Соединеніе придаточнаго съ главнымъ бываетъ по способу подчиненія.

Подчиненіе придаточнаго предложенія другому придаточному называется включеніемъ.

Подчиненіе нѣсколькихъ придаточныхъ предложений одному и тому же главному — однородныхъ, т. е. находящихся между собою въ отношеніи сочиненія, называется соподчиненіемъ.

Итакъ сложные предложенія бываютъ слѣдующихъ видовъ:

1) Сложное по способу сочиненія:

Смирй себя молитвой и постомъ,

И сны твои видѣній легкихъ будутъ исполнены. Пущк.

2) Сложное по способу подчиненія:

У васъ тамъ въ *передней*, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими *гусенятами*, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Гог.

3) Сложное по способу подчиненія и включенія:

И всѣ кругомъ *объяты* были страхомъ,

(подч.) *Уразумѣвъ* небесное видѣніе,

(включ.) Зане святой владыка предъ царемъ

Во храмѣ тогда не находился. Пущк.

4) Сложное по способу сочиненія и подчиненія:

Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, (соч.), но имѣютъ очень странные поступки, (подч.) натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Гог.

5) Сложное по способу соподчиненія, напр.:

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ

Покинулъ ты, что мало искушеній

Послалъ тебѣ Всевышній. Пущк.

6) Сложное по способу соподчиненія и включенія.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы

Я бѣ желалъ на вѣки тамъ заснуть, —

(соподч.) Чѣтобъ въ груди дрожали жизни силы,

Чѣтобъ вздымалась тихо грудь;

Чѣтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
(включ.)

Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя (включ.),
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ. Лерм.

§ 39.

Сочиненіе.

Сочиненіемъ называется такое сочетаніе членовъ предложенія и цѣлыхъ предложений, которыя, будучи другъ отъ друга независимы, тѣмъ не менѣе находятся между собою въ тѣсной внутренней связи, подобно звеньямъ въ цѣпи.

Однородные члены слитнаго предложенія, соединенныя главныя предложенія и однородныя придаточныя предложенія находятся между собою въ отношеніи сочиненія.

Сочиняются предложенія и части ихъ только такія, которыя по внутреннему смыслу имѣютъ тѣсную связь и соотношеніе. Поэтому сочиненіе не нуждается собственно ни въ какихъ вѣшнихъ средствахъ и выражается въ простомъ сочетаніи однородныхъ частей и предложений; но языкъ, какъ бы для нагляднаго обозначенія связи предложений и ихъ членовъ, прибѣгаетъ часто и къ вѣшнымъ средствамъ — особымъ реченіямъ, которыми онъ искусственно связываетъ предложенія и ихъ члены и которыя поэтому называются союзными.

Сочиненіе предложений и членовъ его безъ помощи союзныхъ реченій называются внутреннимъ, напр.:

а) Сочиненіе въ слитн. предложеніи:

Шведъ, русскій, колетъ, рубить, рѣжетъ. Пушкинъ.

б) Сочиненіе однор. прид. предложений:

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,

Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,

Добру и злу внимая равнодушно,

Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва. Пушкинъ.

в) Сочиненіе главн. предложеній:

Онъ царскіе чертоги

Преобразилъ въ молитвенную келью;

Тамъ тяжкія, державныя печали

Святой души его не возмущали. Пушк.

На утро, въ часъ обѣдни,

Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;

Крикъ, шумъ. Пушк.

Сочиненіе предложеній и членовъ ихъ помощію союзныхъ реченій называется внѣшнимъ; напр.:

(Слитн. предложеніе.)

Ни власть, *ни* жизнь меня не веселятъ.

Предчувствую небесный громъ и горе. Пушк.

(Однород. прид. предл.)

По совѣсти мнѣ правду объяви:

Узналъ ли ты убитаго младенца

И не было-ль подмѣна? Пушк.

(Сочин. главн. предл.)

И стыдно мнѣ и страшно становилось,

И, падая стремглавъ, я пробуждался...

И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ. Пушк.

§ 40.

Союзныя реченія при сочиненіи.

Сочиняемыя части (предложенія и ихъ члены) находятся между собою въ троякомъ внутреннемъ отношеніи: или въ отношеніи согласія и сходства ихъ смысла, или въ отношеніи противоположенія, или въ отношеніи взаимнаго исключенія.

Первое отношеніе называется соединительнымъ, второе — противоположнымъ, третье — раздѣлительнымъ. Въ языкѣ для каждаго изъ этихъ отношеній служатъ соотвѣтствующія союзныя реченія.

А) При сочетаніи соединительномъ — употребляются:

1. Союзы: а) соединительные: и, не только — но и, какъ, — такъ и, также, кому же, даже, еще, да, частію-частію, то-то, ни-ни.

Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки. Гриб.
Не только отъ него видимъ мы вреда иль огорченья,
Но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда. Дмитр.

б) Заключительные: и такъ, слѣдовательно, поэтому, потому, то-есть, значитъ.

Не служить, — то-есть, въ томъ онъ пользы не находитъ. Гриб.

Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственные вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Гог.

2) Мѣстоименія: тотъ — этотъ, одинъ (иной) — другой; числительныя: первый — второй.... послѣдній, кто — кто.

Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,

Объявленъ мотомъ, сорванцомъ. Гриб.

Лѣто проходить — матушки нѣту;

Другое проходить — сударини нѣту;

Третье въ доходѣ — матушка ѣдетъ. Нар. пѣсня.

3) Нарѣчія: здѣсь — тамъ, сперва — потомъ далѣе — наконецъ, индѣ — индѣ, сюда — туда, во-первыхъ — во-вторыхъ — на послѣдокъ,

Индѣ россияне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россиянь. Карам.

До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Гог.

4) Всякая часть рѣчи, повторяемая предъ каждой изъ сочиняемыхъ частей, причемъ нерѣдко послѣдняя изъ нихъ присоединяется къ предъидущимъ реченіямъ: словомъ, всѣ, все это и т. п.

Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный. Пушк.

Особенно въ народной поэзіи:

Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломѣ у нихъ гнѣвъ раскидается. Нар. пѣс.
Гори, гори, рощица, гори, зеленая!
Всѣ пеньица, кореньица, всѣ вонь выгорайте,
Всѣ пташечки—канарейки, всѣ вонь вылетайте.

Тоже.

Б) Для сочетанія противоположнаго служить:

а) Противоположные союзы: а, же, но, да, однако, впрочемъ. не смотря на то, все-таки, напротивъ, анъ.

Приговорилъ себѣ во дворъ, анъ вышелъ воръ. Посл.
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше,—лестъ какъ кружево плели. Гриб.

б) Противоположныя слова — понятія: богатый—бѣдный, добродѣтель—порокъ и проч.

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ;
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ. Пушк.
Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.
Нар. пѣсня.

В) Для раздѣлительнаго сочетанія служить:

а) Раздѣлит. союзы: ли—или, или—или

Умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую
строить, что хотъ святыхъ выноси. Гог.

б) Повтореніе въ началѣ сочиняемыхъ частей одинаковыхъ выраженій, имѣющихъ раздѣлительное значеніе.

Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не
помню пять, не помню шесть (т. е. съѣлъ). Фонвиз.

Хотъ честный человѣкъ, хотъ нѣтъ—

Для насъ равнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ. Гриб.

§ 41.

П о д ч и н е н і е.

Подчиненіємъ называется такое сочетаніе предложений и ихъ членовъ, при которомъ подчиняемая часть находится въ зависимости отъ какого либо члена главного предложения.

Второстепенные члены простаго предложения, а также придаточныя предложения, находятся въ отношеніи подчиненія къ сказуемому или къ другому члену главного предложения. Однородные члены слитнаго предложения и однородныя придат. предложения сложнаго предложения, находясь между собою въ отношеніи сочиненія, сами соподчиняются тому слову, къ которому они прилагаются.

Тѣ слова, къ которымъ прилагаются и подчиняются слова и предложения, называются подчиняющими.

Подчиненіе, какъ и сочиненіе, бываетъ внутреннее и внѣшнее.

Внутренне подчиненіе бываетъ лишь по смыслу (по требованію извѣстнаго вопроса), — при отсутствіи согласованія и управленія и безъ помощи союзныхъ реченій.

Если же подчиненіе, при условіи зависимости по смыслу, происходитъ или по правиламъ согласованія и управленія или съ помощію союзныхъ реченій, тогда оно называется внѣшнимъ.

Въ единичномъ предложеніи внѣшнее подчиненіе выражается согласованіемъ и управленіемъ словъ. Полныя придаточныя предложения подчиняются помощію союзныхъ реченій, — сокращенныя же причастіемъ и прилагательнымъ подчиняются посредствомъ согласованія. Иногда и члены простаго предложения подчиняются посредствомъ союзныхъ реченій.

Примѣры внутренняго подчиненія:

(Въ прост. предл.)

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ. Пушкинъ.

(Осенняя погода, на дворѣ—члены виѣшняго подчиненія, въ тотъ годъ, долго—члены внутренняго подчиненія, характеризующіеся отсутствіемъ согласованія и управленія).

Мы мочи нѣтъ другъ другу *надоѣли*. Грибъ.

(Въ сложн. предл.)

Погоди немного—

Отдохнешь (когда?) и ты. Лерм.

Они *тотчасъ*: разбой! пожаръ! Грибъ.

Для насъ равнехонько—про всѣхъ *готовъ* (почему?) обѣдъ. Грибъ.

Примѣры виѣшняго подчиненія.

(Въ прост. предложеніи)

Сказалъ—словно рублемъ подарилъ. Посл.

Онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а ребенокъ. Тург.

(Въ сложн. предложеніи)

Любопытень бы я былъ послушать, *чему* нѣмецъ-то его выучилъ. Фонвиз.

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,

Но что безъ нихъ не обойдется дѣло. Грибъ.

(Соединеніе въ одномъ примѣрѣ внутр. и виѣшняго подчиненія).

Примѣч. 1. Понятію о подчиненіи не противорѣчатъ случаи согласованія сказуемаго съ подлежащимъ: сказуемое согласуется съ подлежащимъ не по требованію его, а само, принимая форму рода, лица, числа и падежа, требуетъ и соотвѣтственнаго подлежащаго, на сколько оно по своей природѣ способно согласоваться съ нимъ; падежная зависимость больше и глубже зависимости, выражаемой согласованіемъ.

Примѣч. 2. Придаточн. предложенія подчиняются главному не сразу, а постепенно. Непосредственно и преж-

де всего подчиняется слову главнаго предложенія сказуемое придаточнаго—или просто при внутреннемъ подчиненіи (скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ *поминаютъ*), или вмѣстѣ съ союзнымъ реченіемъ при вѣшнемъ подчиненіи (*известно*, что слоны въ диковинку у насъ). Остальные члены придаточнаго предложенія подчиняются главному посредственно чрезъ свое сказуемое, у котораго они находятся въ подчиненіи по образцу главнаго предложенія.

Примѣч. 3. Непосредственное подчиненіе бываетъ, когда слово прямо относится къ сказуемому; посредственное, когда оно къ нему дается непрямо, каковы всѣ опредѣленія, а также дополненія и обстоятельства, подчиненныя прямо какому либо второстепенному члену.

Задумчивость, ея подруга

Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,

Теченье сельскаго недуга

Мечтами украшала *ей*. Пушкинъ.

(Курсивомъ отмѣчены слова посредственнаго подчиненія; остальные непосредственно подчинены сказуемому).

§ 42.

Союзныя реченія при подчиненіи.

А) Мѣстоименія.

Мѣстоименія: кто, что, который, какой, чей, каковой, сколько употребляются въ двоякомъ значеніи—вопросительныхъ и относительныхъ.

1) Въ значеніи вопросительныхъ этими мѣстоименіями начинаются дополнительные предложенія (подлежащія, прямыя и косвенныя).

Скажи (что?), въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?
Крыль.

Не смыслить самъ разобрать, что широко, что узко.
Фонвиз.

Примѣч. Такія дополнительные предложенія иначе называются косвенными вопросами.

2) Въ значеніи относительныхъ тѣми же мѣстоименіями начинаются опредѣлительныя предложенія, которыя относятся къ имени и мѣстоим. существительному.

Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду (какому?),
Какого ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ. Крыл.
Вотъ *тѣ*, которые достигли до сѣдинъ. Гриб.

Б) Нарѣчія:

1) гдѣ, куда, откуда, когда, какъ, сколько, чѣмъ.

а) Въ значеніи вопросительныхъ эти нарѣчія служатъ для подчиненія дополнительныхъ предложеній напр.

Да *расскажи* (что?), гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ. Гриб.

б) Въ значеніи нарѣчій относительныхъ

аа) ими начинаются опредѣлительныя предложенія, если относятся къ имени существительному.

Вотъ видишь-ли черезъ рѣку тотъ *мостъ* (который?),
Куда намъ путь лежитъ? Крыл.

Едва другая сыщется *столица*, какъ Москва. Гриб.

бб) Если же предложенія, начинающіяся этими нарѣчіями, относятся къ глаголу (или отглагольному имени) въ такомъ случаѣ

α) гдѣ, куда, откуда начинаютъ предложенія обстоятельства мѣста.

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Увы! Гдѣ меньше страха намъ,

Тамъ *можетъ* смерть постичь скорѣе. Держ.

β) Когда (взаявъ ихъ: какъ, между тѣмъ какъ, лишь только) подчиняютъ предлож. обстоятельства времени.

А тамъ, какъ прїѣдетъ ревизоръ, пожалуй опять можете его (арашникъ) повѣсить. Гог.

γ) Какъ подчиняетъ обст. образа.

Какъ трупъ, въ пустынь я лежалъ. Пушки.

Примѣч. Какъ при существ. съ мѣст. такой (и безъ него) образуетъ предлож. опредѣлит.: отъ него такой *запахъ*, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода. Гог.

δ) Сколько, чѣмъ начинаютъ обст. количества.

Печаль минувшихъ дней

Въ моей душѣ чѣмъ старѣе, тѣмъ сильнѣй. Пушки.

В) Союзы.

1) Если (когда, какъ) хотя, пускай правда, положимъ, конечно, не смотря на то). Первымъ начинаются предложенія условныя, а прочими уступительныя.

Какъ посравнить да посмотрѣть

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, —

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Гриб.

Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?

2) Ибо, потому что, такъ какъ, оттого что служатъ для подчиненія предложеній обстоятельства причины.

Многихъ обманываетъ громкое имя — гора Голгофа, ибо въ сущности она едва заслуживаетъ названіе холма. Мурав.

3) Союзами чтобы (дабы, иногда да) начинаются

а) Предложенія дополнительныя, если отвѣчаютъ на вопросы надежей.

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,

Ошибкою добро о комъ нибудь сказали? Гриб.

б) Обстоятельства цѣли, если отвѣчаютъ на вопросъ: для чего?

Вотъ васъ бы съ тетушкою *свести*,

Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечестъ. Гриб.

в) Обстоятельство образа, если присоединяется посредством нарѣчія такъ.

И потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Гоголь.

г) Обст. количества, если подчиняется предложению посредством нарѣчія столько.

Работай столько, чтобы не заболѣть. Рѣчь разг.

4) Что имѣетъ самое обширное употребленіе при подчиненіи предложений. Этимъ союзомъ начинаются:

а) Предложенія дополнительные.

Я вамъ *скажу*, что это интересное чтеніе. Гог.

б) Предложенія опредѣлительныя, подчиняемыя

а) или существительному прямо и посредствомъ указательнаго мѣстоим. тотъ, тотъ, такой.

А развѣ нѣтъ *времени*,

Что я Молчанина глупѣе? Гриб.

Умный человѣкъ... *рожу* такую строить, что хоть святыхъ выноси. Гог.

б) Или мѣстоименію указательному—въ смыслѣ существительнаго.

Ну, а что изъ *того*, что вы берете взятки борзыми щенками? Гог.

в) Обстоятельства образа, причемъ предложеніе подчиняется и прямо, и посредствомъ нарѣчія такъ.

Упалъ—да такъ, что чуть затылка не прошибъ. Гриб.

Все *ворожитъ*, что красная невѣста. Пушкин.

г) Обстоятельство количества, если предложеніе относится къ сравнит. степени, причемъ что можетъ соответствовать то.

Что старѣе, то-хуже. Гриб.

5) Чѣмъ, нежели (старинное какъ) начинаютъ предложенія дополнительные, относящіяся къ сравнит. степени.

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,

Не *лучше*-ль на себя, кума, оборотиться? Крыл.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзій, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міѳологіи и народной психологіи.